

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

Содержание

К XII МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

- Мошкова Л.В., Турилов А.А.* (Москва). "Моравские земле велеи гражданин" (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) 3
Тарасов О.Ю. (Москва). Эмблематика в иконописи барокко XVII–XVIII веков 24

СТАТЬИ

- Досталь М.Ю.* (Москва). П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы 31
Кишкин Л.С. (Москва). Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920–1930-е годы) 43
Поспишил И. (Брно), *Зеленка М.* (Прага). Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого 52
Новопашин Ю.С. (Москва). Пребывание советских войск в Восточной Европе как предпосылка революционных событий 1989–1990 годов 60

СООБЩЕНИЯ

- Гришина Р.П.* (Москва). Заметки о Е.З. Волкове и его книга "Христо Ботев. На заре балканского революционного коммунизма" 70
Стыкалин А.С. (Москва). Об одном из свидетельств о венгерской революции 1956 года (В.А. Крючков и его воспоминания) 75
Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. (Москва). Научно-исследовательская экспедиция 1996 года "Книжная культура православной Польши" и ее итоги 83

ПУБЛИКАЦИИ

- Бубеникова М.* (Прага). Письмо Е.И. Набоковой к А.Л. Бему 91
Горяинов А.Н., Робинсон М.А. (Москва). Шесть писем А.Л. Бема и о А.Л. Беме 94

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Савицкий И.П.</i> Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie v biografické údaje autorech).....	105
<i>Косик В.И.</i> В.Д. Козлитин. Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919–1945.....	112
<i>Косик В.И.</i> М. Јовановић. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС, 1919–1924	115
<i>Горяинов А.Н.</i> А.И. Доронченков. Российская эмиграция "первой волны" о национальных проблемах покинутого Отечества: Очерк.....	118
<i>Ананьева Н.Е.</i> J. Siatkowski. Szesko-polskie kontakty językowe.....	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Фалькович С.М.</i> Российско-польская конференция "Польская ссылка в России XIX–XX веков. Региональные центры".....	123
--	-----

PERSONALIA

К 75-летию А.И. Пушкина.....	125
Новые издания Института славяноведения РАН.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Адельгейм И.Е.*, *Васильев М.А.*, *Веслова И.Ю.*,
Кошкина Е.А., *Стемковская Ю.Е.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи – не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения – до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т.п. – до 6–7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются, рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

К XII Международному съезду славистов

ПАМЯТИ ВОЙТЕХА ТКАДЛЬЧИКА

© 1998 г. **Л.В. МОШКОВА, А.А. ТУРИЛОВ**

"МОРАВСКИЕ ЗЕМЛЕ ВЕЛЕИ ГРАЖДАНИН" (НЕИЗВЕСТНАЯ ДРЕВНЯЯ СЛУЖБА ПЕРВОУЧИТЕЛЮ МЕФОДИЮ)

12 марта 1998 г., при описании в Отделе рукописей Государственного Исторического музея Миней служебной из собрания А.И. Хлудова для Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в., один из авторов статьи обнаружил в ее составе службу славянскому первоучителю Мефодию. Уже беглое сопоставление текста с опубликованным показало, что найденная служба неизвестна палеославистам. В том, что памятник не был открыт на протяжении последних 130 лет, впору видеть роковое стечение обстоятельств, так как сохранился он в составе одного из самых богатых славянскими древностями (и в силу этого весьма известных исследователям) собрания.

Поскольку рукопись сама по себе, а не только из-за включенной в нее службы, заслуживает дополнительного изучения (это одна из древнейших сербских Миней служебных), целесообразно привести ее краткое описание.

Рукопись ГИМ, Хлуд. 156 представляет собой Минею служебную с проложными житиями на мартовскую половину года, написанную в конце XIII в. или на рубеже XIII–XIV вв.¹ Она состоит из 314 листов пергамента размером в лист (26,5 × 18,5; листы обрезаны при переплетении в 1870-х годах). Почерк – мелкий устав нескольких рук (на листах, занятых службой Мефодию, с полууставными элементами), в два столбца; на странице 31–38 строк.

Утрачены начало и конец кодекса. Он начинается 1-м тропарем 4-й песни канона апп. Олимпу, Иродиону, Терентию, Сосипатру, Ерасту и "Гукуарту" (15 марта); обры-

---

Мошкова Людмила Владимировна – научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО.

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Первый владелец рукописи – А.Ф. Гильфердинг – датировал ее XIV в. Эта датировка повторена А.Н. Поповым [1. С. 311], в описании пергаменов ГИМ [2] и в Предварительном списке [3] кодекс отнесен ко второй половине XIV в. без обоснования такой датировки. В смысле содержания этой дате противоречит и использование в Минее житийного материала из Пролога Константина Мокисийского. Несомненно, именно датировка кодекса в печатных изданиях явилась одной из причин ограниченного интереса к нему исследователей.

вается 2-м тропарем 5-й песни второго канона на Положение пояса Богородицы (31 августа).

Почерки и оформление рукописи имеют достаточное количество аналогий среди почерков сербских рукописей последней четверти XIII – первой четверти XIV в. ("эпохи краля Милутина")². Орнаментика рукописи состоит по преимуществу из тонких киноварных инициалов в начале житийных текстов и паримийных чтений, что составляет для сербских рукописей палеографическую примету второй половины XIII – первой половины XIV в. [5. С. 131–156].

Правописание рукописи выдержанное рашское старшего периода, наблюдается отсутствие йотации после согласных (*лоуди*, *гонителя*), редуцированные нередко заменяются паерком в виде латинского *z* над строкой. В качестве знака препинания используется точка (на высоте середины буквы) и крест 4-х точек (в конце песнопений). Изредка встречается **Ъ**, вероятно, под влиянием оригинала. Наблюдается смешение **ѣ** и **ш**, особенно заметное в заглавных буквах песнопений. **Ъ** пишется писцами так, что его можно принять за промежуточный знак редуцированного; но причина этого чисто графическая: все мачты букв имеют горизонтальную черту, ограничивающую вертикаль и направленную влево.

Удвоение **Ъ** в конце слова, характерное для сербских рукописей рашской орфографии XIV в., здесь не встречается. Регулярны случаи смешения в именах собственных и иностранных словах **П** и **Ф** (например, *филосопъ* и гиперкорректное *Карфъ*). По орфографии рукопись можно было бы датировать и более ранним временем, чем конец XIII в., но палеографические показатели этому противоречат.

Палеографические и кодикологические признаки (количество строк, площадь текста, почерк, орнаментика) позволяют установить, что помимо кодекса Хлуд. 156 к первоначальному составу рукописи принадлежит также пергаменная тетрадь из 8 листов, хранящаяся в том же Отделе рукописей ГИМ, в собрании П.И. Щукина, № 48. Отрывок содержит службы на 5–10 марта (начинается с окончания проложного жития в службе мч. Исихию, обрывается 1-й песней канона мч. Кодрату Коринфскому), т.е. между Щук. 48 и Хлуд. 156 отсутствует приблизительно одна тетрадь, и еще столько же, вероятно, утрачено в начале.

Кроме формальных кодикологических признаков, части рукописи роднит и помета на первом листе каждой из них – "Лешокъ" (на щукинском отрывке чернилами, в хлудовской части карандашом), указывающая на место находки. Почерка надписей достаточно близки, но отождествление из-за малого объема невозможно. Разделение рукописи произошло до того, как хлудовская часть получила свой нынешний переплет³.

Переплет рукописи Хлуд. 156 новый, изготовленный в XIX в. после того, как она поступила в собрание коллекционера.

Службы весьма кратки, обычно это три стихиры в начале и канон с включением седална; стихиры после канона помещаются редко. Паримийные чтения, тропари и кондаки даются лишь на большие праздники и особо чтимым святым. После 6-й песни

² Ср., например, мелкий почерк дополнений к Учительному евангелию 1286 г. (РНБ. Гильф. 32 [4. № 187]), Рашскую кормчую 1305 г. (ГИМ. Воскр. 29 перг. и РНБ. Унд. 25), Милутинов октоих (1282–1321), точнее начала XIV в. (ГИМ. Увар. 521-F).

³ Том Миней служебной на сентябрь–февраль, составлявший комплект с Хлуд. 156, не сохранился, с большой долей вероятности можно говорить о его фрагментах. Самый большой из них – Миней на январь–февраль на 63 л. (София, Церковный историко-археологический музей, № 403 [6. С. 15–17]). Рукопись имеет определенное отличие в размерах, площади текста и количестве строк от Хлуд. 156, однако колебания остаются в пределах допустимого между отдельными томами (особенно учитывая вариативность количества строк в хлудовском томе). Вопрос о наличии общих почерков требует специального исследования, но типологическая и хронологическая близость несомненна. То же можно сказать в отношении орфографии и орнаментики.

Возможно, к этому же тому относятся два листа из ноябрьской Миней служебной (ГИМ. Щук. 46 [4. № 271]), во всяком случае А.И. Яцимирский, который очень часто сообщал в печати меньше, чем ему было известно, считал, что они происходят из одного комплекта с Щук. 48 [7].

канона обязательно имеется проложное житие (из Пролога Константина Мокисийского), но оно далеко не всегда соответствует службе. В размещении житий выдержан чисто календарный принцип, поэтому при расхождениях в месяцесловах Минеи и Пролога служба и житие могут помещаться под разными числами (подобное можно наблюдать и в других списках миней с проложными житиями, например, в несколько более поздней Минеи попа Гюрга – БАН. 4.5.10) [4. № 281].

Славянских проложных житий в Хлуд. 156 нет. Под 24 июля (л. 238б–240г) находится совместная служба мц. Христине и Борису и Глебу (сѣоую м(ч)нкуоу Борнса и Хлѣба) [8]. Князьям-мученикам посвящены стихира, седален, по одному тропарю в каждой песни, начиная с 4-й, кондак, икос и стихиры в конце, т.е. текст сокращен даже по сравнению с кратким вариантом в другой сербской минее (Хлуд. 160).

Сведения об истории рукописи до ее привоза в Россию скудны. По всей видимости, не позднее конца XIV в. она оказалась в Македонии, где и находилась до 1868 г., совершая относительно небольшие миграции по территории региона. На л. 221 сохранилось начало и конец записи с упоминанием краля Марка (1371–1394), написанной сербским канцелярским письмом рукой дьяка Боговца. Поля рукописи буквально испещрены записями (начала посланий) XV–XVI вв., написанными трудночитаемыми канцелярскими почерками бледными чернилами, но ни одна из них не имеет даты и все они малоинформативны. На л. 22 читается начало послания "мудрому и достойному господару Скедеру" (почти несомненно Скандербегу, 1443–1468) "от воев" (оды?). Многие послания адресованы безымянному архиепископу, очевидно, охридскому.

Рукопись была привезена А.Ф. Гильфердингом из его загадочной поездки в 1868 г. Помета "Лешокъ" свидетельствует, что рукопись была приобретена в северо-западной Македонии, в Пологе близ Тетова; вероятно, в Крининском Успенском монастыре.

В описании собрания А.И. Хлудова, составленном А.Н. Поповым, кодексу, как и большинству богослужебных рукописей, уделено несколько строк без раскрытия содержания [1. С. 311]. Вероятно, именно это и послужило причиной того, что уникальный памятник в течение столетия пребывал в неизвестности.

Публикуемая ниже новооткрытая служба Мефодию ставит перед исследователями целый ряд проблем, главной из которых является вопрос о ее соотношении с другими памятниками кирилло-мефодиевского цикла. Подобно стеклышку, добавленному в калейдоскоп, она может изменить привычную картину, заставив ее сначала распасться, а затем сложиться в новый, совершенно непохожий на прежний и более яркий узор. Несомненно, служба – слишком значительное произведение, чтобы его можно было проанализировать в одной статье: этот памятник вполне заслуживает глубокого и подробного монографического изучения. Поэтому в настоящей работе авторы излагают лишь предварительные наблюдения, нуждающиеся в доработке и углублении.

Состав службы и его особенности.

Текстологические и образные параллели

Служба первоучителю Мефодию на первый взгляд достаточно обычна по своему составу. Она состоит из трех стихир на "господи возвах", канона 6-го гласа с включением седална после 3-й песни и трех стихир после канона, вероятно, на "хвалите".

Первые две стихиры, расположенные перед каноном, а также седален с отдельными и почти неизбежными разночтениями представлены в другой службе Мефодию в Драгановой и Добриановой минеях [9. С. 301–302; 10. С. 123], где стихиры поставлены 2-й и 3-й на "господи возвах", а седален расположен также после 3-й песни.

Глас публикуемого канона и ирмосы 1, 3–6-й песней совпадают с гласом и соответствующими ирмосами канона общего пророкам, приписываемого Клименту Охрид-

скому [11. С. 189–191]. Однако тропари канона находят больше соответствий (как небольших текстовых, так и образных) в каноне общим апостолам этого же автора [11. С. 193–197]⁴.

Возможно, объяснить этот феномен помогут слова памятника совершенно иного жанра – Похвалы Кириллу и Мефодию. В рассказе о смерти Кирилла говорится: "и приложиса къ оцѣмъ своимъ, пр(о)ркомъ и ап(с)ломъ, мчѣкомъ и встѣмъ стѣни.мъ" [13. Т. 1. С. 472]; а о смерти Мефодия: "И приложиса къ оцѣмъ своимъ патриархомъ Аврамоу, Исакоу, Иаковоу" [13. Т. 1. С. 473].

Каждая песнь состоит из полностью написанного ирмоса, трех тропарей и богородична. Исключение (пропуск) 2-й песни – для минейного канона скорее правило. Но, как будет показано ниже, в процессе восстановления акростиха, первоначально эта песнь в каноне все же была⁵. Наличие в минейном каноне 2-й песни не столь исключительное явление: так, в комплекте Софийских миней XII в. "довольно канонов, имеющих и вторую песнь" [15. С. 78]. Казалось бы, можно обосновать включение в канон 2-й песни как тем, что, по свидетельству пространного жития, Мефодий умер в среду Страстной недели [13. Т. 3. С. 192], так и тем, что его память обычно приходится на дни Великого поста (в нынешнем году – на Пасху). Однако, как правильно заметил Г. Попов, многие великопостные каноны, в том числе и на память разных святых, 2-й песни не имеют [14. С. 37]. Напротив, в каноне ап. Иакову Зеведееву (30 апреля), помещенном в одном из томов упоминавшегося комплекта, 2-я песнь есть [15. С. 59]. Следовательно, связь между днем празднования памяти именно в пост и включением в канон 2-й песни не столь прямая.

Возможно, включение 2-й песни в канон Мефодию должно было подчеркнуть скорбь учеников об усопшем учителе. Но также можно предположить, что первоначальный состав двух канонов Мефодию отражал определенный этап формирования славянской гимнографии.

Большинство тропарей канона посвящены прославлению свт. Мефодия и его неустанного труда – просвещения славянских народов. Однако в службе рассыпаны и чисто исторические реалии из жизни учителя. Они содержатся: в 3-й стихире перед

⁴ Канон общий апостолам, уже в силу своего назначения, произведение предельно обезличенное, "усредненное", написанное так, чтобы его песнопения можно было отнести к *любо*му апостолу.

Сравнение канонов общих апостолам, святителям и мученикам Климента Охридского с канонами Кириллу, а также Кириллу и Мефодию было сделано Б. Мирчевой [12]. Но целиком признавая возможную плодотворность подобных сравнений, следует высказать ряд возражений автору. Первое – канон Кириллу и Мефодию сохранился только в русской традиции, поэтому вопрос о времени и месте его создания (а также авторстве) нуждается в специальном исследовании. Второе – основной материал для сравнений дают богородичны канонов – песнопения, наименее связанные с празднуемым святым и потому более "мобильные". Третье – приведенные примеры совпадений в действительности не отрицают возможности использования богородичных канонов общих в каноне Кириллу и Мефодию, особенно если учитывать первое из только что высказанных возражений.

Говоря же о текстологических параллелях в богородичных канонах Кириллу и канона общего апостолам, более логично предположить влияние "именного" произведения на канон общий (если считать, что служба Кириллу написана вскоре после его смерти). Составление общих служб есть скорее особенность архиерейской деятельности, призванной упорядочить богослужение и дать в руки священнослужителям универсальную книгу, позволяющую восполнить недостаток или отсутствие служб конкретным святым.

Последнее наше возражение носит общий характер и вызвано не конкретной работой, а скорее историографией вопроса в целом. Если не сам поиск текстологических параллелей в произведениях ближайших учеников солунских братьев, то разговоры о "заимствованиях", "источниках" и "образцах" обиден для них. В этом тесном кругу образованных, ярких, литературно одаренных людей неизбежно должна была сложиться (при сохранении каждым своей авторской индивидуальности) единая "литература содружества", когда находки, образы, сравнения одного автора становились достоянием всех. Вероятно, на какое-то время (до разделения и формирования собственного окружения) это был как бы "коллективный автор", единый во многих лицах.

⁵ Второй песни канона лишены как канон Димитрию Солунскому, атрибутируемый исследователями Мефодию, так и все дошедшие службы первоучителям. Но находка неизвестной службы Мефодию позволяет вернуться к этому вопросу, так как уже нельзя категорически отрицать предположения, высказанного Дж. Павичем (тоже в связи с реконструкцией акростиха), о присутствии 2-й песни в каноне Константина Преславского Мефодию [14. С. 37].

канонем, 3-х тропарях 3 и 4-й песней, во всех тропарях 6-й песни (которую по содержанию можно назвать "исторической"), в 1-м тропаре 8-й и 2-м тропаре 9-й песни. Из указанного перечня можно исключить свидетельство, носящее достаточно общий характер ("Въспнѣнь съ мудростию"). Все оставшиеся факты, которые "знает" служба (вернее, упоминает ее автор) сводятся к следующим: свт. Мефодий родом из Фессалоник, его отец Лев имел семь детей; смолоду Мефодий отверг "житейскую славу", некоторое время провел в пустыне; со своим братом Кириллом "прелетаста весь мир": побывал у хазар, фуллов ("фил"), в Херсонесе.

На первый взгляд может показаться, что среди этих свидетельств не хватает по крайней мере следующих. Первое – подчеркивания архиерейского служения Мефодия, хотя он и называется святителем (3-я стихира перед канонем, 1-й тропарь 3-й песни, 2-й тропарь 5-й песни; в акростихе назван архиереем). Второе – упоминания триязычной ереси, с которой он боролся (хотя без столь привычного определения мотив борьбы с ересями в каноне присутствует)⁶. Было бы странно утверждать, что автор канона не имел под руками жития Мефодия, поскольку, как мы попытаемся показать ниже, им был один из ближайших учеников святого, которому не нужен был текст для того, чтобы заимствовать оттуда факты жизни учителя. Вероятно, подбор фактов не был случаен и отражал авторский замысел (хотя нельзя полностью отрицать и того, что столь "необходимые" нам реалии содержались в утраченных тропарях). Свое понимание авторской идеи, легшей в основу службы, мы рассмотрим ниже, вместе с вопросами о времени и месте ее создания. Здесь же целесообразно привести (весьма неполно) параллели с некоторыми памятниками кирилло-мефодиевского круга. Но при этом авторы далеки от того, чтобы говорить о "прямых заимствованиях", "источниках" и пр. Единственная их цель – показать, как хорошо вписывается новооткрытый памятник в ряд произведений давно известных.

Все перечисленные выше факты земной жизни Мефодия, а также многочисленные образные параллели к песнопениям службы содержатся в Похвале Кириллу и Мефодию. Разная жанровая принадлежность этих памятников делает чисто текстологическое сравнение не совсем корректным, однако совпадения используемых в стихирах и тропарях канона образов, возможно, будут достаточно убедительны⁷.

Помимо многочисленных параллелей в обоих памятниках об апостольском служении, проповеди Евангелия, просвещении народов и борьбе с ересями, чему и была посвящена вся жизнь братьев, нам хотелось бы выделить (в порядке их размещения в службе) следующие.

В первой перед канонем стихире Мефодий уподобляется Давиду и говорится о исповедании им Отца и Сына и Святого Духа, от Отца, но не от Сына исходящего⁸. Похвала содержит сходный мотив: оба брата сравниваются с Давидом, прообразовавшим Троицу тремя камнями [13. Т. 1. С. 471].

И в похвале [13. Т. 1. С. 471] и в службе (2-я стихира) говорится о благодати, принятой от Бога и "реализуемой" в проповеди и апостольском служении⁹.

"Северская страна" упоминается вместе с Моравской землей в 3-й стихире перед канонем, во множественном числе этот топоним стоит в похвале в ряду стран, пере-

⁶ Упоминание триязычной ереси есть в 1-м тропаре 3-й песни канона Кириллу [10. С. 109, 118] и седальне ему [10. С. 115, 118]; однако оно отсутствует в каноне Кириллу и Мефодию [10. С. 111–114].

⁷ Выбор для сопоставления Похвального слова, а не жития определяется тем, что в отношении художественных приемов и образного строя памятники гимнографии и торжественного красноречия традиционно имеют больше точек соприкосновения, чем с агиографическими текстами. Но это не отрицает, а скорее предполагает, что необходимо сравнение и жития со службой.

⁸ Догматические вопросы, затрагиваемые автором в службе, с неизбежностью ставят перед исследователями вопрос о ее сравнении с "Написанием о правой вере".

⁹ Сходный мотив есть во 2-м тропаре 6-й песни канона Кириллу и Мефодию [10. С. 113]. Несомненно, что автор этого канона знал службы как Кириллу, так и Мефодию. Однако теперь встает следующий вопрос: какую из известных служб Мефодию он использовал, так цитируя в 4-м тропаре 6-й песни слова общей в них стихир: "(отъ) отца оубо параклита исходяща. а не съноу глагола" [10. С. 113].

числяемых без названий, но по географическому их расположению ("вѣсточьныхъ и западныхъ и сѣверьскихъ") [13. Т. 1. С. 473]¹⁰.

В 1-м тропаре 1-й песни канона ("шко свѣтла те слнца ш(т) востокъ пославь вл(д)ка. запад'нтымь") и седальне Мефодий уподобляется солнцу, движущемуся с востока на запад¹¹. Правда, сразу возникает вопрос: "западные" по отношению к чему были те, кого просвещал Мефодий? И здесь следует обратиться к свидетельству похвалы о пути следования братьев: от хазар (т.е. с востока) к западным странам – Паннонии и Моравии [13. Т. 1. С. 471]. После этого сравнение Мефодия с солнцем воспринимается не просто как красивый литературный прием, но как метафорическое преломление реального события.

В 1-м тропаре 3-й песни Мефодий уподобляется прор. Моисею, который не только вывел иудеев из Египта, но "наставил их". В Похвале эта тема развернута широко, дела братьев не только сравниваются с делами пророка, но говорится и о их принципиальном различии: так, если Моисей вывел народ из пустыни, то братья "люди изведоста из м'ногомрачнаго днавольскаго мора" [13. Т. 1. С. 470].

Столь же прекрасное, выстроенное в Похвале по всем законам красноречия сравнение братьев с Авраамом [13. Т. 1. С. 470] во 2-м тропаре 4-й песни канона сведено к трем словам ("Аврамово прѣселенник паче испльник"), глубокий смысл которых в полной мере раскрывается только при обращении к Похвале¹².

3-й тропарь 4-й песни – это квинтэссенция рассказа Похвалы о монашеском периоде жизни Мефодия [13. Т. 1. С. 469].

6-я "историческая" песнь канона восхваляет обоих братьев. Однако следует отметить, что и в Похвале рассказы только об одном из них чередуются с эпизодами их совместной деятельности; похвала же в конце этого памятника, естественно, общая. Именно в этом чередовании единственного и множественного числа видится параллель между двумя памятниками.

В 1-м тропаре этой песни говорится о том, что братья "прѣлетаста весь мирь". Но близкие словосочетания есть и в Похвале: "всю вселенную обидоста" [13. Т. 1. С. 471], "Подънбсьноюю всю прошьдъша" [13. Т. 1. С. 473]¹³.

Во 2-м тропаре братья сравниваются с двумя лозами, выросшими из одного корня (в Похвале же упоминаются две леторасли [13. Т. 1. С. 468]). Здесь же о них говорится: "напонста в'селеную пива дѣвнааго. прѣливающа рѣки вжива пива". Упоминание "животнаго пива" есть и в Похвале [13. Т. 1. С. 473]. По содержанию к 6-й песни примыкает 2-й тропарь 9-й песни со сведениями о происхождении Мефодия. Но и они находят полные аналогии в Похвале [13. Т. 1. С. 468].

Тема служения "трипостасному божеству" присутствует в Похвале [13. Т. 1. С. 471], развита она и в службе, особенно ярко проявляясь в изменении содержания 3-го или, вернее, последнего перед богородичном тропаря в 5, 7–9-й песнях. Здесь помещены песнопения, которые по форме – тропари, но по содержанию – троичны (с усилением в них догматической направленности в 7–9-й песнях). Как правило, троичен входит в состав служб Октоиха, для минейного канона он явление редкое, но не уникальное. Так, в одной из служб свт. Савве Сербскому третий тропарь каждой (!) песни канона – "троичен" [6. С. 83–91]. В связи с этим можно было бы высказать два предположения. Первое – данная особенность определена святительским чином празднуемых – и Мефодий и Савва были первыми архиепископами и, следовательно,

¹⁰ "Северские грады" упоминаются и во 2-м тропаре 8-й песни канона Кириллу [10. С. 111, 121].

¹¹ Мотивы просвещения "западных" и движения славянских учителей с востока на запад отразились и в других службах им.

¹² Тема "преселения Авраама" есть в службе Кириллу [10. С. 109, 118], в общем каноне также связана с Кириллом [10. С. 113].

¹³ Характерно, что в "двойном" каноне первоучителям слова "всю вселенную освяти" относятся к Мефодию [10. С. 112].

вероисповедные, догматические вопросы в их просветительской деятельности играли важнейшее значение. Второе – поскольку обе службы сохранились в сербских рукописях, не является ли отмеченная нами особенность результатом влияния более ранней службы Мефодию на службу Савве? Однако тропарь, включающий "троичный" мотив, есть в последней песне канона вмч. Димитрию Солунскому [15. С. 25], автором которого некоторые исследователи считают Мефодия. Если последнее предположение верно, то не является ли отмеченная особенность развитием безымянным учеником приемов своего учителя (что само по себе вполне закономерно?) В связи с этим хотелось бы обратить внимание на такую, казалось бы незначительную, особенность канонов Мефодию и Димитрию: первые два тропаря 7-й песни в каноне Мефодию и 1, 2 и 4-й тропари в каноне Димитрию [15. С. 23–24] оканчиваются так же, как и ирмосы этих песней¹⁴. Кроме этого, в службах есть небольшие лексические параллели. О Димитрии говорится: "Троици свѣтъльби яко гражданинъ" [15. С. 22; 2-й тропарь 3-й песни]; "Небеснааго свѣдѣн тѣ гражданина" [15. С. 23; 2-й тропарь 6-й песни]; Мефодий назван гражданином Моравской земли в 3-й стихире перед каноном. В каноне Димитрию упоминается "пиво небесное" [157. С. 22; 3-й тропарь 1-й песни], "пиво духовное" – в каноне Мефодию (2-й тропарь 6-й песни). Подобные параллели между отдельными памятниками можно умножить.

Последний в песни по местоположению, но не по значению – богородичен. Вероятно, трудно найти другой канон, в котором бы так хорошо прослеживался авторский замысел. Богородичны 1, 3–6-й песней можно условно разделить по содержанию каждый на две части: в первой говорится о прообразовательных свидетельствах Ветхого завета о Богородице; вторая повествует о непорочном зачатии и рождении Бога¹⁵. Удивительные параллели к выделенным первым частям (не только текстовые, но, что главное, образные) можно найти в каноне на Введение Богородицы во храм, принадлежащем преславско-охридской литературной школе¹⁶.

Служба свт. Мефодию. Хлуд. 156

Исаниа те прозрѣ. ис корѣне
Иксѣвва дѣо жьзль прозевьшаго.
(богородичен 1-й песни)

Лѣствяницю стоюю проави те Иаковъ.
бѣ по неже сниде на землю
въшнѣн. (богородичен 3-й песни)

Изьрци авѣ Гедешне что ксть шно
роуно. (богородичен 4-й песни)

Не(с)ноую те д'врь наре(ч)
чзекиль пр(о)ркь. кюже ник'тоже
пронде (богородичен (5-й песни)

Канон на Введение Богородицы [16.
С. 35–38]

Рѣци оубо Исаник пр(о)рче въпиж. что
ксть жьзль прозевьши ис корене
Д(д)ва (богородичен 3-й песни)

Иаковъ тѣ провидѣ дrev'ле. лѣств-
вицѣ небснѣж. по неже сниде бѣ. (2-й
тропарь 4-й песни; но в других списках
богородичен этой песни)

Прорьци оубо Гедешне. ч'то к(с)
роуно шно. (1-й тропарь 7-й песни)

Прорьци Икремик. к'то к(с) дверь
небѣнаа. дѣа Мрѣиа ре(ч). кѣже инѣ
не пронде. (2-й тропарь 7-й песни)

¹⁴ Подобный же прием использован Константином Преславским в каноне Мефодию: все песнопения 7-й песни и, с учетом некоторых разночтений, песнопения 8-й заканчиваются, немного их варьируя, последними словами ирмоса [10. С. 126–127]. В каноне Кириллу и Мефодию все песнопения 7-й и тропари 8-й песни также оканчиваются последними словами ирмоса [10. С. 113–114].

¹⁵ Песнопения, объединенные общей темой, можно найти в каноне Константина Преславского: 3-й тропарь каждой песни – покаянно-молитвенное обращение автора к Мефодию [9. С. 301–305; 10. С. 123–127].

¹⁶ Некоторые параллели к богородичнам новооткрытого канона Мефодию можно найти среди песнопений, написанных Климентом Охридским [см., например: 11. С. 162, 167, 169], но, вероятно, эти примеры можно умножить.

Монсеви прошебразова коупиноу.
wг'на вж(с)твнаго безъ шполѣнна
понести и родити гѣ. (богородичен
6-й песни)

Съвьшж сѣ авѣ на теѣ дѣо. прорн-
цанна пр(о)рк. въь бо тѣ кжпнж
наре(ч). (богородичен 5-й песни)

Гѣи пр(о)рчьстни съвьшж сѣ. кжпнж
тѣ и горж прорнчѣще. (5-й тропарь 9-й
песни)

Как можно заметить из приведенных цитат, последовательность упоминания ветхозаветных пророков в обоих канонах почти совпадает. В каноне на Введение говорится о происхождении Богородицы из корня Давидова, что по сути правильно, но не соответствует тексту Библии (Исайя. 11. 1), а слова пророка Иезекииля ошибочно приписаны Иеремии – вероятно, следствие неправильной расшифровки имени "Ие (з)" под титлом. Надо отметить, что оба канона не только написаны с акростихом, требовавшим в начале песнопения разных букв, но и посвящены разным праздникам, поэтому в богородичном каноне некоторые прообразы упомянуты не один раз.

Богородичны канона Мефодию оставляют в стороне характерный для литературы и живописи образ "Горы Нерукосяной", связанный с пророком Даниилом. В 3-м тропаре 3-й песни канона на Введение этот образ "анонимен": "Пр(о)рчьскаѣ ре(ч)ннѣ на теѣ съвьршишж сѣ прѣч(с)таѣ. въь горж тѣ наре(ч). дроугнѣ дверь" [16. С. 36]¹⁷. Эти же перечисленные выше прообразы можно найти в Слове на Успение Богородицы [13. Т. 1. С. 772–773].

Еще одно прообразовательное свидетельство о Богородице приведено в 8-й песни канона вмч. Димитрию: "жъзль Аронъ авнѣсѣ дѣво" [15. С. 24] (кстати, богородичен 3-й песни этого канона [15. С. 22] явно перекликается с богородичном 1-й песни канона Мефодию), но в двух сравниваемых выше канонах и Слове на Успение его нет. Однако есть произведение, в котором содержатся не только все перечисленные выше, но и дополнительные прообразовательные свидетельства. Это памятник моравской эпохи "Слово о похвале Богородице Кирилла Философа" [17. С. 253–269]. Поскольку единственный список древнейшей редакции не опубликован, позволим себе привести большую цитату из Триодного торжественника последней четверти XV в.: "Тѣ пр(о)ркѣ акѣ медѣ на азъцѣ лежа. оуста ихъ шслажають сѣ сладостью ово бо тѣ кивотомъ стѣмъ нарече. А дроугнѣ гороу несѣкомоуо. ш(т) неѣ же оуторжесѣ камень Исъ Х(с)ъ гѣ. исполнити всю землю. А дроугнѣ же лѣствица свѣтлы нмѣ же изиде праведное всеѣ твари. А дроугнѣ же инако ѣко намѣнн тѣ ѣкоже шсвѣти оумѣ. комоу о товѣ пр(с)таѣ вѣа. Исана же великнѣ наречеть тѣ жезль прозѣвши ш(т) корени Иосѣва" [ГИМ, Муз. 1779. Л. 106–106об.]; "кто оубо не оукрепити си оума на вѣроу твердоу. слышавъ кѣпнѣ горѣвши при Монсеви на горѣ" [там же. Л. 108об.]; "О роуно Гедешнова на не же сходитъ роса и дождь весцю. О жезль Аронъ в часъ прозѣбанье. И Даниѣ камень оуторже сѣ без роуки ш(т) горы. О оулица Иезекилевѣ и ниже великнѣ свѣтъ нсхожаше. И инѣ многѣ шбразѣ изъшбращеть" [там же. Л. 109].

Достаточно логично предположить, что исключенный при редактировании богородичен 1-й песни был посвящен образу, связанному либо с пророком Даниилом, либо с Аароном. На наш взгляд, более вероятно второе: песнопение скорее всего начиналось с Ж (Жезл).

Содержание второй части богородичнов по шестую песнь включительно в каноне

¹⁷ Некоторые из перечисленных прообразов можно найти и в Слове на Успение Богородицы [13. Т. 1. С. 772–773].

Мефодию как бы подготавливает нас к их метаморфозе в 7–9-й песнях. Здесь перед нами богородичен, который с достаточно большим основанием можно назвать догматиком, поскольку смысловой акцент поставлен на рождении Бога "въкоупе соугоуба кствоь".

Заканчивая описание состава и особенностей службы первоучителю, следует подчеркнуть, что служба Мефодию не просто еще одно произведение с акrostихом, но продуманное, организованное, четко выстроенное и подчиненное одной идее сочинение, имеющее сложную внутреннюю структуру, отдельные части которой следуют своей заданной теме.

Акrostих и его реконструкция

В каноне Мефодию читается частично сохранившийся акrostих, к сожалению, безымянный, поскольку упоминание имени сняло бы много проблем. Акrostих проходит по начальным буквам тропарей и богородичнов, из чего следует, что последние если не написаны для этого канона, то специально подобраны и отредактированы. Связный (или, по крайней мере, без труда реконструируемый) текст начинается с богородична первой песни.

	Исана		
3	Млѣвъ	7	Ап(с)лкнк
песнь	Їво	песнь	Рѣкн
	Въспитѣнь		Из'бавн
	Льствьницю		Ѹдина
4	На странъ	8	Рода
песнь	Аврамово	песнь	Молтвьнѣк
	Моудрости		Ѹдиноу
	Изърци		кствоь
5	Прозвъль	9	Тън
песнь	Юкоже	песнь	О(т)чства
	Соушествоь		Изъ шца
	Нв(с)ноую		Юко
6	Мъсльно		
песнь	Изъ Ѹдиногo		
	Пѣ(с)ми		
	Юже		

"...ИМІ ВНАМИ ПАСНИ ПѢ АРИЕР МЪЮТОИЪ"

Полностью в акrostихе сохранилось только два слова – вл(ь)нами и пасн(ь)ми. Пропуск редуцированных, с которых не может начинаться ни одно слово, технически оправдан и имеет достаточно аналогий в других ранних образцах славянских акrostихов¹⁸. Во второй части акrostиха, начиная с 3-го тропаря 6-й песни, утрачено не менее четырех букв. Хотя смысл заключительной части краегранесия не вызывает сомнений, реконструкция его необходима для уяснения первоначальной структуры службы.

Нетрудно заметить, что начальная буква богородична 6-й песни написана ошибоч-

¹⁸ Ср., например: **ТРИПѢСННА** в трипеснях предпразднеству Рождества Христова Климента Охридского [11. С. 167–168], **ДНС** и других в цикле триодных трипеснецв Константина Преславского [14. С. 95].

но. Исходно здесь читалось несомненно "Юже из'бра", что более правильно и чисто грамматически. Между богородичном и предшествующим тропарем опущен еще один тропарь, начинавшийся с **О** или **W** – **П[О]Ю**. В седьмой песни опущен второй тропарь, начинавшийся на **Х**, в девятой – третий (**Д**). Сложнее ситуация с 8-й песнью. Здесь не только имеется пропуск, но и нарушен порядок букв. При этом простая их перестановка, восстанавливающая правильное чтение, не соответствует структурным особенностям реконструируемого текста (см. выше). Для правильного прочтения акrostиха достаточно, казалось бы, поменять местами 2-й и 3-й тропари (**Молтвѣнчѣк** и **Юдиноу**). Тем самым в имени убирается лишнее **Ю** (**М[к]кто(д)ивѣ**), а предшествующее слово получает предпоследнюю или последнюю (они одинаковы) букву – **Ар(х)нкр(кк)**. Однако нельзя упускать из виду, что переносимый вперед тропарь скорее может быть назван троичном, причем не только по содержанию. Около него (единственный раз во всей службе) поставлен на поле киноварный знак троична в древней форме (алхимический знак золота). Правда, писец явно плохо отличал его от знака богородична ("фита"). Но троичны традиционно занимают в песнях место непосредственно перед богородичном.

Вероятно, стремление следовать сразу двум принципам: соблюдать одновременно структуру службы и последовательность акrostиха, приводила порой древних авторов к патовой ситуации. Разрешаться она могла лишь допущением в акrostихе обратного чтения – мены двух букв. Предположение подтверждается тем, что такая инверсия не является исключительной отличительной чертой данного канона. Большинство списков канона на Введение Богородицы содержат в акrostихе чтение **ПРЪЧИТА** вместо **ПРЪЧИСТА** [16. С. 32] именно из-за того, что (Иаков) приходится на богородичен. Исключение составляет Скопская минея XIII в., но там акrostих нарушен еще больше – **ПРЪИЧСТАѦ** [16. 32.]¹⁹.

Наибольшую сложность для реконструкции представляет, несомненно, начальная часть акrostиха – современная 1-я песнь. Здесь за исключением богородична, вместе с первыми тропарями 3-й песни составляющего окончание прилагательного (-**ИМІ**) к существительному **ВЛНАМИ**, связный текст не образуется. Три тропаря 1-й песни дают соответственно три буквы, и ситуацию не спасает даже предположение о дополнительном тропаре. Среди поэтических славянских памятников, снабженных акrostихами, канон Мефодию представляет достаточно необычный случай именно испорченным началом. Гораздо больше примеров, когда акrostих читается в первых песнях канона, а дальше оказывается полностью деструктурированным²⁰.

¹⁹ Разумеется, можно попытаться реконструировать акrostих (благо утраты не настолько велики, чтобы сделать невозможным исходное его прочтение), не прибегая к версии дополнительных тропарей. Акrostих может создаваться не только с помощью букв, но и целых слов и (или) сочетаться с элементами мезостиха (прием, широко распространенный в ренессансном и барочном творчестве). К первому приему еще предстоит обратиться в связи с реконструкцией начала акrostиха, но в пределах с 3-й по 9-ю песнь следов комбинации букв с целыми словами обнаружить не удастся.

Версия использования элементов мезостиха на первый взгляд представляется весьма продуктивной. Все пропущенные буквы можно обнаружить в начале слов, входящих в соответствующие тропари: **О** (**пЮо**) — **Wстанькѣ** (3-й тропарь 6-й песни); **Х** и **Ю** (**арХнкрЮѣ**) – соответственно **Х** (**с**)ь (2-й тропарь 7-й песни) и **Ю**же (3-й тропарь 8-й песни); **Д** (**МетоДивѣ**) — **Др'ѣвле** (3-й тропарь 9-й песни).

На этом пути, однако, имеется ряд существенных препятствий. Древнейшие славянские поэтические тексты не знают примеров смешения акrostиха и мезостиха (случай употребления последнего здесь попросту неизвестны). Как будет показано ниже, при реконструкции начальной части акrostиха, в каноне Мефодию невозможно обойтись без предположения о сокращенных тропарях и песне. И, наконец, усиленный поиск мезостихов в сравнительно поздних списках древних текстов открывает простор для слабо контролируемых полетов фантазии.

²⁰ Таков, например, канон Евфимию Великому (и производный от него Иоакиму Сарандапорскому) – начало акrostиха **СѢАТ ПОУСѢТИН...** Лишь начало акrostиха сохранилось в каноне Андрею Первозванному в Братковой минее XIII в. [18] и Минее праздничной (ГИМ. Хлуд. 166).

Сохранившаяся и восстановленная часть акростиха диктуют нам конструкцию его начальной части: автор воспеваает архиепископа Мефодия, сравнивая свои песни с некими волнами (как некими волнами). Причину разрушения начальной части акростиха можно видеть только в исключении из канона 2-й песни (см. выше), которая редко встречается в минейных канонах.

Однако просто констатация факта первоначального наличия в каноне 2-й песни не объясняет разрушения акростиха в 1-й. Вероятно, в процессе придания канону современного вида 2-я песнь не была исключена механически, и песнь 1-я смонтирована из песнопений обеих в шахматном порядке: 1-й тропарь 1-й песни, 1-й тропарь 2-й песни, 2-й тропарь 1-й песни и богородичен 2-й песни. Исключены были 3-й тропарь 1-й песни, 2-й и 3-й тропари 2-й песни и богородичен 1-й песни. При таком предположении и в соответствии с конструкцией акростиха его начало будет читаться как **ЮК(О)** (последняя буква утрачена). Ключ к реконструкции прилагательного к слову **ВЛНАМИ** дает начальное слово 2-го тропаря 1-й песни (первоначально 1-го во 2-й) – **Зареник**. Судя по 3-й и 4-й песням, песни в начале канона включали три тропаря и богородичен. Поэтому более вероятно, что во 2-й и 3-й песнях читалось слово **З(АР)ИМИ** (т.е. лучезарными, светозарными). Показательно, что начальные слова первых тропарей в первых двух песнях почти целиком покрывают их акростих (**ЮКО, ЗАРеник**). В подтверждение нашего прочтения рискнем высказать следующее предположение. Составляя акростих (а очевидно, это предшествует написанию канона) автор употребил слово, которое (или однокоренные с ним) потом должен был сознательно или бессознательно включить в текст. Слова с корнем **Зар-** употреблены в службе три раза: **зареник** (2-й тропарь 1-й песни и 1-й тропарь 9-й песни) **зарами** (2-й тропарь 3-й песни).

Богородичен 1-й песни должен был начинаться на **И** или, что более вероятно, на **Ж** (**Юко и; Юкож**). Учитывая отмеченную особенность богородичных первых песен канона, букву **ж** легко найти в словосочетании "Жезл Ааронов" (см. выше).

С учетом изложенных поправок и перестановок реконструируемый акростих читается (в сербской орфографии XIII–XIV вв.) следующим образом: **ЮК[ОЖ] З[АР]ИМИ ВЛНАМИ ПЪСНМИ П[О]Ю АР[Х]ИЄР[Є]Є МЄТО[ДИ]И.**

Время и место создания

Проведенный анализ текста в совокупности с другими особенностями памятника позволяет с достаточной степенью вероятности и надежности ответить на вопрос о времени и месте создания новонайденной службы, ее возможном авторе и соотношении со службой, написанной Константином Преславским.

Нет сомнений в том, что служба Мефодию в Хлуд. 156 – ранний памятник, относящийся к древнейшему пласту кирилло-мефодиевской традиции. Ее оригинал бесспорно был глаголическим: типичное для этого алфавита неразличение букв **Ъ** и **Ю** (**ПЪСНМИ** акростиха) имеет много аналогов в гимнографическом творчестве учеников славянских апостолов. Сам акростих также указывает на принадлежность памятника к преславско-охридскому литературному кругу (применяем здесь это понятие не в хронологическом, а в культурно-типологическом значении).

Сложнее установить более определенные хронологические рамки. Положение в значительной мере затрудняется существованием давно известной константиновой службы. Не будь ее, новый памятник в качестве уникального явления не нуждался бы в объяснении.

Сопоставление двух служб Мефодию целесообразно начать с рассмотрения ряда деталей, относящихся к историческим реалиям. Почти все они без исключения присутствуют в константиновой службе и отсутствуют в новонайденной. Разумеется,

аргументы *ex silentio* не имеют решающего значения в решении вопроса датировки и локализации памятника, особенно если учесть, что новая служба в рамках канона сокращена на 20 процентов (7 тропарей и 1 богородичен – две песни стандартного размера). Однако нельзя упускать из виду и того, что служба сокращалась не механически, а вполне осознанно – об этом свидетельствует и составление современной 1-й песни из двух первоначальных и сохранение всех троичнов. Иной вопрос – что редактор считал важным, а что малозначимым. Поэтому такое сопоставление целесообразно проделать, чтобы выяснить, могут ли умолчания сложиться в систему, если рассматривать их на фоне других древних гимнографических памятников кирилло-мефодиевского цикла.

Из наиболее значимых в этом смысле моментов можно выделить в отношении событий и реалий отсутствие в новой службе упоминаний о триязычной ереси и рассеянии учеников после смерти учителя по чужим странам, а в географическом отношении – Болгарии (и прилагательного болгарский), Паннонии и юга (южных стран) как области деятельности первоучителей.

Упоминание триязычной ереси является для кирилло-мефодиевского цикла почти маркирующим признаком. Но в службах она обычно упоминается лишь в одном песнопении; поэтому весьма велика вероятность, что "триязычники" упоминались в одном из семи исключенных тропарей. Аналогично могла сложиться судьба и мотива изгнания учеников после смерти учителя; отсутствие его в новой службе не может поэтому служить доказательством ее старшинства. Но в обоих случаях вопрос остается открытым.

В новой службе не фигурирует ни Болгария, ни болгары. Сходным образом обстоит дело в совместном каноне Кириллу и Мефодию и в русских списках службы Кириллу. В этом, разумеется, нельзя усмотреть злого умысла сербских и русских редакторов и писцов. Первенство болгар в причастности к кирилло-мефодиевской традиции почти безоговорочно признавалось в обеих странах, и следствием вмешательства редактора могло явиться упоминание своего народа, но отнюдь не исключение другого (характерный пример – расширение списка славянских народов в "Слове о похвале Богородицы" [17. С. 257] или включение сербов вслед за болгарам в число "единородных" Иоанну Рыльскому в молитве, завершающей его проложное житие). Напротив, упоминание в южнославянских списках "болгарских" книг вместо славянских носит явно вторичный характер. Очевидно, что умолчание о Болгарии в новой службе исконно, и служит свидетельством большей древности ее относительно написанной Константином Преславским, где среди стран, славящих Мефодия, фигурирует Мисия (= Болгария).

Понятен подчёркнутый интерес Константина к Паннонии – его служба прославляет Мефодия как святителя, исторический центр диоцеза которого находился в этой области. Службы Кириллу упоминают ее (в искаженном виде) лишь по одному разу, а в совместной службе она вовсе не фигурирует. Возможно, чтение было настолько испорчено, что от него предпочли отказаться.

Впрочем, учитывая ситуацию со стихирами, общими для обеих служб Мефодию, можно предположить, что новонайденная служба первоначально имела кондак и икос, сохранившиеся в константиновой службе. В рукописях икос начинается со слов "царствия Панония" [9. С. 304; ср.: 10. С. 126], но скорее всего перед нами ошибочное чтение, возникшее при копировании глаголического оригинала (где спутать слова "царствия" и "Моравия", особенно с выносным Р, гораздо легче, чем в кириллице).

Весьма показательно молчание новой службы об одной из сторон света – а именно о юге – в связи с похвалой Мефодию. Это ограничение области апостольской проповеди западом и отчасти севером (вероятно, по отношению к Константинополю) достаточно явно свидетельствует, что служба писалась до того, как деятельность учеников Кирилла и Мефодия широко развернулась в Болгарии.

На стадийно более ранний этап почитания Мефодия сравнительно со службой, написанной Константином Преславским, указывает и сам характер прославления первоучителя в памятнике. Нет сомнений, что Мефодий прославляется здесь как

новый апостол, его архипастырская деятельность практически не упоминается. Святителем он именуется только трижды и фигурирует как архиерей в акrostихе. О чудотворениях в самой общей форме сообщается во 2-й стихире перед каноном (но эта тема вообще не получила широкого распространения в культе первоучителей). По сути служба является заявкой на причисление Мефодия к лику святых как равноапостольного. Такая трактовка образа Мефодия наиболее объяснима в связи с событиями, последовавшими вскоре после его смерти, когда канонизация архиепископа стала инструментом в церковно-политической борьбе, определявшей будущее моравской церкви. Вопрос о времени и обстоятельствах канонизации первоучителей не получил в историографии достаточного освещения не в последнюю очередь из-за отсутствия источников [19; 20]. Мало сомнений в том, что Мефодий не был канонизирован в Риме сразу после смерти, иначе судьба моравской миссии сложилась бы иначе. Но также нет сомнений, что эта канонизация планировалась и подготавливалась учениками солунских братьев как широкомасштабная акция, о чем свидетельствует корпус созданных по этому поводу текстов. Именно в ранге равноапостольного и как брат Кирилла, беатифицированного за эти же заслуги, Мефодий (по крайней мере в глазах его учеников) имел наибольший шанс на канонизацию.

Впрочем, ситуация (особенно, если допустить присутствие в первоначальном тексте службы мотивов рассеяния учеников и упоминаний триязычников, хотя это и не обязательно) вполне соответствует и раннему периоду деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии. Здесь тоже большим почитанием на первых порах должен был пользоваться не чужой архиепископ, а апостол славян, новый Павел. Насыщенность текста службы догматическими моментами делала ее действенным оружием катехизации, что для недавно христианизированного общества имело немало значе- ние.

Оставляя вопрос о жесткой локализации открытым, следует лишь подчеркнуть, что текст возник еще в едином круге учеников Кирилла и Мефодия (т.е. в конце IX в.), до его разделения на Преславский и Охридский центры. Но сохранился он в охридском культурном ареале, благодаря сербской традиции, вообще донесшей немало памятников кирилло-мефодиевского круга (например, Проглас к Евангелию, Слово на Рождество Христово [13. Т. 2. С. 193–222], Похвалу 40 мученикам Климента Охридского, канон Андрею Первозванному Наума Охридского и др.). Отсутствие памятника в болгарской и русской традиции, возможно, указывает на то, что после написания нового канона Константином Преславским старый в значительной мере вышел из обращения, уцелев лишь на периферии, в охридской "нише".

Вопрос об авторе текста, по крайней мере на сегодняшний день, не может быть решен однозначно. Некоторые стилистические приемы, например, обилие эпитетов, связанных со светом, сиянием, блеском зримо напоминают сочинения Климента Охридского [см.: 11. С. 99–100]. Но пока, вероятно, следует остановиться на точке зрения об авторстве одного из ближайших учеников Мефодия, без жесткой привязки к конкретной личности. Определение времени создания и историко-культурного контекста нового памятника представляется на данный момент более важным.

В заключение стоит еще раз вернуться к рукописи, в которой сохранилась публикуемая служба. Похоже, что кодекс еще не раскрыл всех своих тайн. Других славянских акrostихов (по крайней мере неповрежденных) в ней найти не удалось. Однако первые слова тропарей 9-й песни канона на празднество Успения (Коупниоу... Лица... Марик – л. 286в-г) образуют сочетание, слишком напоминающее "авторскую марку" Климента Охридского, чтобы не обратить на него внимания. Возможно, речь идет еще об одной богородичной службе великого славянского гимнографа.

Текст службы первоучителю Мефодию публикуется по рукописи ГИМ. Хлуд. 156 и передается строка в строку, с сохранением орфографии и interpunkции оригинала. Вводится разделение на слова, выносные буквы в скобках вносятся в строку; имена собственные даются с заглавной буквы. По техническим причинам Ы оригинала передается через **Ь**, а крест из точек, обозначающий окончание песнопений, заменяется точкой.

- л. 37б **М(С)ЦА ТО(Г). ВЪ. ̄ ДН̄Ь**
 ст̄го ѡца методѣа ст(х)ре гла(с).
 л. 37в **Д.** по(д). звани свѣше
Двѣскы Методик бл̄же слове
 сты последьствоук. б̄гословь
 ствоваше ѡвѣ ѡца родителѣ
 5 словесты соуща. и вьложитла¹ д̄х̄оу
 прѣст̄омоу. и кще же исповѣда
 ше г̄ль. ѡ(т) ѡца² параклита. не ѡ(т)
 с̄на ѡвѣ нсходещаго. тѣмъже
 ѡви се прьваго сн'ма ѡцемь.
 10 тож(д)е г̄ле б̄гославнь. с тѣми мо
 ли се с̄исоу и г̄оу сп̄сти и просвѣти
 д̄ше наше.
Дп(с)льскою блг(д)ть. не исполоу ѡ(т)
 б̄а прикмь Методик. пррочьстви
 15 ѡ спо(д)ви се чоудесты. ѡ(т) почьтѣша
 го те достоинно г̄лати прѣж(д)е боудѣ
 щаа. и тако настокща моудре
 дароук слѣптымь видѣнник. и б
 ѣснѣик съ ѡвластню ѡчищак ѡ
 20 вѣ. и недоужитѣк оуврачюк сла
 вно. тѣмь молимь те дароуи на
 мь велию мл(с)ть.
Моравьскѣк земле велен граж(д)ан
 инь. слава же и похвала севѣрь
 25 скѣк странѣ. ст̄ль бо Методик
 к. съ вѣсокымь нѣа съзываеть
 ть проповѣданнѣмь. придѣте
 празнолюбци съ вѣрою сътцѣмь
 се и ликьствоукмь съ нимь. въ
 30 праз(д)нство оуспеник кго прѣсла
 внаго. да приносить за ны непрѣ
 станною м̄л̄т̄воу къ Х(с)оу б̄оу наше
 моу. избавити всек бѣды и напа

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

		сти дше наше. Па(н) ³ . гла(с). ѿ. Ирмо(с)	
	35	Юко посоуху ходивъ Изль. по безнѣ ⁴ стопами. гонителя фараона ви де потаплакма. бѣу побѣдною пѣ(с) покмь въпиаше.	
л. 37г	1	Юко свѣтла те слнца ш(т) востокъ по славъ вл(д)ка. запад'нынмь дастъ мракъ ш(т)гонеща. тѣмь и мене просвѣти блжене въ твою паме(т)ь.	Ю
	5	Зареник свыше въсприкмь прѣ стго дха. такоже мльнини ави се тъмнѣе просвѣщак. Х(с)во кѣн глек раздавак въ концихъ Ме тодик	З
	10	Крилома прѣлѣтак дхѣно жи тѣискык метеже. донде до запа да крен ⁵ попалак и гасе безбожь ною лсть. новомь оученики(тъ).	К
	15	Исаниа те прозрѣ. ис корѣне Иксѣ шва дѣо жьзль прозевшаго. изъ него же лѣторасль красна бесѣме не процвѣте. Исъ мира спѣак.	И
	20	Пѣ(с). г. Ирмо(с). Нѣ(с) стѣ такоже тѣ г(с)и вѣе мон. възнеси рогъ вѣрны хъ си блже. оутврѣж(д)енихъ на ка мени исповѣданиа ти.	
	25	Млѣвѣ ты твою дховнѣк творе за ми рь стлю. такоже Моиси дрѣвле и зь работы изведе народа вчисле на. и на свѣтъ настави бѣоразоу мѣа.	М
	30	Исво расѣвак квѣглек. изъ всто ка изиде тако мльниа страшна. въселеною просвѣти дховнами зарами. и прогоне мракъ грѣховнын.	И
	35	Въспитѣнь съ моудростию. и про цвѣте въ мирѣ такоже присноблже не. квѣгльско носе блгооуханик стѣ. и раз(д)ѣлаше по дароу кзъкомѣ.	В
л. 38а	1	Льстѣвницу стюю проави те И таковъ. бѣ по неже сниде на зе млю въшнын. бесѣмен'но плъ ть въсприкмь. и рож(д)ьство цѣло	Л

³ Так в рукописи.

⁴ Так в рукописи.

⁵ Так в рукописи.

- 5 съхрани ти. Сѣ(д). гла(с). д̄. по(д).
оудиви се.
- Ико санца⁶ те свѣтла⁷. ш(т) вѣсток(а)
те Х(с)ь всна къ западоу. ш(т) шца
посла моудра. вселенѣи оучи
10 тела Меѳодик. просвѣтеша л
оуди и градъ и многыи страны
воуквами твоими прочита
юща все книгы. вѣгодѣновень
нынъ влѣне оучении дѣа прѣ
15 стго. нѣа моле се непрѣстан
ш хвалещи хъ те. Пѣ(с). д̄. ірмо(с)
Х(с)ь мнѣ си(ла). вѣ. и гѣ. ч(с)тъна оубо
црѣи вѣолѣп'но зоветъ выпню
щи ш(т) свѣсти чистик ш гдѣ п
20 раз(д)ноующи.
- На страны все пише шгньномъ
кзъкомъ. Х(с)во квѣгланк влѣе
не Методик. и креси попалева
и завистъ вражию ис корене и
сѣкова. Н
- 25 Аврамово прѣселеник паче исп
льнак. пронде іако громъ. Х(с)во
квангланк іасно исповѣдак. че
творочѣстѣно концемъ влѣе
не Меѳодик. д̄
- 30 Моудрости скровище изъмлада
іавивъ се. житѣискоую мльвоу
и славоу ш(т)врьгъ. поустыинны
житель въ пльти англь іави се
превлѣене. М
- 35 Изьрци іавѣ Гедешне что ксть
шно роуно. принимшек ро
соу невѣноую. непорочнаа
дѣа. вѣсѣменно пльтию. соу
гоуба вѣа порож(д)ши. Пѣ(с). ѣ. ірм(с).
- л. 38б 1 Бжикмь⁸ ти свѣтомъ влѣе оу
тръноующихъ ти дше любви
ю просвѣти молоу се. те видѣ
ти слово вжик. истин'наго вѣа
ш(т) мрака грѣховнаго изимающа.
- 10 Процвль кси чудесты и знаме
нынъ прѣвлѣене. слѣпимъ да П

⁶ Так в рукописи.

⁷ Так в рукописи.

⁸ Так в рукописи.

		к просвещеник. льсть вражи ю искорѣнии. раз(д)авак кзтыкомь слово бжне шко Пав'ль.	
	15	Юкоже слнце въ звѣз(д)ахъ. тако тѣи въ стѣхъ ститель павль се Методик. мрака грѣховнааго ш(т)ганак. ра сѣвак слово бжник въ кон'цихъ тако ап(с)ль.	Ю
	20	Боушьствомъ ч'тѣи триоупоста сно бж(с)тво нераз(д)ѣльно. свонствъ нѣи шбразы. съвькоупльно въ кдиноу дръжавоу и хотѣник рав'номь поклоненикь и слово мь швьдржимоь.	Г
	25	Нв(с)ноую те д'врѣ наре(ч) юзекиль пр(о)ркь. кюже ник'тоже проиде. нь т'кио кдинь бесѣмене зачьнь се. и ро ж(д)ь се ис тебе соугоувъ бѣ и чл(о)вкъ.	Н
	30	Пѣ(с). 5. Ирмо(с) Житѣискаго мора въз(д)визакма зре напастъ ною боурею. въ тихо пристани ще притекъ въпню ти. въз'ве ди ис т'ле животь мон м'ногоми лостиве.	
	35	Мысльно въпер'ша дхѣнѣи крилѣ прѣлетяста всь мирь. въ Коза зарѣхъ и Шфилѣхъ ⁹ . и Хер'сонѣ сь Күриломь блжне. западнѣи нмь странамь. слово ¹⁰ раздава ста. Изъ кдиноаго корѣне.	М
л. 38в	1	добропло(д)на лоза прозев'ши. на поишта в'селеноюю пива дхѣвнааго. прѣливающа рѣки бжиа пива. кзтыкоу словѣньскоу.	И
	5	Пѣ(с)ми блжнмь ва ¹¹ . дхѣвнѣи с'кри жали. на нюже Х(с)ь самь. ап(с)ль ски шстаньки написова. ново з'ваньноу кзтыкоу. ап(с)ла ваю пославъ и оучителя.	П
	10	Юже из'бра вл(д)ка ш(т) всѣхъ родъ на швновленик т'вари. Мон сешви прошбразова коупнно ю. шг'на бж(с)твнааго безъ шпо лѣнниа понести и родити га.	Ю
	15		

⁹ Так в рукописи.

¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ Так в рукописи.

л. 38в 19 житие свт. Евтихия (в ркп. Евѣѣнса),
 -38г 16 патр. Константинопольского
 л. 38г 16 Память мч. Иеремия иже
 в Сирини

18 Пѣ(с). ̑. Ирмо(с)
 Пензре(ч)нок чо҃до иже въ пещи и
 20 з'бавивъ прѣпо(д)ѣнѣник ѡ(т)рки нсѣ
 пламене. въ гробѣ новѣ бездѣи
 но полагаѣ се. на спѣнник намъ пою
 щимъ те. из'бавителю бѣ блг(с)нь.

25 Ап(с)лнк¹² испльнѣк ѡстанькн. ѡ
 бѣтече в'се коньце Х(с)во слово прѣла
 гѣк въ кзѣки. не(с)нѣк вс'е позѣвак
 въпнк избавителю бѣ блг(с)нь.

Рѣки дѣовнѣнк. по словеси г(с)ноу и
 30 зидоу ѡ(т) тебе стѣ. кзѣки напаѣющѣ
 илнже Х(с)ь възвелич¹³ те въ мирѣ.
 жед'нѣнк крѣме вѣроу въ пищек.
 избавителю бѣ блг(с)нь кси.

Из'бави ни триоупостасно со҃щество
 35 без'начельне бѣ и ѡче¹⁴ и сѣе. рож(д)ьни
 к из него прѣвеч'но и дѣе стѣн.
 исходе ѡ(т) ѡца. бж(с)твна тронце всѣ
 л. 39а 1 ми владоущна. Юдина кси непо
 роч'наѣ въ женахъ. бесѣмене Х(с)а
 рож(д)ьшн. бѣ въкоупе со҃гоубѣа к
 5 ствомь¹⁵. ко же м(о)ли простити ни
 ѡ(т) грѣхъ. тебе кднноу помощни
 цоу и.мамъ бѣе. Пѣ(с). ѣ. Ирм(с).
 Юго же вои не(с)нѣн славеть и тре
 пещоуѣ херовимн и серафимн.
 10 всѣко ѡдѣхѣник и т'варь. понте
 и блг(с)вте и прѣвъзносите.

Рода земльна и славоу врѣменьноу
 ѡставль. поустѣннн себе дасть.
 чистотѣ по(д)бе се аѣгльскои. и вѣ(с)
 15 беспль(т)нь въ вѣшьннхъ о҃умѣ си
 приг'вож(д)ь. тѣмъже те истока
 о҃ученикмъ тѣви. прѣлнѣвающѣ
 се дарми дѣовнѣннн.

М(о)лтвѣнѣк .мольбѣ створи за нѣ
 о҃учителю. подак ѡстѣтѣки тѣвок

А

Р

И

Ю

Р

М

¹² Так в рукописи.

¹³ Так в рукописи.

¹⁴ Так в рукописи.

¹⁵ Так в рукописи.

- 20 намь. и грѣхов'нѣи мракъ ш(т)га
нак ми. да пѣ(с)ми немльч'но твою
память слав'лю. и прѣвъзнаша
ю Х(с)а въ вѣки все.
- 25 **Є**диноу соуществомь лица же ра
здѣлаемоу. нераз(д)ѣлимоу славо
ю тронцоу. всач(с)ка съдръжещоу
ю. шца и сѣа и дѣа прѣстѣго. кю
же оукрашимь цркви просвѣто
ва. прѣлагак си слово въ новѣк
кзѣки. блжне Меѡодике.
- 30 **Є**ствомь¹⁶ съдѣтелю. непороч'наа
дѣо бесѣмен'но роди. изъ клетъ
въ из'бавляющии чл(о)вѣки. и ш(т) вса
кок напасти. кгоже моли за ра
бѣи свок. подати ш(т)поусти¹⁷сыгрѣ
шенен нашихъ. прѣрадован'наѣ
дѣо грѣш'никоу помощнице.
- л. 396 1 **Пѣ(с)**. ѿ. Ирмо(с). Не рыдаи мене
мати моя възирающии въ гробѣ.
кгоже пльтию бесѣмене зачала
кси сѣа. въстаноу бо и славнь боу(д).
5 и възнесоу се съ славою немльч
ною тако бѣ. вѣроу и любовию
тебе величакмь.
- 10 **Т**ѣи¹⁸ безначельна свѣта зареник
въсприкмь блжне. паче слнца
мироу стѣ. квангл(с)кии слове
сты. дше и телеса просвѣщак
свѣтило бѣ(с) западоу писме
н'нѣими законѣи вѣроу наставлак.
- 15 **О(т)**чѣства ч(с)тѣна изиде доброплодъ
на лоза. Ѳесалониккиа гроз(д)а. и
с корѣне Л'вова. кгоже оувезе
блг(д)ть. такоже Ишва дрѣвле.
сед'моплодикмь моудрость вѣ
нѣчав'шк.
- 20 **И**зъ шца¹⁹ исходеща параклита
ясно исповѣд(о)ва. такоже Х(с)ь начи²⁰
тѣ блжне. лица раз(д)ѣлену.
и кдиньствомь съвькоупле

¹⁶ Так в рукописи.

¹⁷ Так в рукописи испр. из ѣ.

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ Так в рукописи.

²⁰ Так в рукописи.

- 25 ноу. славою и бж(с)твомь. юже
 вси кзици славеть. память
 ти сѣе величающе.
- Ико кдина ѡ(т) родь члвч(с)къ. паче
 к(с)тва зачеть бесѣмене твор'ца
 и бѣ. кдиногѡ ѡ(т) тронце. соугоу
 30 ба кѣтствомь. въ д'ве воли соу
 щадо. кгоже .молещи испро
 си ми грѣховь вставленіе.
- Ст(х)р. Гла(с) ѿ. По(д). Ѡ прѣсла(в)нок.
 35 ²¹прѣслав'нок чоудѡ тинна оуга
 кнаѡ. ѡ(т) прѣмоудрь разоумь
 л. 39в 1 нь. ѡкоже ре(ч) влак²² ѡ(т) кривак .м'ла
 деньцем. товою намь вче²³ Ме
 додик²⁴. и мѣже .мьг'ла грѣховь
 наѡ разьгнана бѣ(с). и свѣтъ
 5 ѡви се бѣоразроум'нѣи. писме
 ни просвѣщак. ѡкоже лоуча
 ми .мира. твоимѡ словесты бѣо
 блжне. Кто не дивить се
 твоимѡ моудрости. юже прик
 10 мь ѡ(т) бѣ. и тою просвѣщъ се
 ѡко слн'це швѣтече всь .мирь.
 просвѣщак оученикь. и съ
 грѣвак в'се разоумомь бжикь.
 прѣложеникь к'нигь въ кзѣ
 15 кнѡ м'ногѣи новѣи. и в'се на
 слаж(д)ак .медоточ'нѣи сло
 вѣ. в(о)говлѣне вче²⁵ Меѡдѡдик
 непрестаньно м(о)ли се ѡ стадѣ своем'.
- Стѣе вче Меѡдѡдик. тѣи исповѣ
 20 да Х(с)а въ кзѣки новѣ прѣмоу
 дре. и данѡ ти таланть възр(а)
 стнѣ кси блжне. кретич(с)коу
 ю грѣдыноу низложивь. и лѣсть
 идольскою до коньца поправь.
 25 тѣмь нѣѡ ликѣствоужши
 съ англы на небѣхъ. с ними же
 Хѣ .моли сп(с)ти се намь.

²¹ Начальная киноварная буква не написана.

²² Так в рукописи.

²³ Так в рукописи.

²⁴ Так в рукописи.

²⁵ Так в рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попов А.Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.
2. *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольишенко В.С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 292.
3. Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. № 716.
4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
5. *Васильев Л.* Геометријски иницијал од средине XIII до дведесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984–1985. Књ. 6–7. С. 131–156.
6. *Богдановић Д.* Најстарија служба светом Саве. Београд, 1980.
7. *Яцимирский А.И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина. М., 1896. Вып. 1. С. 48–50.
8. *Сергий*, архиеп. (*Спасский*). Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (репринт. изд. – Владимир, 1901). Т. 1. С. 213.
9. *Иванов Й.* Български старини из Македонија. София, 1970 (репринт. изд. – София, 1931).
10. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
11. *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. София, 1988.
12. *Мирчева Б.* За една возможна атрибуција на две ранни кирило-методијевски произведения // Хиљада и осемдесет години од смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 124–130.
13. *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 1–3. София, 1970–1977.
14. *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (Кирило-Методијевски студии. Кн. 2).
15. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. Ч. 2. М., 1917 (Чтения Общества истории и древностей Российских за 1917 год. Кн. 4).
16. *Кожухаров Ст.* Преславски канон за Въведение Богородично // *Palaeobulgarica*. 1991. № 4.
17. *Турилов А.А.* К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово "О похвале Богородице Кирилла Философа" в рукописной традиции XV–XVII вв.) // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985.
18. *Попов Г.* Следи за распространението на Наумовия канон за св. апостол Андрей // Старобългарска литература. София, 1994. Кн. 28–29. С. 13–14.
19. *Поптодоров Р.* Относно канонизация изобщо и почастно-канонизация на св. братя Кирил и Методий // Международен симпозиум 1100 години од блажената кончина на св. Методий. София, 1989. Т. 2. С. 70–74.
20. Кирило-Методијевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 219.

© 1998 г. ТАРАСОВ О.Ю.

ЭМБЛЕМАТИКА В ИКОНОПИСИ БАРОККО XVII–XVIII ВЕКОВ

Известно, что на православную иконопись XVII–XVIII вв. большое влияние оказала западноевропейская гравюра [1]. Однако менее ясен вопрос о связи этого влияния с эмблематическим типом мышления, столь характерным для барокко в целом, прочно обосновавшимся в это время в своих национальных и низовых вариантах в регионе Центральной и Восточной Европы.

Вопрос об универсальности эмблемы в художественном мышлении эпохи барокко не нов. Не вдаваясь в углубленные историографические экскурсы, напомним, что серьезный интерес к эмблеме проявили еще основоположники иконологического анализа изобразительного искусства, в частности Э. Панофский и Э. Гомбрих. Последний выделил два течения в ренессансной иконологии. Одно течение (которое наиболее часто анализировал и Э. Панофский) было основано, по его мнению, на мистической традиции и имело своим источником неоплатонизм. Другое основывалось на аристотелевской традиции, и в его основе лежала метафора. Благодаря знаковому коду, в качестве одного из примеров которого и рассматривалась эмблема (ее Гомбрих называет "иллюстративной метафорой" [2]), создавался некий универсальный способ общения, поскольку за счет эмблемной кодификации весь окружающий мир как бы переводился на язык образов: этот мир начинал обнаруживать известный "тотальный символизм".

Я. Бялостоцкий, затрагивавший вопрос о влиянии эмблемы на композицию эпитафных образов, предполагал, что новый (по сравнению со Средневековьем) эмблематический принцип сцепления изображения и текста иницировался ролью Священного Писания в доктрине протестантизма. Требование Лютера включать фрагменты Священного Писания в эпитафные образы оказало большое влияние на протестантское искусство [3]. Л.И. Тананаева прослеживала влияние поэтики эмблемы на сарматский портрет [4]. На материале литературы и театра об эмблеме как универсальном в эпоху барокко художественном способе отражения картины мира писали А.А. Морозов и Л.А. Софронова, Л.И. Сазонова, А. Хипписли, И. Хепель, П. Бухвальд-Пельцова и др. [5].

На фоне этих исследований влияние эмблемы на поствизантийскую иконопись XVII–XVIII вв. видится обусловленным универсальными нормами поэтики культуры барокко. На наш взгляд, оно проявилось, во-первых, в складывании принципиально новой символической формы иконы, во-вторых, в самих эмблематических символах, которые переходят на иконы из эмблематических книг, католических и протестантских гравюр и религиозной живописи барокко.

Классическая эмблема, как известно, состояла из триады: девиза (*inscriptio*), картинка (*pictura*) и подписи (*subscriptio*). Начиная со второй половины XVI в., эта традиционная трехсоставная форма, включавшая символический рисунок и словесный девиз, накладывает свой отпечаток на необыкновенно широкий круг католических и протестантских памятников. И эта же конструкция оказывается в основе огромного количества памятников православной иконописи Греции, России, Болгарии, Сербии и Румынии. В XVII в. по всему православному миру появляется принципиально новая символическая форма моленного образа: изображение христианского героя или какого-либо священного события часто помещают между наименованием иконы и поясняющим изображением текстом.

Если мы сопоставим классическую эмблему А. Альциата из книги "Emblematum liber" (Lyон, 1550), эпитафный образ 1596 г. из польского костела в Журавине, икону 1640 г. известного критского мастера Е. Цана "Благовещение" и русскую икону царевича Димитрия 1745 г. (Музей истории религии, Санкт-Петербург), то ясно увидим характерный для эмблемного мышления перенос классической символической триады. Изображение в последних двух случаях помещается между наименованием образа и пространственным текстом, заменившим "девиз" эмблемы, т.е. пояснение картинка. Так, на иконе царевича Димитрия мы видим, что ее наименование – "Образ святого и благоверного царевича Димитрия" – дано над изображением. Картина (*pictura*) иллюстрирует невинную кончину царевича, а данный под изображением текст тропаря поясняет сакральный смысл произошедшего события и его значение для церкви [6].

В зависимости от особенностей символического сцепления текста и изображения эта новая композиция могла изменяться. Точнее, изменялись положение и объем ее главного элемента – заключенный в рамочную конструкцию текст, дробница.

Когда художник стремился показать, что текст на его иконе имеет не подчиненное, а равноправное с изображением значение, он расширял дробницу, повторяя тем самым композиционные особенности эмблематических назидательных картинок. Многие русские иконы XVIII в. почти копируют композицию эмблем известной русской книги 1743 г. "Эмблемат духовный ко обучению христианския веры со утешительными фигурами и полезными словами", источником которой явилась, по предположению А. Хипписли, книга эмблем 1625 г. Иоганна Зауберта "Emblemata sacra" [7].

В качестве явных отголосков эмблематического мышления можно рассматривать и распространенные в XVII–XVIII вв. на православном Востоке (в частности, на Афоне) иконы-поминальницы [8], а также русские иконы-эпитафии, на композицию которых влияние оказали западные эпитафные образы [9].

Сложные обрамления текстов и яркий фон дробниц (чаще всего – белый и красный) предполагали особую смысловую нагрузку: они должны были привлекать взгляд молящегося не только к изображению, но и к слову, к самой букве.

Рамочная конструкция – одна из главных особенностей барочного художественного мышления. Рама в произведениях барокко могла занимать даже больше места, чем центральное изображение. Часто она была нужна для того, чтобы указать на целостность произведения, которое барочный мастер наполнял множеством значений [10]. Одновременно рама могла и сама придавать новые смыслы отдельным элементам образа, соотносить их особым способом с главными символами эпохи. Не случайно и то, что рама в эпоху барокко могла в иконописи служить отдельной темой, заключать в себе самостоятельную символическую программу, связанную с историко-культурными и религиозно-политическими реальностями времени, примером чего может служить живописная рама рубежа XVII–XVIII вв. к иконе "Богоматерь Донская" из Благовещенского собора Московского Кремля [11].

Поскольку в эпоху барокко придавалось особое внимание столь важным для укрепления авторитета церкви старинным реликвиям, в католическом и православном мире появляются религиозные картины и иконы, внутри которых помещают настоящие или имитированные древние образы как особо драгоценные предметы культа. Тем самым само произведение барокко, будь то картина или икона, получало статус своего рода

обрамления по отношению к старому образу. Именно этот статус имеет упомянутая живописная рама к иконе "Богоматерь Донская" XIV в. Им же обладает и образ П. Рубенса "Мадонна Милосердия" 1608 г. в одной из римских церквей. Это – картина в картине: художник имитирует старинный в раме образ Мадонны, который поддерживают и перед которым преклоняются небесные силы, занимающие в композиции подчиненное положение по отношению к центру – главной реликвии. «Функции искусства и мифического оригинала – пишет по этому поводу Г. Белтинг, – четко разведены. Искусство представляет собой лишь фон для старого "примитивного" образа, который почитается народом и который оживает в живописной фантазии рубенсовской картины как в своей метафизической концепции, так и в значении важнейшего предмета культа» [12].

На уровне низового барокко стран Центральной и Восточной Европы живописными аналогиями этой идеи становятся многочисленные иконы с врезными старинными образами. Примером может служить икона "Авраамий и Меркурий Смоленские" 1723–1728 гг., принадлежащая белорусскому мастеру, который врезал в нее русскую икону Богоматери Одигитрии XVI в. [13].

Рама как самостоятельный сюжет могла заинтересовать в эпоху барокко не только художника, но и поэта. Например, у Иоанна Величковского можно найти такие слова: "И образом человек Христос обретется, Зачым слушне Я РАМИ (выделено в тексте. – О.Т.) два наречеса, зане якоже РАМИ образ окружают, Сице ложесна ея Христа обьямают" [14].

В связи со всем сказанным дробница как новый и отвечающий нормам поэтики барокко элемент композиции иконы свидетельствовала в первую очередь о том, что у слова на иконе появилась собственная рама, аналогичная раме изображения. Рама в иконописи барокко уравнивала слово и изображение с точки зрения сакральной семантической нагрузки. Более того, хотя с течением времени формы рамочных конструкций с текстами постоянно изменялись, сама дробница как обрамление слова неизменно сохраняла особое знаковое значение. Дробница внесла новые по сравнению со Средневековьем смыслы в связь текста и изображения.

Что предполагала эта связь?

Во-первых, изобразительную риторику, поскольку культура барокко как культура западного посттридентского католицизма относится к риторическому типу культуры, в ее основе – фундаментальная установка дедуктивного рационализма. Отсюда заключенный в дробницу на иконе текст был нацелен на убеждение, что отвечало рационализации религиозного чувства. Традиционная форма эмблемы, которую мы обрисовали выше, создавала сложную систему смысловых отношений: «Смысл, значение эмблемы возникали не из изображения или надписи, но при взаимодействии изображения, надписи и подписи. В результате этого взаимодействия за видимым изображением возникал метафоризованный "умственный образ"» [15]. В эпоху барокко данная метафоричность питалась неоплатонической концепцией. Согласно последней мир воспринимался подобно эзотерической, зашифрованной монограмме. И искусство иконы, как и другие виды искусства барокко, было призвано отражать эту зашифрованность. Смысловые отношения как между отдельными частями эмблемы, так и между отдельными частями иконы с наступлением XVII в. часто стали приближаться к игре и поэтике загадки. Характерным примером этого могут служить распространенные в основном в России иконы символично-аллегорического характера [16].

Во-вторых, новое сцепление текста и изображения имело эстетическую функцию, отвечая одновременно представлению о мире как книге. Заключенный в раму эмблематический текст можно было не только читать, но и разглядывать. Тексты на иконах стали напоминать тексты в книгах. Иное значение приобрели цвет, шрифт и тип письма. На иконах XVII–XVIII вв. пишут скорописью, в текстах появляется особое оформление заглавных букв. Примечательно, что начиная с XVII в. сокращенное имя Христа или Богоматери не только получает на иконах собственную рамку, но все чаще оттеняется золотом, придающим букве вид драгоценной вещи. В этой связи напомним,

что в барочных театральные постановках буквы могли выступать как отдельные персонажи: они символизировали первоэлементы мира, который уподоблялся полной божественной премудрости раскрытой книге. В особом эстетическом оформлении сокращенного имени Христа или Богоматери ощутима и столь характерная для позднего Средневековья любовь к монограмме [17].

Наконец, в-третьих. Новая символическая связь текста и изображения, отвечая риторическому началу барокко, отразила те новые черты религиозного опыта, которые проявились с наступлением Нового времени – укрепление роли церкви и культа святых, индивидуализацию веры и новое представление об иконописце как художнике, мастере-творце, идеалом которого стал *pictor-doctus*. Обо всем этом говорят тексты в рамочных конструкциях, которые постоянно обнаруживаются на иконах стран Центральной и Восточной Европы.

Так, в нижнюю дробницу могли заключать тексты тропаря и кондака, отвечавшие идее прославления церкви и святых [18]. Это же подтверждают тексты молитв на помощь, похвалы Богоматери и фрагментов житий святых [19]. Заключенные в рамки под изображением вкладные записи говорят об усилении роли личного благочестия [20], а тексты, удостоверяющие подлинность списка этой или иной иконы, свидетельствуют о заботе церкви о поддержании культа чудотворных образов, например: "Истинное изображение и мера с чудотворного образа пресвятыя владычицы Богородицы нарицаемая Всех Скорбящих Радости, который имеется в царствующем граде Москве в церкви пресвятого Варлаама чудотворца, что за Москвою рекою на Ордынской улице" [21].

С XVII в. в нижнюю дробницу часто включают имя царя или императора. Одновременно на иконах появляется государственная эмблематика, что было связано с проникновением в поствизантийскую живопись этого времени панегирических пафоса и значения. Интересным примером служит написанная на Афоне между 1676 и 1705 гг. икона Богоматери "Живописный источник" с изображением двуглавого геральдического орла Священной Римской империи, императора Леопольда I и его супруги Элеоноры [22]. В это же время иконы с изображением царских персон и государственной эмблематики распространяются в России. Наиболее известными являются икона Симона Ушакова "Богоматерь Владимирская (Древо государства Российского)" (1668) и иконы конца XVII – начала XVIII в. Богоматери Азовской (ГИМ, Москва; Музей истории религии, Санкт-Петербург). Интересная символично-аллегорическая икона с изображением в центре двуглавого геральдического орла – герба Российской империи (1729, мастер Семен Иванов), находится в собрании Национального музея в Стокгольме [23].

Эмблематика повлияла не только на композицию икон, но и привела к усложнению ее символического языка: в православную иконопись активно проникают эмблематические символы, которые заимствуются из западных книг по эмблематике и символике.

На Руси западные книги эмблем были хорошо известны уже со времен Алексея Михайловича. Они находились в библиотеках Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева. Они же были хорошо известны художникам Оружейной палаты. Например, считающаяся первой книгой эмблем "*Emblematum liber*" Андрея Альциата (1531) и "Иконология" Чезаре Рипы. Были также известны книги "Символов и эмблем" И. Камерария, "Полигистр символов" и "Египетская символика" Н. Коссена и др. Немалую роль в их популяризации играла созданная по образцу иезуитских училищ Киево-Могилянская коллегия, в которой проводились занятия по обучению эмблематическому искусству. На Западе особое внимание ему уделяли иезуиты-реформаторы и теоретики посттридентского благочестия.

Эмблематические символы и рекомендации эмблематических сборников появляются на поствизантийских иконах приблизительно в конце XVI – начале XVII в. Это подтверждает образ "О тебе радуется" из собрания Греческого института в Венеции известного греческого мастера Г. Клонцаса (ум. 1610 г.), который включил в компози-

цию богородичного гимна астрологические аллегорические фигуры Сатурна, пожирающего своих детей, Девы, Марса и другие, а также знаки зодиака. Греческие мастера Крита и Венеции, имевшие наиболее тесные контакты с католической культурой, были, видимо, в этой области первыми.

Интересным примером более позднего времени служит русская икона 1694 г. Богоматери Ильинской-Черниговской (Музей истории религии, Санкт-Петербург), на которой изображена античная фигура Сатурна, высекающего на камне план Нового Азова. На голове Сатурна изображены песочные часы с крыльями. Согласно книгам эмблем, Сатурн – бог времени, он изображался крылатым стариком с песочными часами на голове. Поскольку песочные часы на иконе также изображены с крыльями, они символизируют вечность, время нескончаемое. Так как икона была написана по случаю взятия Петром I Азова, данная символика могла предполагать нескончаемую борьбу Российской империи против турок (ср. изображение Сатурна Якобом Хофнагелем (1575–1630)) [24].

Раздел "Иконологическое описание эмблематических изображений" русской книги "Избранные эмблемы и символы", изданной в 1788 г. Н. Максимовичем-Амбодиком и дополнившей петровскую книгу "Символы и эмблемата" (1705), как бы закреплял изображение на иконах и Бога Отца – в противоположность постановлению Большого Московского собора 1666–1667 гг.: "Бог изображается на крылах ветренных, ветхий днями, превознесенный выше небес, носимый на облаках Ангелами, держащий в деснице державу в знак Его всемогущества. Или почтенный престарелый муж, преисполненный величеством, сидящий на облаках легких, благословляющий десницею, частию покрытый возвеваемою ризою и окруженный Ангелами, планетами и звездами" [25. С. 28].

На иконах XVIII в. часто изображали небесную сакральную сферу, насыщенную ангелами, в виде сияния [26]. В том же "Иконологическом описании" можно прочитать: "Или представляется [Бог] в виде великого сияния света немерцающего, на кое великое множество Ангелов, Архангелов, Серафимов, Херувимов и проч., устремив очи свои, с удивлением горе взирая, непрестанно хвалу и славу безначальному и непостижимому Божеству воспевают" [25. С. 28].

В изображениях святых XVII–XVIII вв. можно найти пальмовую ветвь, потир, лучезарный венец или венец из роз и различных иных цветов. Все это – установившиеся в постренессанской западноевропейской эмблематике символы, проникшие в православные иконы России, Греции, Сербии и других стран [27].

В эмблематике пальмовая ветвь – знак победы (аллегорическая фигура Победы представляла собой деву с пальмовой ветвью в руках). Отсюда эмблематические сборники указывали, что "святые или блаженные в виде юношей и дев, облаченные в белые и червленые одежды, изображаются с пальмовыми ветвями в руках" [25. С. 29].

Потир как главный символ Евхаристии и один из важнейших мотивов католической и протестантской иконографии широко применялся в эмблематике. Аллегория благочестия представляла собой сидящую деву с потиром в руке. Аллегория христианской веры, которая часто встречается на русских иконах XVIII в., включала скрижали, Евангелие, крест и окруженный сиянием потир [25. С. 31].

На иконах того же времени Христос часто вручает святым мученикам сияющий венец из роз [27, илл. на С. 110, 116]. Из раздела "Краткое истолкование означения изображений" книги "Избранные эмблемы и символы" иконописцы XVIII – первой половины XIX в. могли узнать, что среди множества различных венцов, встречающихся в эмблемах, венец "лучезарный, или сиянием окруженный" усваивается лишь "государям преставившимся" и святым угодникам Божиим [25. С. 56].

Типологический ряд всех этих примеров достаточно легко умножаем, что свидетельствует о том, что мастера эпохи барокко использовали эмблематические сборники в качестве дополнительного материала к иконописным подлинникам. Отсюда эмблема как малый жанр искусства барокко и сама эмблематическая символика способствовали активному "иконографическому диалогу" между Востоком и Западом. Особый язык

эмблемы, в котором слово и изображение выступали в символическом единстве, помогал в решении той задачи, которую перед собой поставили в конце XVI–XVII в. адепты нового благочестия как в мире католическом, так и в мире православном – укрепить положение церкви путем развития универсальных идеалов христианского мира.

Эмблема всегда апеллировала не только к чувству, но и к разуму. Поэтому эмблемный принцип мышления в иконописи барокко неизменно соотносился с проблемой усиления рационального воздействия религиозного искусства на человека. Традиционная для православия роль иконы в "строительстве" человека оказалась созвучна общим устремлениям эпохи барокко. В поствизантийской иконе XVII–XVIII вв. стали пытаться выразить не только свойственные барокко представления о многообразии божественного творения, но и усилить дидактическое начало соответствующим языком. На службу этим дидактическому и риторическому началам создатели новой символической формы иконы и поставили барочную идею эмблемного синтеза искусств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бусева-Давыдова И.Л.* Новые иконографические источники в русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего средневековья. Образ и смысл. М., 1993. С. 190–206.
2. *Гомбрих Э.* О задачах и границах иконологии // Советское искусствознание. 1989. № 25. С. 291.
3. *Białostocki J.* Symbole i obrazu w świecie sztuki. Warszawa, 1982. S. 28.
4. *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. М., 1979. С. 145–154.
5. *Морозов А.А., Софронова Л.А.* Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М., 1991; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко. М., 1991; *Hippisley A.* The Emblem in the Writings of Simeon Polockij // Slavic and European Journal. 1971. № 2. P. 167–183; N.M. Maksimovic-Ambodic. Emvlemy i sumvoly (1788). The First Russian Emblem Book / Ed. A. Hippisley. Leiden, 1989. (=Symbola et Emblemata: Studies in Renaissance and Baroque Symbolism. Vol. 1); *Höpel J.* Emblem und Sinnbild: Vom Konstabuch zum Erbanungsbuch. Frankfurt, 1987; *Buchwald-Pelcowa P.* Emblematyka na Rusi Kijowskiej w okresie baroku // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1988. Ser. 6; *Buchwald-Pelcowa P.* Emblematy w drukach polskich i Polski dotyczących XVI–XVIII wieku: Bibliografia. Wrocław etc., 1981.
6. *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995, илл. 145, 146, 147; *Ruzsa György.* A posztbizánci görög ikonfestészet iskolái // Különlenyomat a Művészettörténeti Értesítő 1982/3-as számából, ill. № 13.
7. *Хипписли А.* Русская эмблематическая книга "Эмблемат духовный" // Памятники культуры. Новые открытия, 1992. М., 1993. С. 23.
8. Поствизантийская живопись. Иконы XV–XVIII вв. из собраний Москвы, Сергиева Посада, Твери и Рязани. Каталог выставки. Афины, 1995, илл. 85, 86.
9. *Косцова А.С., Побединская А.Г.* Русские иконы XVI – начала XX в. с надписями, подписями и датами. Каталог выставки. Л., 1990, илл. на С. 127, 128.
10. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической традиции // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 342.
11. *Чубинская В.Г.* Speculum et saeculum: живописная рама рубежа XVII–XVIII вв. к иконе "Богоматерь Донская" и ее историко-культурные смыслы // Вопросы искусствознания. № X (1/97). С. 215–241.
12. *Belting H.* Likeness and Presens. A History of the Image before the Era of Art. Chicago and London, 1994. P. 488, ill. 294.
13. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзя. Мінск, 1992, илл. 66.
14. *Софронова Л.А.* Старинный украинский театр. М., 1996. С. 61.
15. *Морозов А.А., Софронова Л.А.* Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М., 1991. С. 22.
16. *Чубинская В.Г.* Икона Федора Рожнова "Распятие с апостольскими страданиями": Опыт символично-аллегорической интерпретации // Труды научной конференции, посвященной

- 300-летнему юбилею Отечественного флота. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 2. С. 93–102; *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 338–347.
17. *Аверинцев С.С.* Заметки к будущей классификации типов символов // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 299.
18. *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995, илл. 150; *Russische Ikonen und Kultgerat aus St. Petersburg.* Köln, 1991. № 40.
19. *Klosinska J.* Ikony. Kraków, 1973. № 30; *Косцова А.С., Побединская А.Г.* Русские иконы XVI – начала XX в. с надписями, подписями и датами. Каталог выставки. Л., 1990, илл. на С. 129; Збирка икона Секулић. Београд, 1967, табл. XXVIII.
20. *L'immagine dello spirito. Icone dalle terre Russe.* Collezione Ambroveneto. Milano, 1996, ill. 60.
21. Музей имени Андрея Рублева. Из новых поступлений. Каталог выставки. М., 1995, илл. 55.
22. *Kreidl-Papadopoulos K.* Ikonen und Kultobjekte der Ostkirche aus dem Besitz des Kunsthistorischen Museums und der griechischen Kirche in Wien. Kunsthistorisches Museum. Sammlung für Plastik und Kunstgewerbe. 25. September bis 30. Oktober 1981. Abb. 10 Kat. № 11.
23. Den Ryska ikonon 1000 ar. Nationalmuseum 16 XII 1988 – 27 III 1989, ill. 41.
24. Prag um 1600. Kunst und Kultur am Hofe Rodolfs II. Essen, 1988. P. 357.
25. Эмблемы и символы. М., 1995.
26. Лики русской иконы. Древнерусская живопись XVI–XVIII вв. из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Каталог выставки. М., 1995, илл. 31.
27. Русская живопись XVII–XVIII вв. Из собраний Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Каталог выставки. Л., илл. на С. 110, 113, 115, 116; *Biskupski R.* Ikony w zbiorach polskich. Warszawa, 1991, № 124, 131; *Griechische Ikonen und religiose Kleinkunst.* Ikonenmuseum Schloss Autenried. 1997. P. 27.

© 1998 г. ДОСТАЛЬ М.Ю.

П.Г. БОГАТЫРЕВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

В 1998 г. исполняется 105 лет со дня рождения замечательного русского фольклориста, этнографа, искусствоведа, литературоведа, переводчика – профессора Петра Григорьевича Богатырева (1893–1971). Его труды оставили глубокий след в отечественной, а также чешской и словацкой науке, он обрел многих последователей и учеников.

Петр Григорьевич прожил сложную, полную трагизма жизнь, одним из ярких эпизодов которой стало его пребывание в межвоенной Чехословакии¹.

П.Г. Богатырев родился 16 января 1893 г. в Саратове в семье ремесленника. В 1912 г. он окончил с медалью 2-ю Саратовскую гимназию и поступил в Московский университет на Славяно-русское отделение Историко-филологического факультета; за дипломную работу "Жарты и фоцеции XVI–XVIII вв." был удостоен премии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В годы учебы, вместе с Р.О. Якобсоном, П.Г. Богатырев основал Московский лингвистический кружок, развивавший идеи структурного метода в лингвистике и других науках². На склоне лет он вспоминал о совместной экспедиции с Р.О. Якобсоном и Н.Ф. Яковлевым в 1914 г. "из села в село по Верейскому уезду Московской губернии в поисках фольклорного и диалектологического материала", о встречах со сказочниками Корейкиным, Булкиным, Светлановым, Фонским и др. [3. Д. 249. Л. 6 об.]. Год спустя он отправился в фольклорно-этнографическую экспедицию в Шенкурский уезд Архангельской губернии и собрал там ценные образцы народного творчества³. Однако годы войны и революции на время прервали научные исследования молодого ученого.

После окончания университета П.Г. Богатырев работал в библиотечном отделе Наркомпроса. В 1919 г. он был мобилизован на работу в библиотечный отдел Главполитпросвета Политуправления Реввоенсовета (ПУР) и командирован на Кавказ в политотдел 12-й Красной Кавалерийской дивизии.

После демобилизации П.Г. Богатырев стал научным сотрудником Московского исторического музея, одновременно преподавал на рабфаке при МВТУ, читал лекции о народном театре в государственной драматической студии "Сатира". По некоторым

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Доклад на тему данной статьи был сделан автором 20 апреля 1993 г. на Историкографических чтениях в Институте славяноведения и балканистики РАН.

² В некрологе Н.Н. Грацианской и З.В. Померанцевой о П.Г. Богатыреве [1] ошибочно указывалось, что Московский лингвистический кружок стал основой известного впоследствии ОПЛЯЗа. На самом деле эти научные сообщества существовали независимо друг от друга. Подробнее см.: [2].

³ В настоящее время материалы ряда фольклорно-этнографических экспедиций П.Г. Богатырева хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства [4. Оп. 1. Д. 8–11].

сведениям, ученый в 1920 г. преподавал в Саратовском университете [5], изучал горы Саратовской губернии.

В декабре 1921 г. П.Г. Богатырев был командирован Наркоминделом в отдел печати советского полпредства в Праге в качестве переводчика. Так начался многотрудный период пребывания ученого в ЧСР на положении сначала советского служащего, затем полуэмигранта, в особенности, когда он был приглашен преподавать в 1930–1932 гг. в Мюнстерский университет и покинул на время ЧСР. Там он читал курс русской (карпаторусской) этнографии, затем курсы "Словацкие и украинские народные поверья и обряды", "История русского театра", "Словацкое народное искусство", вел семинар по русскому языку и литературе⁴.

Пребывание в ЧСР было для П.Г. Богатырева, несмотря на некоторую двусмысленность его положения там, чрезвычайно благоприятным. В то время как в Советской России началась постепенная ликвидация славистических учреждений и самих ученых-славистов [6–9 и др.], Прага, благодаря дальновидной политике президента Т.Г. Масарика, напротив, всячески содействуя росту отечественных научных сил, в то же время аккумулировала научный потенциал изгнанных из России славистов, содействовала формированию многих славистических центров [10–13 и др.], приобретая славу "международной Мекки" славистики. Таким образом, Богатырев нашел здесь высокоинтеллектуальный круг ученых, специализирующихся в интересующих его отраслях науки, богатые библиотеки и архивы и поддержку в организации фольклорно-этнографических экспедиций в недавно присоединенную к ЧСР Прикарпатскую Русь (Закарпатье) и Восточную Словакию.

К исследованию этих областей чехословацкое правительство проявляло тогда наибольший интерес. Первую такую экспедицию П.Г. Богатырев предпринял уже поздней осенью 1923 г., посетив Мармарошский и Ужгородский округа Закарпатье, собирая сведения "по народной мифологии, демонологии и народному календарю", записывая сказки, обряды, делая фотоснимки храмов, изб, свадебных обрядов, похорон, игр на Пасху, костюмов, и пр. Подробности этой экспедиции описаны в публикуемых ниже письмах П.Г. Богатырева И. Поливке⁵. Материалы этой и последующих экспедиций ученого в Закарпатье, предпринимаемых им вплоть до 1938 г., ныне хранятся в РГАЛИ [4] в 29 тетрадях и прочих записях. В апреле 1940 г. он предложил Государственному литературному музею в Москве приобрести эти материалы, в том числе 150 сказок, собранных в Западной Украине, коллекцию уникальных фотографий этнографического характера и пр. [4. Оп. 1. Д. 12–44].

Участие в фольклорно-этнографических экспедициях несомненно способствовало росту П.О. Богатырева как ученого. В 1929 г. он успешно защитил в Братиславском университете магистерскую диссертацию "О магических действиях, обрядах и верованиях Прикарпатской Руси" ("*Actes magiques et croyances en Russie Subcarpatique*"), основанную на собранных в этих поездках материалах, при анализе которых впервые применил методы структурной лингвистики.

Научные интересы П.Г. Богатырева определили и круг его общения среди чешских и словацких ученых и деятелей культуры. Как последователь идей швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, разрабатываемых уже в Московском лингвистическом кружке, он вместе с Р.О. Якобсоном был привлечен к работе и стал в 1926 г. одним из основателей широко известного ныне Пражского лингвистического кружка, сплотившегося вокруг виднейшего чешского филолога В. Матезиуса. Сюда вошли многие известные впоследствии ученые разных специальностей и разного происхождения: Н.С. Трубецкой, С.О. Карцевский, В. Скаличка, Б. Трнка, П.М. Коржинек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский и др. Названные ученые применяли методы структуральной лингвистики в языкознании, литературоведении, искусствознании, фольклористике, этнографии и т.д. По свидетельству Вяч.Вс. Иванова, исследования П.Г. Богатырева

⁴ См. публикуемые ниже письма П.Г. Богатырева И. Поливке № 4, 5.

⁵ См. письма № 1, 2, 3.

"послужили первым опытом широкого применения структурных и семиотических методов к этнографическому материалу, в частности, к изучению народной одежды как особого типа знаков, структуры системы обычаев Прикарпатья и т.д." [2. С. 256].

К Пражскому лингвистическому кружку были близки многие чешские литераторы и словацкие критики, деятели театра, художники, в большинстве своем представители авангарда: В. Незвал, Ю. Зейферт, В. Ванчура, И. Ольбрахт, Й. Гора, К. Тейга, Э.Ф. Буриан, И. Восковец, Я. Верик и др., которые составили круг дружеского общения Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева, несомненно оказав определенное влияние на их понимание и видение современного искусства. В то же время нельзя не отметить и обратного влияния. Богатырев в те годы серьезно занимался проблемами истории чешского и словацкого народного театра, собирая материалы в своих научных экспедициях, работая в архиве Национального театра. Результатом этих исследований стала его монография "Чешский и словацкий народный театр", изданная в Праге в 1940 г.⁶ Ее по возвращении в СССР Богатырев защитил в качестве докторской диссертации. Защита происходила в МИФЛИ. Среди его оппонентов были З. Неедлы, И.Н. Розанов, М.А. Рыбникова. К освещению темы ученый подходил широко, пытаясь привести методы структурализма в изучение феномена театра. И.Н. Розанов, в частности, сказал: "Вся работа очень серьезная, очень ценная, дает много и фольклористу, и режиссеру, и актерам и театральным работникам" [14]. Коллеги называли ученого "пионером чешского Гурвинека" [3. Д. 455. Л. 1], популярного персонажа народного кукольного театра, и отмечали, что новаторские приемы изучения Богатыревым народного театра вдохновили его близкого друга, выдающегося чешского театрального деятеля Э.Ф. Буриана на постановку "Народных сюит" на сцене своего театра "D-38" в период оккупации. Этот смелый театральный эксперимент приобрел большое патриотическое звучание и имел продолжателей [3. Д. 452. Л. 1]. Определенное влияние работы Богатырева оказали и на творчество известного чешского кукольника Й. Скупы.

Кроме того, для тогдашних деятелей чешского авангарда И. Ольбрахта, В. Незвала важное значение имели газетные "фельетоны" Богатырева, содержавшие интересные теоретические формулировки, касавшиеся общих вопросов искусствоведения [3. Д. 455. Л. 1].

Идеи структурализма П.Г. Богатырев развивал и в лекциях, которые читал в Братиславском университете им. Я.А. Коменского, где преподавал в 1933–1939 гг. Чтения были посвящены истории словацкого народного театра, анализу народных сказок, народной поэзии и литературы [15]. По воспоминаниям одного из его учеников, Я. Комаровского, Богатырев в своих "лекциях и семинарах заинтересовывал слушателей новостью теоретического подхода к решению ключевых вопросов народной культуры" [3. Д. 452. Л. 5], а преемник ученого в Братиславском университете А. Мелихерчик писал: "Ваша работа в нашем университете, хотя с того времени прошло добрых два десятка лет, оставила неизгладимый след... Большую пользу принес нашим студентам ваш учебник" [3. Д. 358. Л. 1]. О том же писал Богатыреву в 1945 г. известный русский филолог А.В. Исаченко, живший тогда в Братиславе: "Вам, наверное, говорил Рапант, что здесь Вас помнят и ценят и с нетерпением ожидают Вашего приезда и активного сотрудничества с местными научными кругами" [3. Д. 317. Л. 1]. Речь шла о том, что после войны новое руководство Словацкой Академии наук и искусств приняло решение пригласить П.Г. Богатырева занять место председателя Института этнографии⁷. От этого лестного предложения он вынужден был отказаться.

Достаточно сложен вопрос об отношениях П.Г. Богатырева с представителями российской научной эмиграции, ее научными и культурными центрами в Праге, Братиславе и др. В архиве П.Г. Богатырева кроме писем Р.О. Якобсона, Н.Н. Дурно-

⁶ Книга вышла из печати после возвращения П.Г. Богатырева в СССР. О сложности переправки тиража автору и его задержке на венгерско-румынской границе сообщал Богатыреву 30 апреля 1940 г. К. Конрад, чешский историк-марксист, бывший сотрудник посольства СССР в Праге [3. Д. 327. Л. 2].

⁷ Решением IV конференции научно-исследовательских институтов Словацкой Академии наук и искусств от 20 декабря 1945 г. [16].

во и А.Д. Григорьева, стремившихся вернуться на родину в 30-е годы [3. Д. 296, 307, 438], никаких писем от ученых, оставшихся в эмиграции, не сохранилось. Статей Богатырева нет ни в одном из многочисленных сборников, журналов и газет русского зарубежья. Не участвовал он и в съездах русских академических организаций за границей, проводимых в Праге в 1921, 1922 и 1924 гг., в съезде славянских географов и этнографов (Прага, 1924). Думается, что это неслучайно, и свидетельствует о том, что П.Г. Богатырев сознательно, активно общаясь с чешскими и словацкими коллегами и помещая статьи в чехословацких научных изданиях, избегал подобного сотрудничества с выходцами из России, вероятно, опасаясь преследований ОГПУ⁸.

Однако чужаком его ощущали и советские ученые. Н.С. Державин так характеризовал положение П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона в ЧСР в своем отчете об участии советской делегации (в составе пяти человек) в работе I Съезда славянских филологов в Праге (1929), отвечая на вопрос из зала, держали ли они себя как советские граждане: "Я с ними обоими был знаком. Я ждал от них большего в смысле ориентировочной помощи. Я должен сказать, что даже недоумевал, какой это ориентировки люди, потому что я слышал их фамилии, но не знал их положения. Когда я увидел, что они близки с членами советской делегации, я понял, что это наши друзья, но желания помочь своим землякам с их стороны я не видел" [18].

В то же время в словацком журнале "Gardista" ("Гвардеец"), органе словацких католиков-националистов (по коммунистической терминологии "клеро-фашистов"), П.Г. Богатырев объявлялся "большевистским элементом в Словацком университете" [3. Д. 455], и эта травля со стороны "клеро-фашистов" стала одной из причин, побудивших Богатырева принять решение о возвращении в СССР⁹.

Конечно, он хотел вернуться на родину не с пустыми руками. В 1933 г. началось его плодотворное сотрудничество с Гослитмузеем. По заданию директора музея В.Д. Бонч-Бруевича он начал поиск "росики" – материалов, касавшихся истории и культуры России, в архивах и музеях Чехословакии. В отчете о своих многотрудных розысках в ЧСР он, в частности, писал: "Мною было обследовано свыше 50 чехословацких архивов от 1933 по 1939 гг. Я старался извлечь из чехословацких архивов все, что имело касательство к русской истории, русской литературе, русской культуре. Карта с обозначением мест, где мною были обследованы архивы, передана в Гослитмузей. Работа производилась так: я посещал государственные, областные и частные архивы и на месте выбирал все, что следовало сфотографировать. Затем отобранные мною материалы пересылались в фотоателье чехословацкого Министерства иностранных дел. Там эти материалы фотографировались, и снимки пересылались в советское посольство в Праге. Оттуда посольство диппочтой посылало материалы в Государственный литературный музей. В настоящее время эти материалы, за исключением фотоснимков с постановок русских пьес на чешских и словацких сценах, хранятся в Государственном литературном архиве [4. Оп. 3. Д. 5. Л. 9].

Среди обследованных П.Г. Богатыревым пражских архивов можно назвать: Архив библиотеки Национального музея (скопированы письма А.О. Смирновой к Н.В. Гоголю, письма Д. Маковицкого), архив Национального музея (скопированы письма И.С. Тургенева, Н.А. Римского-Корсакова, С.А. Толстой), архив Музея Ф. Наперстка

---

⁸ Для этого были все основания. К концу марта 1934 г. органами ОГПУ было подготовлено "обвинительное заключение по спец. делу № 2554" о разоблачении на территории СССР контрреволюционной национал-фашистской организации под названием Русская национальная партия, которая якобы была создана по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого Н.С. Трубецким, Р.О. Якобсоном, П.Г. Богатыревым [17].

⁹ О своем сложном положении в Словакии П.Г. Богатырев писал В.Д. Бонч-Бруевичу 4 марта 1939 г., прося содействия в выдаче визы на въезд в СССР: "Мое положение в университете пока еще стойкое, и я даже продвигаюсь вперед: в ближайшие дни жду назначения директором Этнографического семинария. Но [пока] что не исключена возможность, что если мне [выдадут визу, то] как гражданину СССР придется отказаться от своей [работы на прежнем] месте" [3. Д. 229. Л. 5]. В квадратных скобках – попытка восстановления утраченного текста.

(скопированы письма А.И. Герцена, Н.П. Огарева, М.А. Бакунина, Д.И. Менделеева и др.), частный архив доктора Велеминского (скопирован дневник словака-толстовца А. Шкарвана за 1896–1926 гг.) и др.

Много интересного удалось выявить П.Г. Богатыреву в провинциальных архивах: Моравии, Словакии, Подкарпатской Руси. Об этом он, в частности, писал: "Много фотоснимков было сделано с документов, хранящихся в архиве Шварценберга (в замке Орлик-на-Влтаве – *М.Д.*). Эти документы относятся к наполеоновским войнам. Здесь имеются письма генералиссимусу Шварценбергу наполеоновских генералов, а также письма Александра I, Кутузова и других русских генералов. Мы находим здесь очень интересные материалы о состоянии русской и французской армий того времени. С документов этого архива сделано свыше 1000 фотоснимков... Подробно был обследован мною архив краевого моравского архива. Здесь была сфотографирована корреспонденция князя Голицына и князя Головнина (начало XVIII в.) с австрийским министром Кауниц[ем]. В Библиотеке Брненского университета была сфотографирована русская грамматика Давида XVIII в. (фотокопия утраченного экземпляра из Вены) – одна из старейших печатных русских грамматик на иностранном языке. Напечатана она была на латинском языке... Очень большой материал был мною собран в Турчанском св. Мартине. Ряд ценных материалов хранится в Архиве Национального музея, но особенно много хранится материала в архиве Матицы Словацкой. Здесь имеются письма Льва Толстого к Шкарвану... Почти весь материал Шкарвана, относящийся к Толстому, был мною скопирован" [4. Оп. 3. Д. 5. Л. 12–13].

Большие результаты принесло обследование Богатыревым курорта Карловы Вары. "Здесь, – писал он, – были сфотографированы письма Тургенева, а также комната, где жил Иван Сергеевич, и места, связанные с пребыванием здесь Петра I (сфотографированы мемориальные доски, вещи, которые он собственноручно сделал), а также места, связанные с пребыванием здесь Н.В. Гоголя, Тургенева, Тютчева, Карла Маркса и ген. Брусилова (Карл Маркс и Брусилов жили в разное время в одной и той же гостинице). Были сфотографированы музейные экспонаты, которые связаны с пребыванием в Карловых Варах и других русских" [4. Оп. 3. Д. 5. Л. 13].

В общей сложности П.Г. Богатыреву удалось скопировать для Гослитмузея в Чехословакии и Дании (куда он был командирован в 1938 г.)¹⁰ свыше 30 тыс. листов документов, имеющих важное значение для изучения отечественной истории, истории революционного движения, истории литературы, искусства, театра России. Разумеется, такая огромная по масштабам работа могла быть проделана только благодаря особому соглашению между МИД ЧСР и Гослитмузеем, по которому ученый мог беспрепятственно заказывать необходимые ему российские материалы. Трудности он встретил только при посещении Русского зарубежного исторического архива при МИД ЧСР. В отчете он отмечал, что там ему удалось сфотографировать только "два письма Толстого Герцену и фотоснимок письма М. Горького"¹¹; среди интересных материалов архива он указал на "материалы о гражданской войне, а также ценный архив Драгоманова (письма М. Бакунина) и архив Василия Ивановича Немировича-Данченко". Однако "к более детальному обследованию этого архива я допущен не был" [4. Оп. 3. Д. 5. Л. 10], – с горечью писал ученый. Этот факт лишний раз свидетельствовал о сложных отношениях Богатырева с русской эмиграцией, которая тщательно охраняла свой архив от "советского вмешательства".

Не все гладко было и с финансовым обеспечением этой грандиозной работы, что зачастую лишало Богатырева возможности приобретения ряда ценных для России документов. В письме В.Д. Бонч-Бруевичу он жаловался: «Систематически читаю "Литературную газету", где так много теперь пишут о гениальном М.С. Щепкине. С доса-

¹⁰ Сохранился отрывок из отчета П.Г. Богатырева о поездке в Копенгаген, который был зачитан на словацком языке в Университете им. Я.А. Коменского [3. Д. 192].

¹¹ Всего Богатыреву удалось приобрести для ГЛМ около 100 подлинных писем А.М. Горького, в том числе из архива писателя И.Ф. Каллиникова [4. Оп. 3. Д. 5. Л. 10].

дой и болью в сердце всегда при чтении вспоминаю, что из-за задержки в конце концов незначительной суммы у меня выскользнула из рук возможность сфотографировать подлинное письмо Н.В. Гоголя Щепкину и подлинную рукопись водевиля "Дядюшка в затруднительном положении" Н.В. Гоголя, посланную Гоголем Щепкину. Вы, конечно, знаете по газетам, что Ужгород, где хранились эти рукописи (в архиве имени А. Духновича в Ужгороде – *М.Д.*), отошел к Венгрии, что эвакуация проводилась очень поспешно, и теперь не знаю, где эта рукопись и не исчезла ли она совсем с лица земли" [З. Д. 229. Л. 2]. По этой же причине "исчезли" пока также и два письма П.И. Чайковского, которые я выторговал за 1000 чехословацких крон, а купить не мог. Все это очень досадно, т.к. рукописи Гоголя и Чайковского заняли у меня массу времени. Теперь нужно спешно заснять материал, найденный мною в Йиндржихове Градце (письма Павла I, Александра I, его брата Константина Павловича, Екатерины II и др.). Боюсь, что и это уплывет, если не будет вовремя денег. Считаю совершенно необходимым иметь известную сумму на руках вперед, по крайней мере, для самых спешных расходов, иначе моя работа слишком часто идет впустую» [З. Д. 229. Л. 2 об.].

Письма П.Г. Богатырева к В.Д. Бонч-Бруевичу свидетельствуют, что ученый работал на благо родины с энтузиазмом, не жалея времени и часто собственных, более чем скромных, средств. Его поиски некоторых редких изданий, например сборника посмертных статей А.И. Герцена, изданного в Женеве в 1870 г. ("*Oeuvres posthumes d' Alexandre Herzen*"), статьи Н.М. Карамзина о "Слове о полку Игореве" в журнале "*Spectateur du Nord*" (1797. № 10), редкого издания А.А. Руссовым в Праге в 1876 г. "Кобзаря" Т.Г. Шевченко в двух томах, брошюры Д. Дорошенко с неизвестной ранее припиской В.И. Ленина и др. [З. Д. 229. Л. 1, 1 об., 4], порой представляли собой остро сюжетные научные детективы в духе изысканий И.Л. Андроникова.

Сознание важности выполненной на благо родины работы, сложная обстановка в Словацком университете после создания в 1939 г. самостоятельного Словацкого государства побудили П.Г. Богатырева ходатайствовать о возвращении в СССР, хотя он несомненно знал о господствующих там терроре и насилии против всякого инакомыслия.

Уезжая из Праги, он передал свою уникальную славистическую библиотеку генеральному консульству СССР. Библиотека временно находилась в помещении Этнографического семинара чешской части Карлова университета в Праге и ею пользовались члены этого семинара. Это была последняя возможность как-то отблагодарить гостеприимных пражан.

После возвращения в СССР в начале 1940 г. связи П.Г. Богатырева с Чехословакией, несмотря на все трудности его положения на родине, не прерывались. А ученому жилось трудно и пришлось переменить много мест работы и проживания (Гослитмузей, МИФЛИ, эвакуация в Ашхабад, Институт этнографии, МГУ, Воронежский университет, ИМЛИ, снова МГУ). Он продолжал работать в области изучения чешской и словацкой литературы, искусства и фольклора, стал их активным популяризатором в СССР. Во время войны он неоднократно выступал по радио, вещавшему на чешскую и словацкую аудиторию. Сохранились тексты его выступлений: "О дружбе чешского и словацкого народов" (22 октября 1944 г.), "О работе советских славистов" (31 декабря 1945 г.), "О работе советских славистов в области чешской и словацкой литературы и фольклора" (1948) и др. [З. Д. 9, 12, 15]. В письмах из Чехии (Я. Мукаржовский) [З. Д. 363] и Словакии (А.В. Исаченко) [З. Д. 317] имеются свидетельства о том, что эти передачи в ЧСР слышали, и они имели положительный отклик.

В послевоенные годы он издал на русском языке сочинения Й.К. Тыла, баллады К.Я. Эрбена, сборник словацких сказок со своим предисловием. Ему принадлежат прекрасные переводы известного романа Я. Гашека "Похождения бравого солдата Швейка", сочинений словацкого толстовца А. Шкарвана и др. Незадолго до смерти он прочел в Эстонии цикл лекций о знаковой системе и фольклоре Словакии, как бы подводя итог своих многолетних исследований в области изучения фольклора славянских народов. Наиболее значимые его статьи по этой проблематике собраны в

сборнике статей "Вопросы истории народного искусства" (1971), изданном на склоне жизни, минуя все рогатки цензуры, как признание заслуг ученого.

П.Г. Богатырев поддерживал регулярную переписку со многими коллегами в Чехии (В. Гавранек, Ф. Вольман, С. Вольман, И. Горак, К. Крейчи, Я. Мукаржовский, И. Халоупецкий и др.) и Словакии (Л. Новомеский, А. Мелихерчик и др.), российскими эмигрантами, оставшимися после войны в Чехословакии (А.В. Флоровский, Й. Марков, Е. Недзельский, А.В. Исаченко, Л. Копецкий и др.) [З. Д. 281, 282, 284, 292, 317, 326, 328, 334, 356, 358, 363, 366, 368, 401, 416, 420]. Особо доверительный характер носила его переписка с другом юности Р.О. Якобсоном, переехавшим из ЧСР в США [19]. Переписка с чешскими и словацкими учеными содержит интересные данные о внутренних перипетиях существования ученых и развития филологической науки в непростое военное и послевоенное время. Так, например, в письмах коллеги Богатырева по Пражскому лингвистическому кружку Я. Мукаржовского сообщается о трудной жизни чешских ученых в период оккупации¹², а в письмах выходца из Закарпатья Е. Недзельского описана типичная ситуация вмешательства новых властей в научный процесс, конкретный пример идеологического диктата некомпетентных сторонников "марксизма-ленинизма" [З. Д. 366]. П.Г. Богатырев мог хорошо понять своего коллегу из Словакии, так как сам пережил трудный процесс "марксистской" адаптации в Советском Союзе. Однако он небезуспешно использовал свое необходимое по законам того времени участие в научно-идеологических кампаниях для разоблачения многих псевдонаучных теорий, в частности "яфетической" системы академика Н.Я. Марра на примере работ одного из его последователей – академика Н.С. Державина¹³.

Умер П.Г. Богатырев 19 августа 1971 г. в Москве в возрасте 78 лет, не завершив многих творческих замыслов. По воспоминаниям коллег и учеников, это был удивительно обаятельный, интеллигентный в высоком смысле слова человек, прекрасный учитель и наставник научной молодежи. Искренне переживали его кончину и многие его коллеги в Чехословакии, избравшие его на склоне жизни почетным доктором Карлова университета в Праге (1968) и Университета им. Коменского в Братиславе (1969).

Ниче публикуются пять писем П.Г. Богатырева известному чешскому слависту, поборнику развития чешско-русских связей И. Поливке (1858–1933) и одно письмо названного адресата. Они относятся к 20–30-м годам, содержат интересные сведения о фольклорно-этнографической экспедиции ученого в Закарпатье, преподавании в Мюнстерском университете, о чем в его биографии часто не упоминается совсем, о научных проблемах, решаемых обоими филологами и т.д. Письма П.Г. Богатырева И. Поливке хранятся в пражском Литературном архиве "Памятник национальной письменности" (LAPNP. № 88). Нумерация листов отсутствует. Письмо И. Поливки находится в Архиве РАН (Ф. 1651. Оп. 1. Д. 378). Оно публикуется в переводе с чешского языка.

¹² Я. Мукаржовский, в частности, писал П.Г. Богатыреву: "Я во время войны пролежал с тромбозом обеих ног в 1941–1942 гг., и после еще два года мне было плохо. У меня начался тромбофлебит в те дни, когда пришел Гейдрих и начались убийства, когда же по весне я стал немного выходить после болезни, немцы убили Ванчuru, который во время моей болезни, как и раньше, остался мне верным другом... Матезиус умер весной этого года незадолго до конца войны, в течение всей войны уже не поднимался с постели, умер тихо, собственно заснул: до последнего дня жизни работал..." [З. Д. 363. Л. 1 об.].

¹³ В докладе П.Г. Богатырева "О роли трудов И.В. Сталина о языкознании для фольклористики" (1950), в частности, сказано: "Как обстояло дело в советской фольклористике? Оказали ли антинаучные положения школы Марра свое вредное влияние в области фольклористики? Да, несомненно, оказали [...] Я имею в виду статью академика Николая Севастьяновича Державина "Кралевиц Марко и Илья Муромец, палеоэтнологический очерк", помещенную в сборнике "Советская этнография" кн. 6–7, 1947. В этой статье характерен ее подзаголовок "палеоэтнологический". Как в кривом зеркале, извращения за резкостью выражения, отразились многочисленные пороки концепции Марра и его школы. Вся работа проникнута антиисторизмом. Здесь нашли свое отражение и знаменитые четыре элемента. Из антинаучных основных положений вытекают и другие крупные ошибки, представление о древнем, точно исторически неопределенном большом здании и т.д. и т.д..." [З. Д. 19. Л. 1].

№ 1

Глубокоуважаемый г. профессор!

Шлю привет с Подкарпатской Руси. Путешествовал много в Восточной Словакии и набрал много всякого этнографического материала.

Искренне уважающий Вас

П. Богатырев

Pidkarpatska Rus. Hust. "Slovjansky Sojus". P. Bogatyrev

№ 2

Глубокоуважаемый господин профессор!

Вчера вернулся в Густ из путешествия по горам Мармарошской жупы¹⁴. Собираю материал по селам: Воловое, Лозянское, Нижний Синевирь, Вышний Синевирь, Лази, Нижняя Колочава, Майдан, Вышний Быстрый, Торунь и Прислоп. Ходил по самым глухим селам. В некоторых из этих сел школы нет больше 10 лет. В эту поездку собирал главным образом сведения по народной мифологии, демонологии и народному календарю. Записал обряды при крестинах, свадьбе и похоронах; обряды на "Святый вечер", Новый год, Крещение Господне, Ивана Купала, Усекновение Главы Иоанна Крестителя, Великдень, Троицу, Юрия и др.; обряды при выгоне скота. Собрал небольшой гербарий целебных трав (которые собирают на Ивана Купалу) и сведения по народной медицине.

Сказок за этот месяц собрал всего около 50. Из сказочного материала интересна "Легенда о происхождении табака" и "Легенда о происхождении трубки". Я в свое время перечитал всю русскую литературу, относящуюся к легенде о происхождении табака (работы академика Перетца¹⁵ и его учеников), но, насколько я помню, записанных мною вариантов там не было. Интересны также записанные мною от одного дядка легенды о Пилате, Иуде, сотворении мира и происхождении палинки.

Один старый еврей рассказал мне несколько сказок и анекдотов, где главным действующим лицом является Франц Иосиф.

Я проследил диалектическую границу У-диалект и И-диалект, которая и в Мармароше, как и в Ужгородской жупе, совпадает с этнографической границей, разница в женском костюме, в типах вышивок и украшениях внутренности хижы (избы – М.Д.).

За этот месяц я набрал материал приблизительно на 5–6 печатных листов (считая по 40 000 знаков на лист). Вместе с ранее собранным материалом будет приблизительно 17–18 печатных листов.

По материальной культуре я насобираю около 80 вышивок, обрядовое печенье: паски, кэрэчуп, с которым связана масса всяких поверий и обрядов, Рождественскую звезду. Кроме того, к Рождеству у меня будет около 80 тыс. фотографических снимков: свадебный обряд, игры при похоронах, игры на Пасху, снимки хиж, костюмов и т.п.

На днях поеду собирать в Ужгородскую и Вережскую жупу. К Рождеству думаю вернуться в Прагу.

¹⁴ Жупа – административная единица в Словакии до 1918 г.

¹⁵ Перетц В.Н. (1870–1935) – известный литературовед, искусствовед, фольклорист. Академик Российской и Украинской Академий наук. Преподавал в университетах Санкт-Петербурга, Самары, Киева.

Я получил от проф. Андерсона¹⁶ все его работы, вышедшие за границу. Причем он мне послал 2 оттиска "Die Meleagrossage bei den Letten" и просил меня один оттиск передать Вам. Меня уже не было в Праге, когда эти книги пришли туда, и я просил переслать этот оттиск Вам.

Не знаю, получили ли Вы его. Письмо из Академии о заслушании моего отчета я получил.

Уважающий Вас

Петр Богатырев

19 24/XI 23 г.

№ 3

Глубокоуважаемый господин профессор!

Неделю тому назад был в с. Ворогове Ужгородской жупы, где записывал сказки от старика Опаленика, одного из лучших сказочников Гнатюка¹⁷. Я еще подробно не сверял одни и те же сказки, записанные мною и Гнатюком. Из беглого же сравнения видно, что больших различий нет. В одной сказке, рассказывая мне, он прибавил шуточный конец. Этого конца нет в записи той же сказки у Гнатюка. Но, в общем, Гнатюку Опаленик рассказывал более подробно, чем мне. 26 лет тому назад он был, по-видимому, словоохотливее, а теперь одряхлел (ему 72 года теперь, а Гнатюку он рассказывал 44 лет). Сам он говорит, что ему "не идут сказки на хатку" (так в подлиннике. – М.Д.).

Несколько мелких сказок, которые он рассказывал Гнатюку, он совершенно забыл. Но зато я от него записал несколько новых сказок, которые он не рассказывал Гнатюку.

В том же селе я нашел еще одного сказочника (69 лет), от которого Гнатюк не записывал. Этот второй старик оказался, пожалуй, лучшим сказочником, чем Опаленик.

В Ворогове любопытна одна диалектическая черта – звук Ч (черный, число) произносится как Ш мягкое, причем Ш это акустически тверже звука Щ (например, ЩИ). Язык дальше от зубов, чем при произнесении "ЩИ". В других селах я этого не замечал.

Из Ворогова отправился на сев[еро]-запад, в Ужгородскую Верховину. Здесь кроме прежних препятствий: непролазной грязи на дорогах, диких зверей и проч., встретилось новое – сыпной тиф.

Пришел я в село Ужок к учителю. Школа закрыта: среди школьников оказалось много больных сыпным тифом. (Теперь там закрыта и корчма.) По селу разъезжает автомобиль Красного Креста и забирает больных. Зашел к одному сказочнику в хижу. А у него дочь больна: жар, голова болит, плечи ломит. По-видимому, тиф. Сам записываю, а сам трушу, как бы не заразиться.

Пришел в с. Быстрое, и там тиф. Крестьяне не хотят ложиться в больницу и всячески скрывают больных. Доктор рассказывал: «У нас сегодня один больной "утік"», и просил меня, когда я в хижках буду, замечать больных, чтобы сообщал ему.

Кроме сказок и сведений по народным верованиям, собрал порядочно по материальной культуре: около 200 вышивок, разные кудели, женские сорочки, чепцы и т.д. Остаюсь уважающий Вас.

П. Богатырев

19 (11/XII) 23

¹⁶ Андерсон В.А. (1885–1962) – немецкий фольклорист, профессор сравнительной фольклористики в Кильском университете.

¹⁷ Гнатюк В.М. (1871–1926) – крупный западноукраинский фольклорист, этнограф, общественно-культурный деятель, член Российской (с 1902 г.) и Украинской (с 1924 г.) Академий наук. Секретарь научного общества им. Шевченко (с 1898 г.).

Глубокоуважаемый и дорогой профессор!

Получил Вашу любезную открытку из Шиндлерова Млина. Очень жаль, что я Вас не застал дома в Праге. Надеюсь с Вами повидаться по возвращении из Словакии и Подкарпатской Руси.

Положение мое в Мюнстере морально было прекрасное. Работа наладилась очень хорошо. Студенты работали у меня удивительно прилежно.

Истекший семестр я читал курс по русской (главным образом, карпаторусской) этнографии и вел практические занятия для подготовленных по русскому языку. На будущий семестр я объявил курс "Словацкие и украинские народные поверья и обряды", затем чтение и комментарий сочи[нений] Пушкина и практические упражнения по русскому языку.

К сожалению, материальное положение мое очень незавидное. Хотя я был факультетом избран единогласно, до сих пор Министерство просвещения еще меня не утвердило. Прошлый семестр я продержался на небольшую сумму, полученную мною от чехословацкого Министерства иностранных дел. На будущий семестр мне обещана поддержка от чехословацкого Министерства просвещения, но приехав в Прагу, я узнал, что Минист[ерство] просвещения заявило Минист[ерству] иностранных дел, что не сможет сдержать обещания. Положение мое сейчас очень неопределенное. Желая Вам всего хорошего, а главное как следует отдохнуть. Сердечный привет Вашей супруге.

Искренне преданный Вам

П. Богатырев

Завтра я уезжаю в Словакию.

19/VIII 1931. Адрес мой остается старый: Praha VII. Belského, č. 16.

Письма из Праги мне будут пересылать.

Многоуважаемый Юрий Иванович!

Поздравляю Вас и Вашу супругу с праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом и от души желаю Вам в новом году счастья и благополучия.

К сожалению, я никак не мог зайти перед отъездом из Мюнстера, чтобы проститься с Вами. У меня до последнего дня не было денег на отъезд, а как только я их получил, я не мог дольше задерживаться в Праге. Я и так начал свои лекции в Мюнстере с большим опозданием. В этом (зимнем) семестре я читаю "Словацкие и украинские обряды и обычаи" и веду семинарий по русскому языку для подготовленных, в будущем (летнем) семестре буду читать: "Словацкое народное искусство" и "История русского театра". Всего, всего хорошего.

Искренне уважающий Вас

П. Богатырев

Профессор К.Н. Мейер шлет сердечный привет.

Slavistisches Seminar. Dormplatz 5, Münster 1, Westf[alien]

Дата на штампе: 28.XII. 1931.

Телеграмма

Радуемся известием состояния здоровья. Желаем скорого выздоровления.

Богатырев, Якобсон.

Прага, через Польшу. Прием 3.XI [?]

ПИСЬМО И. ПОЛИВКИ П.Г. БОГАТЫРЕВУ

Дорогой коллега!

Не будете ли Вы так любезны сообщить мне, писал ли что-нибудь Познанский¹⁸ о выражении "остров Буян", столь распространенном в заговорах и в народных прозаических преданиях.

Заранее сердечно благодарен.

Искренне преданный Иржи Поливка

11.III.1926

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грацианский Н.Н., Померанцева З.В.* П.Г. Богатырев // Советская этнография. 1971. № 6. С. 192.
2. *Иванов Вяч.Вс.* О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развитие до 1939 г. // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984.
3. Архив РАН. Ф. 1651. Оп. 1.
4. РГАЛИ. Ф. 47.
5. *Штакельберг Ю.И.* Богатырев П.Г. // *Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян.* Библиографический словарь. New York, 1994. С. 81–82.
6. *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // *Советское славяноведение.* 1989. № 1.
7. *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940 годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // *Советское славяноведение.* 1990. № 2.
8. *Горяинов А.Н., Петровский Л.П.* Тоталитаризм и славяноведение: К изучению источников по истории советской науки 20 – начала 50-х годов // *Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы.* М., 1995.
9. *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение.* 1996. № 6.
10. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
11. *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // *Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века.* М., 1992.
12. *Чиняева Е.В.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // *Славяноведение.* 1993. № 4.
13. *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

¹⁸ Познанский В.С. (1841–1906) – украинский писатель и этнограф.

14. Центральный архив литературы и искусства г. Москвы (ЦАЛИМ). Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 17–18 (стенограмма заседания Ученого совета от 26 IX 1941).
15. *Kudělka M., Šimeček Z., Št'asný V., Večerka R.* Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha, 1977. S. 60.
16. Ústredny archiv Slovenskej Akadémie vied v Bratislave. Fond SAVU. 63 № 2. (20 XII 1945).
17. Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 246. Л. 199.
18. *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994. С. 70.
19. *Робинсон М.А., Досталь М.Ю.* Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева. // Славяноведение. 1994. № 4.

© 1998 г. *КИШКИН Л.С.*

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПРАГЕ: ПОЭТЫ, ПРОЗАИКИ, МЕМУАРИСТЫ

(1920–1930-е годы)¹

Для литературной деятельности русских эмигрантов Праге показательны ее высокая интенсивность и большое разнообразие. Это и активная жизнь разного рода кружков и объединений [1], и выступления приезжавших в Прагу писателей-эмигрантов (Бунин, Северянин, Шмелев, Зайцев, Ремизов, Набоков и др.). Это и попадавшие в Прагу многочисленные, по большей части рукописные или размноженные на гектографе общественно-литературные журналы, которые в 20-е годы выходили в лагерях и специальных общежитиях русских изгнанников (Югославия, Турция, Египет, Месопотамия, Кипр, Тунис, Чехия и т.д.). Это и художественные произведения не только "пражских", но и других русских авторов, появлявшиеся во множестве выходящих в Праге эмигрантских периодических изданий, где помещались также критические статьи и литературные обзоры [2]. Это, наконец, и литературоведческие труды осевших в Праге ученых (Е.А. Ляцкий, В.А. Францев, А.Л. Бем, А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский и др.) [2]. В эмигрантских издательствах в 20–30-е годы вышли многие тысячи книг русских классиков (Пушкин, Гоголь, Крылов, Тургенев, Достоевский, Аксаков, Л.Н. Толстой, Чехов, Короленко и др.). Но была и еще одна важная область литературной жизни русских "пражан" – это собственно творческая работа находившихся в Праге русских писателей и авторов мемуаров. На ней мы и остановимся.

Русская поэзия была представлена в Праге именами Д.М. Ратгауза, П.П. Потемкина, Марины Цветаевой, а также молодых авторов, начавших писать стихи лишь в изгнании. Почти все они (Алла Головина, Эмилия Чегринцева, Вячеслав Лебедев, Александр Туринцев, Николай Болесис, Сергей Рафальский, Татьяна Ратгауз и др.) входили в литературный кружок "Скит поэтов" (см. [1. С. 24]).

Среди поселившихся в Праге русских прозаиков следует назвать Вас. И. Немировича-Данченко, Аркадия Аверченко, Е.Н. Чирикова, А.В. Амфитеатрова, а также когда-то известных в России, но теперь полузабытых Д.Н. Крачковского, П.А. Кожевникова, И.Ф. Каллиникова. Из числа мемуаристов (а их было множество) отметим лишь некоторых авторов появившихся в Праге воспоминаний (Е.Е. Егоров, Н.А. Равевский, К.Д. Бальмонт, Зинаида Гиппиус).

Кишкин Лев Сергеевич – д-р ист. наук, консультант Института славяноведения РАН.

¹ Данная статья продолжает две наши предыдущие публикации, посвященные общей характеристике культурной жизни русских эмигрантов в Праге, печати, организации образования, деятельности ученых [1; 2].

Самым старшим из поэтов-эмигрантов был весьма популярный в дореволюционной России Д.М. Ратгауз, на стихи которого в свое время писали музыку П.И. Чайковский ("Мы сидели с тобой..." и др.), А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов и другие композиторы. Он попал в Прагу в 1923 г., будучи уже в годах, на шестом десятке лет, но тем не менее активно участвовал во многих культурных мероприятиях эмигрантов, хотя писал уже мало. В Чехословакии у него вышел только один сборник стихов "О жизни и смерти" (Прага, 1927), отразивший грустные раздумья стареющего в изгнании поэта о своей судьбе и вечных вопросах бытия. Эту книгу стихов завершают строки: "Мои стихи последних дней, / Слез и страданий безнадежных, / Что вам от нынешних людей, / Что им до звуков ваших нежных!". Сам поэт о своем последнем сборнике писал, что "это не песни, а мысли туманные", "гаснущий во мгле огонек" [3]. Ратгауз умер в 1937 г. в Праге и был похоронен на Ольшанском кладбище, где, как и он, нашли свой последний приют многие русские изгнанники, в том числе и собратья Ратгауза по перу.

О жизни и творчестве П.П. Потемкина в Праге пока мало что известно. О его пребывании там напоминают лишь подготовленная им двухтомная "Антология чешской поэзии" в русских переводах, книга стихов "Отцветшая герань", поэма "Двое" и отдельные переводы чешских поэтов в эмигрантской периодике.

Очень плодотворными стали годы, проведенные в Праге (1922–1925), для Марины Цветаевой. Приехав к мужу и оказавшись в очень трудных материальных условиях, она писала много и напряженно, как вынужденно, для заработка, так и по зову своего поэтического голоса. В конце 1925 г., перед отъездом в Париж, как бы оглядываясь на прожитые в Чехии годы и подводя некоторый итог, Цветаева писала: «С весны 1922 года по нынешнюю осень 1925 года мною за границей написаны "Молодец" – поэма (издательство "Пламя"), "Поэма горы" (неизд.), "Поэма конца" (выйдет в сборнике Пражского Союза Писателей "Ковчег"), "Тезей" – драматическая поэма (неизд.), "Крысолов" ("Воля России", № 4, 5, 6, 7), "Умыслы" – книга стихов 1922–1925 (неизд.).

Проза "Кедр" – о "Родине" кн. Волконского² (пражский альманах "Записки наблюдателя", 1924 г.), "Вольный проезд" – записи ("Современные записки"³, 1924); "Мои службы" – записи (сданы в "Современные записки"); "Герой труда" – записи (сдано в "Волю России")» [4]. В этой "справке-отчете" Цветаевой, если иметь в виду все, что было опубликовано ею в пражские годы, многое не названо. Так, не указаны в ней, в частности, опубликованные в журнале "Своими путями" в 1924 г. в связи с "тридцатилетием поэтического труда" Бальмонта приветственное письмо к нему, воспоминания о московских встречах с ним и посвященное поэту стихотворение "Эмигрант", а также появившиеся в том же году в "Студенческих годах" стихи "Песенки". Не вошли в перечень Цветаевой и опубликованные в "Воле России" в 1923–1925 гг. посвященные Казанове драматические произведения "Приключение" и "Феникс", стихи "Заводские", "Поэма заставы", "Полотеры", "Аля" и другие, подборка «Из книги "Юношеские стихи"». Заметим, что связь с "Волей России" сохранялась у Цветаевой и после декабря 1925 г., когда она переехала в Париж. В этом журнале позднее были напечатаны поэтический цикл "Сивилла", "Поэма лестницы", "поэма "Попытка комнаты", очерк-воспоминание "Октябрь в вагоне", письма Рильке, "Красный бычок", проза "Твоя смерть", большая статья о жизни и творчестве художницы Наталии Гончаровой и др. Часть из них, как и ряд других произведений, были написаны и подготовлены ею к публикации еще в Праге. Чтобы представить себе интенсивность, с которой работала Цветаева в Праге, надо иметь в виду, что в 1922–1923 гг. только в Берлине вышло четыре ее книги.

² Имеется в виду одна из книг воспоминаний князя Сергея Волконского "Родина" (Берлин, 1923), на которую Цветаева откликнулась. С Волконским ее связывали дружеские отношения.

³ "Современные записки" – общественно-политический и литературный журнал, выходил в 20-е годы в Париже.

Несмотря на относительную непродолжительность пребывания в Праге, Цветаева очень полюбила этот город. Многие пражские впечатления нашли отражение в ее творчестве ("Заводские", "Поэма горы", цикл "Деревья" и др.). «Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за "родного славянства", из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие... Ах, какую чудную повесть можно было бы написать на фоне Праги! Без фабулы и без тел: роман Душ» [5], – так писала Цветаева 24 октября 1926 г. своей чешской знакомой, переводчице А. Тесковой. Она была знакома с Я. Гашеком и, видимо, К. Чапеком, высоко ценила их творчество, встречалась с чешским писателем Ф. Кубкой, оставившем воспоминания о ней. В них приведен еще один отрывок из ее письма из Парижа к Тесковой о привязанности к Праге: "Боже, как же я хочу хотя бы минуту постоять на берегу Влтавы! Там, где река словно руками обнимает острова! Когда-нибудь я еще напишу о Праге так, как никто не писал!" [6]. Свою глубокую симпатию к чехам и Чехии Цветаева выразила в цикле "Стихи к Чехии" (1939).

Для творчества молодых поэтов-"скитников", начавших писать лишь в Праге (наиболее значительными среди них считаются В. Лебедев и А. Головина), характерна определенная связь с русскими поэтическими течениями начала XX в. (символизм, акмеизм, футуризм). Их стихи порой отмечены камерностью, обращены к внутреннему душевному миру авторов. Если же в них затрагиваются какие-либо объективные события и явления, то они нередко освещаются отвлеченно от их реальной сущности, с привнесением фантастической или мистической символики. В отличие от старшего поколения поэтов-эмигрантов, члены "Скита поэтов" не так часто писали о России, словно бы стараясь забыть о ней и связанных с нею переживаниях. И все же Россия незримо присутствовала в их стихах, казалось бы, ничем с нею не связанных. Показателен, например, в этом отношении не раз встречающийся в поэзии "скитников" образ уходящего корабля. Есть образы уходящих в неизвестность и не находящихся земли кораблей у Э. Чегринцевой, Н. Болесциса и у В. Лебедева.

Теме двух русских революций, гражданской войны и Белого движения посвящены не только отдельные небольшие стихи "скитников", но и большое стихотворное произведение Вячеслава Лебедева – "Поэма временных лет", которая охватывает события от февраля 1917 г. до жизни в эмиграции.

На поэзии "скитников" и других молодых поэтов нередко лежит незримая тень элегизма и какой-то отрешенности, видения себя и окружающей действительности глазами людей, много переживших и многое потерявших. И рядом со всем этим скрытая и откровенная ностальгия.

Вероятно, самым старым среди русских прозаиков в эмиграции являлся Вас. И. Немирович-Данченко. Ему было 77 лет, когда он в 1922 г. покинул Россию. О том, что этому предшествовало, он рассказал в автобиографическом очерке "Как мне жилось и работалось дома" [7]. Всю свою дальнейшую жизнь писатель провел в Праге, став ее почетным гражданином. Находясь там, Немирович-Данченко принимал активное участие в местной (русской и чешской) культурной и литературной жизни (как ранее Достоевский и Тургенев он был избран почетным членом чешского культурного общества "Умелецкая беседа"). В Праге им были созданы «романы "Она", "Святой грех", "На бабьих хлебах" и 12 томов повестей и рассказов», о чем писатель сообщал в своей автобиографии, помещенной в сборнике его памяти [8. С. 17]. Правда, не все из названного увидело свет.

Перелистывая пражскую русскую периодику, удалось выявить лишь два небольших произведения Вас. И. Немировича-Данченко – рассказ "Большевики" (1923) и очерк "Молодой человек на хорошей дороге" (1923). Оба произведения автобиографичны, но различны по своему сюжетному наполнению и стилистике. Первое связано с далекими воспоминаниями о пребывании на Урале и, в основном, посвящено не лишенному скрытого лиризма бытописанию, обрисовке сильного и своеобразного характера сельской женщины Большевики. Второе написано суше, как своеобразный многолетний репортаж. Писатель обращается в нем к проблеме нравственности. Герой очерка Бахаб-

кин, по всей видимости, списан с натуры, но объективно это обобщение, тип безнравственного приспособленца, для которого нет ни добра, ни зла, который из корысти готов служить любым властям и режимам.

К сожалению, найти другие русские тексты написанных в Праге произведений Вас. И. Немировича-Данченко, кроме упомянутых, не удалось. Многие его сочинения тех лет остались в письменном столе, о чем он в июне 1932 г. писал А.В. Амфитеатрову, с которым был очень дружен. Судьба их неизвестна. В Чехии в 20–30-е годы вышло 62 книги переводов сочинений Немировича-Данченко.

В Праге в январе 1925 г. встретил писатель свое восьмидесятилетие. Его юбилей стал поистине грандиозным торжеством русской диаспоры. Писатель получил тогда массу приветствий и поздравлений: от министров Чехословакии, от правительств Болгарии и Сербии, от Чешской Академии наук, от русских академических организаций и литературных союзов из Франции, Германии, Польши и Болгарии, от многих русских зарубежных газет и журналов, от частных лиц.

Например, коллеги по многолетней совместной работе в сытинской газете "Русское слово" (Москва), а их в изгнании оказалось немало, в своем поздравительном адресе писали: "Мы были близкими свидетелями Вашей жизни, знаем Ваши дела и думы. И почитаем радостным долгом засвидетельствовать, что Вы всегда были в жизни таким, каким рисуетесь читателю по Вашим произведениям: благородным, отзывчивым на все героическое и прекрасное, рыцарем в возвышенном значении этого слова, светлым, смелым, бодрым.

Ваше личное бесстрашие на полях битв засвидетельствовано бесспорными военными авторитетами, начиная с войны за освобождение славянства и кончая последней Мировой войной⁴. Но Вы явили пример бесстрашия и бодрости и на ином поле, страшном поле русской жизни последних лет... Ваш праздник – праздник русской литературы. В величавом сонме звезд, озаряющих горизонт русской литературы, Ваша звезда светит ярким, добрым светом, особенно манящим нас, друзей Ваших!" [8]. Адрес подписали разбросанные по всей Европе сотрудники когда-то самой крупной газеты России И. Бунин, А. Куприн, Д. Мережковский, Е. Чириков, В. Вернадский, Н.А. Теффи, Д. Философов, П. Потемкин и др.

Старейшему русскому писателю предстояло прожить в изгнании еще десять лет. И он продолжал работать. Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии намеревался подготовить посвященную 90-летию Вас. И. Немировича-Данченко книгу. Однако ей было суждено стать не юбилейным изданием, а данью памяти писателя, так как в сентябре 1936 г. его не стало.

Книга "Венок незабвенному старшине, дорогому Василию Ивановичу Немировичу-Данченко..." открывается разделом «"Заветы" В.И. Немировича-Данченко». Вот некоторые из них:

«Свободное "Я" в свободном народе. Беспощадная борьба с угнетением».

"Люби жизнь, пока дышишь, работай, пока живешь".

"Счастье – в независимости, красоте и правде твоей родины, служи ей, пока она несчастна и угнетена, и всему человечеству, когда она сильна и благополучна".

"Помни: все человечество связано невидимыми флюидами и горе одного, как круг на воде, передается вдале и вширь всем, кто мыслит, чувствует и любит".

"Когда право служит сильным, будь со слабыми" [8. С. 3].

Помимо этих заветов, в книгу, в частности, вошли посвященное памяти писателя стихотворение Бальмонта "Вечный юноша", присланная для сборника А.В. Амфитеатровым "Автобиография В.И. Немировича-Данченко" и большая редакционная статья "Наш старшина". Ее завершают слова:

«И вот не стало его!

⁴ Как военный корреспондент, Вас. И. Немирович-Данченко был на трех войнах: русско-турецкой (1877–1878), японской и первой мировой, принимал участие в боевых действиях. За проявленные на Балканах храбрость и мужество был награжден двумя знаками отличия Георгиевского креста (четвертой и третьей степеней) и орденом св. Анны с мечами.

В день празднования 90-летия Немировича-Данченко, которое без преувеличения было истинным праздником всего культурного славянского мира, русская литературная семья поднесла Василию Ивановичу особый почетный титул, назвав его по слову Ивана Сергеевича Шмелева "старшиной".

Скажем же вместе со Шмелевым:

"Слава старшине нашему, зеркалу бессмертия России. От него – свет, изливающийся из прошлого и освещающий нас и ныне.

Слава ему в сумеречные дни наши! Ему, видевшему солнце России, ему, свидетелю и певцу бессмертного величия нашей Родины"» [8. С. 8].

Каждый из русских писателей попадал в Прагу по-своему. Скажем, Е.Н. Чириков и часть его домочадцев – через Константинополь и Софию, полностью семья собралась лишь позже. В Праге Чириков прожил десять лет. По свидетельству знавших его в те годы, в отличие от Вас. И. Немировича-Данченко, Чириков переносил эмиграцию тяжело, его мысли часто уносились к берегам Волги. Семья бедствовала. Посетившая в 1927 г. Чирикова Сейфуллина писала, что он, жена и дети размещались в двух маленьких, низких, бедно обставленных комнатках квартиры, где жила еще одна семья. Прощаясь, глядя на зонтик Сейфуллиной, Чириков с грустью заметил: "Этот, небось, поедет в Россию". На предложение гостыи и ему вернуться он ответил: "В большевистскую Россию, что вы. Увольте, не могу" [9].

Какое-то время Чириковы жили в находящейся неподалеку от Праги деревне Вшеноры. Там с ними сблизилась Марина Цветаева. Она часто читала Чирикову свои поэмы, стихи и сказки. Тот восхищался ее стилизованным под народное словотворчеством, называя его ребусами. Чириковы оказывали большую помощь Цветаевой при решении разного рода бытовых вопросов, особенно после рождения у нее сына Георгия. Уезжая во Францию, она подарила семье писателя свою книгу "Молодец" с надписью: "Дорогим друзьям Чириковым – от всего сердца. Марина Цветаева. Вшеноры близ Праги 7-го мая 1925 года" [10].

Материальные трудности и острая тоска по родине не сделали писателя бездеятельным. Он сохранял бодрость и, как уже отмечалось [1. С. 19, 23–25], принимал деятельное участие во многих культурных начинаниях эмигрантов, которые, особенно студенты, его очень любили и ценили за его простоту и демократизм в общении, простодушие, доброе лукавство, остроумие и какую-то, по словам Д.И. Мейснера, "чисто русскую уютность" [11].

Находясь в Праге, Чириков много работал над воспоминаниями, написал четвертую часть многотомного романа "Жизнь Тарханова" – "Семья", романы "Любовь Муравьева", "Зверь из бездны", "Юность", "Отчий дом", "Мой роман. Записки беглеца", повести "Исповедь" и "Именинница", книгу рассказов "Во младости", сказку "Красота ненаглядная", пьесу "Во дни террора". Во второй половине 20-х годов в пражском издательстве Й.Р. Вилемка вышло тринадцатитомное собрание сочинений Чирикова на чешском языке.

Из мемуарных пражских публикаций Чирикова отметим две – "Вера Федоровна Комиссаржевская" и "Годы моего студенчества". Первая была приурочена к 15-летию со дня смерти знаменитой актрисы. Вторая публикация имеет подзаголовок "Отрывки из воспоминаний". В ней писатель рассказывал о волнениях казанских студентов в 1887 г., одним из лидеров которых он был. Сведения публикации существенно разнятся с тем, как описывались эти волнения на протяжении многих лет.

Многие из написанных в Праге воспоминаний Чирикова долгие годы пролежали в рукописях у членов его семьи и лишь теперь начали появляться на свет. В них, в частности, говорится, что знавших друг друга еще с 1887 г. Чирикова и Ленина судьба еще раз свела на заседании Государственной думы вскоре после Февральской революции. Не разделяя идей о захвате власти и диктатуре, писатель уехал в Москву, где погрузился в политическую жизнь, отстаивая эволюцию и протестуя против революционного насилия. Однажды его арестовали и едва не расстреляли за прочтение в Коломне на съезде учителей сатирических стихов о Ленине. Вско-

ре писателю передали совет Ленина – немедленно уехать, и подальше. Так он и сделал, перебравшись в Крым, где его ожидало много тяжелых переживаний [12. С. 84–86].

Наиболее значительным из написанного Чириковым в изгнании, судя по тому, что известно, является бывший очень популярным среди эмигрантов роман "Зверь из бездны" (1926), имеющий подзаголовок "Поэма страшных лет". Его главная тема – гражданская война, происходившая на глазах писателя. Сам он по этому поводу во вступлении отмечал: "Занося в свою художественную летопись правдивую историю о том, как люди жили, ненавидели и любили в наши страшные годы, я не выхожу за рамки свидетеля о написанном. Все, что здесь описано, я либо видел, либо сам пережил" [13. С. 8–9]. В романе "Зверь из бездны" Чириков сохраняет веру в лучшее будущее. "Настанет некогда время, – писал он, – и взбаламученное море нашей жизни войдет в свои берега. Закроются разверзшиеся бездны, смолкнет грохот и ржание бешено мчащихся коней, с красными и белыми гривами, пронесутся вихри туч над пучиной, и прокатятся в вечность раскаты громов... И небесная синь снова сверкнет своими улыбками людям и успокоившееся зеркало прозрачных глубин снова отразит Лик Божий... Не скоро, но будет. Непременно будет!" [13. С. 6].

Е.Н. Чириков скончался в январе 1932 г. в Праге на 68-м году жизни и, как и многие эмигранты, был похоронен на Ольшанском кладбище около православной Успенской церкви, украшенной мозаикой по эскизам И.Я. Билибина, с которым писатель был очень дружен.

А.В. Амфитеатров по сравнению с другими находился в Праге недолго, с 1921 по 1922 г., после чего жил в Ливорно (Италия), где и умер. Однако связь с Прагой, в которой много писал, Амфитеатров сохранял до конца дней. В Праге им были изданы книги "О великом расставании" (1922), "Дамы и жены" (1925), "Виктория Павловна" (1925) и "Отравленная совесть" (1926).

Всего лишь неполных три года прожил в Праге Аркадий Аверченко, поселившийся там в июне 1922 г, после непродолжительного пребывания в Константинополе и Париже. За время жизни в Праге, помимо отдельных рассказов в разных изданиях, там появились сборники его рассказов "Кипящий котел", "Рассказы циника", "Рассказы для выздоравливающих", пьеса "Игра со смертью" и книга "Двенадцать портретов знаменитых людей России".

Последнее сочинение Аверченко "Шутка Мецената" было напечатано в издательстве "Пламя" в 1925 г. 12 марта Аверченко не стало. В одном из откликов на смерть писателя говорилось: «Бесконечно ценно и, может быть, ценнее всего у Аверченко – непосредственная радость жизни, приятие со всеми ее недостатками и утехами, обостренное стремление постичь ее во всех ее проявлениях, как можно больше чувствовать и переживать. Но разве можно сказать, что он "как дитя резвился на жизненном лугу?.." В его рассказах последнего периода... – запечатлелась едкая горечь и патриотическая скорбь...» [14. № 2. С. 16]. В 1923–1925 гг. в Праге вышло двенадцатитомное собрание сочинений Аверченко на чешском языке.

Сведения об остальных живших в Праге русских прозаиках скудны. Д.Н. Крачковским в Праге, где он жил в нужде с 1918 г., были созданы повести "Глаза" и "Желтые, синие и красные ночи" (о жизни дореволюционной русской интеллигенции), книги "Цветы под снегом", "Избранные рассказы" и оставшийся в рукописи роман "Несчастный Асмарон". Рецензенты усматривали у Крачковского тяготение к сюрреализму. Иной характер носила творческая деятельность жившего в Праге беллетриста и критика П.А. Кожевникова. Он много печатался в чешской периодике. Написанные им в эмиграции мрачные, исполненные горечи и предчувствий смерти произведения составили книгу "Пражские рассказы" (1932). Писавший стихи и прозу И.Ф. Каллиников, будучи в Праге, подготовил сборник рассказов "Баба змея" (Москва, 1928), книгу "Пещь огненная" (Берлин, 1930) и роман из монастырской жизни "Мощи", который знавшая автора Цветаева считала "настоящим произведением". Однако эмигрантские издательства из-за негативного показа жизни внутри монастырских стен печатать его не стали.

Это трехтомное произведение при содействии А.М. Горького было опубликовано в Москве в 1925–1927 гг.

Вся литературная деятельность живших в Праге русских литераторов не являлась герметически закрытой, напротив, она была неотрывна от всей эмигрантской литературной жизни в Европе. Многие из живших во Франции писателей (Бунин, Мережковский, Зайцев, Замятин, Теффи, Шмелев, Куприн и др.) нередко печатались в Праге. В этом отношении особенно прочно были связаны с нею Бальмонт и Ремизов. Они, хотя и заочно, но весьма существенно участвовали в литературной жизни пражских эмигрантов. Без них ее трудно представить. Только в журнале "Воля России" сочинения Ремизова публиковались более десяти раз, печатали его и другие журналы. В 1925 г. в пражском издательстве "Пламя" вышли книга рассказов Ремизова "Зга" и роман "Пруд". Бальмонта тоже много печатали в русских периодических изданиях Праги (стихи, статьи о литературе). Там же увидели свет его во многом мемуарная книга "Где мой дом" (1924), в которой он вспоминает о жизни в России и эмиграции, а также сборник ностальгических стихов "Мое – ей. Россия" (1924).

Надо отметить, что Бальмонт был очень увлечен чешской поэзией, много переводил, переписывался с чешскими поэтами, в частности с Йозефом Махаром. Результатом этой увлеченности явились статьи Бальмонта о чешской поэзии, большая подборка его переводов из нее (Маха, Врхлицкий, Рокита, Сова, Безруч, Бржезина, Томан, Тээр, Волькер), появившаяся в журнале "Воля России" (1927, № 4), и книга русских переводов стихов классика чешской литературы Я. Врхлицкого (Прага, 1928).

Особенность эмигрантской беллетристики составляло то, что иногда за перо брались и непрофессиональные писатели. Пример тому – двухчастный роман Е.А. Ляцкого "Тундра", имеющий подзаголовок "Роман из беженской жизни". Он вышел в Праге в 1925 г. и является едва ли не единственным произведением, рисуящим жизнь именно пражских эмигрантов.

Обычно оказавшиеся в изгнании писали о прошлом. Это относится и к большому потоку мемуарно-воспоминательных сочинений, без которых нельзя представить себе литературу эмиграции. Авторами таких сочинений были генералы, офицеры, представители разных революционных направлений (особенно эсеры), ученые и, конечно же, писатели. Изобильно печатались они и в Праге. Иногда писали люди, о которых мы теперь уже мало что знаем (В. Мякотин, И. Захарьин, Р. Будберг, С. Мельгунов, В. Оболенский, М. Ярославцев, Г. Аронсон, С. Степанова, А. Аргунов и др.), но были и такие, чьи имена не забыты (Е. Чириков, В. Булгаков, М. Осоргин, З. Гиппиус, К. Бальмонт и др.). Нет возможности как-то схематизировать и охарактеризовать в целом множество появившихся в Праге эмигрантских воспоминаний, значительная часть которых посвящена революционным годам и гражданской войне. Это трудно сделать еще и потому, что многие воспоминания еще надо выявить. Поэтому мы коснемся лишь некоторых из них, так или иначе (формой или содержанием) связанных с художественной литературой.

В 1935 г. в Праге вышла объемная книга в свое время известного народника, соратника Андрея Желябова и Софьи Перовской, Егора Егоровича Лазарева. Она называлась "Моя жизнь". Полная множества событий – арестов, ссылок и приключений – жизнь свела Лазарева в 1890-е годы на Всемирной выставке в Чикаго с В.Г. Короленко, которого он тогда и познакомил с героем его будущего рассказа "Без языка". Особенно интересны в книге "Моя жизнь" страницы, посвященные Л.Н. Толстому, с которым Лазарев долгие годы поддерживал дружеские отношения [15]. Значительное место в книге Лазарева занимает повествование о его революционной деятельности (дома и в эмиграции) до 1917 г. и тому, что происходило с ним позднее.

К иному типу относятся мемуары, посвященные гражданской войне. В этой связи назовем артиллерийского офицера Н.А. Раевского, находившегося в Праге с 1924 по 1945 г., автора известных у нас в послевоенные годы книг о Пушкине. Им в пражский

период жизни было написано, по его словам, пять книг воспоминаний о гражданской войне, рукописи которых до последнего времени считались утраченными. Однако тексты двух из них – "Добровольцы" и "Тысяча девятьсот восемнадцатый год" – были найдены в фондах Русского заграничного архива и опубликованы в журнале "Простор" (1990. № 7; 1992. № 5/6). Отрывок еще одной из трех, остающихся пока неизвестными книг Раевского о гражданской войне, имевшей название "Рыцари мечты", также удалось обнаружить (см. [14]).

Достоянием русских "пражан" стали и две мемуарные книги Зинаиды Гиппиус "Живые лица" (Прага, 1925. Вып. I–II). Поэтесса вспоминает в них о своих встречах с Блоком, Брюсовым, Вырубовой, Розановым, Сологубом, Плещеевым, Полонским, Вейнбергом, Майковым, Григоровичем, Л.Н. Толстым и др. Из книг можно многое узнать о литературном быте рубежа веков, об отношениях в среде писателей, о самой литературе и связанных с нею разных примечательных деталях [16].

Книги Гиппиус о минувшем, как и множество других самых разных мемуаров, вместе с изданиями классиков и всей зарубежной русской литературой утоляли духовный голод эмигрантов-"пражан". Многим произведениям русских писателей-изгнанников, названным и не названным, только еще предстоит попасть в руки читателей-соотечественников.

Надо заметить, что сосредоточение в Праге многочисленной русской интеллигенции и ее деятельность имели своим следствием значительное усиление встречного интереса к русской культуре и литературе с чешской стороны. Это выразилось прежде всего в росте чешских переводов с русского. С 1923 по 1927 гг. чешскими народными библиотеками Праги было приобретено 7067 книг русских переводов, в том числе 2073 книги Достоевского, 1533 Толстого, 846 Чирикова, 529 Гончарова, 514 Тургенева, 456 Чехова, 422 Гоголя, 394 Мережковского, 300 Горького и т.д. (см. [17]).

Мы попытались, опираясь на доступные материалы, в самых общих чертах обрисовать литературное творчество писателей русской колонии в Праге в межвоенные двадцатилетие. Но это только первичная попытка. Слишком многое еще не найдено, не изучено и не осмыслено. В пражских архивах – личных фондах Е.А. Ляцкого, А.Л. Бема, издателя А.С. Элиасберга, художника Н.В. Зарецкого и ряда других деятелей русской и чешской культуры – лежат сотни неопубликованных писем Амфитеатрова, В. Булгакова, Бунина, Цветаевой, Гиппиус, Зайцева, Крачковского, Куприна, С. Маковского, Мережковского, Немировича-Данченко, Ремизова, Теффи, Шмелева, Брюсова, Пришвина, А.Н. Толстого и многих других. В тех же архивах хранится большое число пока не востребованных рукописей художественных и научных сочинений. Только в наследии Ляцкого их несколько десятков. До сих пор еще мало освоены культурные и литературные материалы вывезенного из Праги в Москву Русского заграничного архива. Пока нет более или менее полного представления о репертуаре всех вышедших в Праге в 20–30-е годы русских книг и содержания русских периодических изданий. По существу "репатриация" духовных ценностей, созданных усилиями живших не по своей воле в Праге русских эмигрантов, только начинается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь, 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1995. № 4.
2. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки, 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1996. № 4.
3. Ратгауз Д.М. О жизни и смерти. Прага, 1927.
4. Своими путями. Прага, 1925. № 8/9. С. 8.
5. Marina Cvetajeva a Praha. Praha, 1984. S. 15.
6. Kubka F. Hlasy od Vychodu. Praha, 1960. S. 22.
7. Лепта. 1994. № 23. С. 84.

8. Венок незабвенному старшине, дорогому Василию Ивановичу Немировичу-Данченко. Прага, 1936.
9. Аврора. 1992. № 1. С. 6.
10. Наше наследие. 1991. № 4. С. 51.
11. *Мейснер Дм.* Миражи и действительность. М., 1966. С. 215.
12. Наш современник. 1991. № 9.
13. *Чириков Е.Н.* Зверь из бездны. Прага, 1926.
14. Студенческие годы. Прага, 1924.
15. *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Прага, 1935. С. 152–153.
16. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Прага, 1925. Вып. II. С. 166.
17. Русские в Праге. Прага, 1928. С. 331.

© 1998 г. ПОСПИШИЛ И., ЗЕЛЕНКА М.

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕВГЕНИЯ ЛЯЦКОГО

Самостоятельную главу в истории чешской культуры межвоенного периода представляет творческая деятельность русской, украинской и белорусской эмиграции, сохранившей и в иностранной среде первоначальную сплоченность и принявшей участие в интеллектуальной, культурной и научной жизни страны, где она поселилась. Исторические судьбы этой многочисленной и разнородной группы становятся в последнее время предметом интенсивного научного исследования [1]. Одной из центральных фигур русской эмиграции можно считать Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942), который был в начале 1921 г. приглашен в Прагу на философский факультет Карлова университета в качестве первого профессора русского языка и литературы. Он был назначен на эту должность президентом Чехословацкой Республики Т.Г. Масариком 1 мая 1922 г. Должность ординарного профессора Ляцкий занимал с 16 марта 1927 г. вплоть до закрытия чешских вузов нацистами, когда перевели его на пенсию¹.

Е. Ляцкий был выпускником Историко-философского факультета Московского Университета, на котором под руководством своих учителей Ф.Ф. Фортунатова, В.М. Миллера и М.И. Соколова занимался, помимо истории и философии, изучением языков, этнографии и фольклора. Публикации архивных материалов, выявленных им в ходе научных экспедиций, характеризуются не только широким охватом, но и незаурядной способностью автора систематически и в сжатом виде излагать собранные факты. Именно это заинтересовало известного слависта А.Н. Пыпина, который в 1900 г. пригласил молодого исследователя в Санкт-Петербург на должность хранителя Этнографического отдела Русского музея Александра III (до 1907 г.). Карьера ученого развивалась успешно, от сбора этнографического материала он переходил к обобщающим историко-литературным работам, занимался публикаторской и издательской деятельностью (например, редактировал переписку Н.Г. Чернышевского 1862–1882 гг., 3 тома, 1912–1914 гг. издал переписку В.Г. Белинского в 3-х томах, 1913 г.). После Октябрьской революции Ляцкий эмигрировал в Финляндию, позже в Швецию, свои скитания ученый закончил в начале 20-х годов, когда получил приглашение в Чехословакию. На время пребывания в столице Чехословацкой Республики Праге пришлось кульминация многосторонней педагогической и научной деятельности исследо-

Поспишил Иво – руководитель Института славистики философского факультета Университета им. Т.Г. Масарика в Брно.

Зеленка Милош – зав. отделом литературоведения Славянского института в Праге.

¹ Данные о биографии Е.А. Ляцкого [2], его литературном наследии [3] можно найти в целом ряде статей, изданных в Чехии.

вателя; Е. Ляцкий совсем не был похож на академика и университетского ученого старого образца, он принимал активное участие в жизни русской эмиграции, писал беллетристику [4], составлял литературные антологии [5] и даже стал соавтором или, точнее, автором учебников русского языка [6]. Свои литературоведческие интересы он реализовывал в создании монографических исследований портретов русских писателей, опубликованных на русском и чешском языках.

Этот подход он использовал и в обобщающем труде "Исторический обзор русской литературы". Первый том был опубликован в 1937 г. [7], второй не был издан никогда; сохранился лишь единственный экземпляр верстки, который один из авторов настоящей статьи, Милош Зеленка, обнаружил в архиве известного чешского компаративиста проф. Франка Вольмана; труд Ляцкого является частью архива журнала "Славия". Верстка содержит и пометки Ф. Вольмана. Однако сама книга не успела выйти в свет. В начале июля 1942 г. Евгений Ляцкий умирает. Славянский же Институт в Праге, сотрудником которого Ляцкий был с 1929 г., ликвидируется по воле немецких оккупационных властей. После второй мировой войны произведения русских эмигрантов – за немногими исключениями – обычно не издавались.

Но вернемся на несколько лет назад. В 1925 г. пражское русское издательство "Пламя", руководимое проф. Е. Ляцким, издает его монографию о И.А. Гончарове, написанную на русском языке с подзаголовком "Жизнь и быт" [8]. Слово "быт" до определенной степени свидетельствует о методологических приемах Е. Ляцкого: их основой является не только традиционный литературный портрет, основоположником которого был Сент-Бев (1804–1869), но и реальное бытие литературы, литературная жизнь и все, что воздействует на возникновение и генезис артефакта. Цель – исследование литературной морфологии как средства постижения смысла артефакта. Такой подход к художественному произведению в то время не исключение: именно в начале 20-х годов в литературоведении происходил сложный процесс синтеза имманентных (формальных) методов и приемов, связанных с *Geisteswissenschaften*. Некоторые русские формалисты, как известно, исходили в начале своего творческого пути из "философии" литературы (Б. Эйхенбаум), во второй половине 20-х годов они выступали как аналитики "литературного быта"² [9]. Феноменологически ориентированное творчество М. Бахтина примерно в то же самое время стремится преодолеть формальное направление в литературоведении путем перехода к исследованию эстетического объекта как средоточия бытия культуры [10]. Рене Уэллек (1903–1995), испытавший влияние своих чешских учителей Вилема Матезиуса (1882–1945) и Оттокара Фишера (1883–1938), в совместной работе с А. Уорреном [11] пришел к размежеванию двух мнимо противоположных подходов (*extrinsic* – *intrinsic*).

В изложении Ляцким жизни и творчества И.А. Гончарова можно найти следы позитивизма в тех тщательных описаниях общественного уклада и биографического контекста (*background*); в описании родины Гончарова г. Симбирска, жизни в усадьбе; появляется здесь слово "влияние" (например, "Влияние Пушкина"), исследуется круг чтения, воздействие друзей и учителей, потом следует описание путешествия за границу и работы царским цензором. Все это, однако, становится составной частью эстетического анализа романного творчества, которое выступает как точка пересечения разных внешних (социологических, биографических, психологических) и внутренних (поэтология, имманентное развитие литературы как специфического ряда искусства) факторов. В введении к своей работе Е. Ляцкий характеризует данный метод следующим образом: "Роман и жизнь тесно сплелись в развитии творческой личности Гончарова и долгое время оставались неразгаданными своеобразные явления этой связи. Никто из писателей так заботливо не старался скрыть ее, и ни у кого она не выступала с такой поразительной отчетливостью, как у Гончарова. Тяжесть внешних

---

² Подобную эволюцию можно проследить на творчестве Б.М. Эйхенбаума. Так, ученый вначале занимался историей литературы с точки зрения "философии" (статья 1916 г. "Державин", "Карамзин", "Тютчев"), позже склонился в сторону "технологии" (статья 1919 г. "О Льве Толстом").

условий проложила суровую бытовую колею его жизни, и колея эта многие годы тянулась горестно и трудно [...] Груз повседневной жизни был слишком тяжел, чтобы нечто могло увлечь его за собой в беспредельное, но и сама она слишком была напоена жизнью, чтобы совсем оторваться от земли. Искать выхода из тревожного раздвоения означало на языке Гончарова – писать роман, зарисовывая жизнь, бывшую перед глазами, и жить мечтой, поднимающей эту жизнь на высоту поэзии" [8. С. 1]. Художественное произведение понимается, таким образом, не только как выражение человеческой личности в значении Б. Кроче, но и как "гормонизирующей" ее, "терапевтический" фактор, и, одновременно, как манифестация человеческого инобытия. Исследование морфологии литературы позволяет Ляцкому показать и продемонстрировать методы и приемы, посредством которых достигается названное понимание.

В 1929 г. Славянский семинар Карлова Университета в Праге при поддержке Министерства обучения и народного просвещения издал сборник статей и библиографических обзоров "Л.Н. Толстой", составленный Иржи Горакем и Евгением Ляцким (имя исследователя в чешском тексте обычно писалось Jevgenij, Evgenij или Evžen). Книга состоит из двух частей: первая содержит сравнительно обширные статьи, вторая – библиографические обзоры, причем большинство текстов написано на русском языке. В вводной статье "Лев Толстой как мыслитель" С.И. Гессен утверждает, что к Толстому-философу можно подойти только через Толстого-художника, – это вполне соответствует концепции Ляцкого. И.И. Лапшин в статье "Метафизика Льва Толстого" ищет философский ключ к поэтике писателя и к его философии. Ядром первой части является, однако, большая статья самого Ляцкого "Толстой и природа", вероятно, это наиболее глубокий текст, который был когда-либо написан о Л. Толстом. Автор продемонстрировал детальное, вплоть до мельчайших подробностей, знание творчества Л. Толстого. Природа в произведениях Л. Толстого тщательно проанализирована, классифицирована и описана, но, одновременно, она становится базисом для новых изысканий: художественное произведение для Ляцкого – так же как раньше для Э. Эннкена – это ключ к личности писателя и ее сути. Рационализм Л. Толстого, весьма выразительный именно в понимании природы, привел его к пессимизму, ибо, как пишет Ляцкий, "Толстой был сыном Разума и пасынком Веры; то, чему и во что он хотел верить, он должен был знать" [12].

Результатом упомянутых работ стала публикация "Классики русской литературы" ("Klasikové ruské literatury", Praha, 1930 на чешском языке). Перевод был осуществлен Софией Погорецкой (Zofie Pohorecká 1877–1963) с оригинальной русской рукописи. Сюда, между прочим, вошли статьи о В.А. Крылове, А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, Ф.М. Достоевском. Казалось бы, что цель, "синтез" исследований для Ляцкого это лишь личность автора, в которой отражается триада И. Тэна (для Тэна, напротив, творческая личность, с точки зрения феноменологии, вспомогательное звено, своеобразный "черный ящик" – *case, moment, milieu* – с помощью которого рассматривается компактная целостность национальной литературы). Этот "синтез", однако, оказался лишь частью начальной стадией в создании истории национальной литературы, которую Е. Ляцкий скромно назвал "историческим обзором". София Погорецка, переводившая тексты Е. Ляцкого, участвовала в движении чешских женщин, переписывалась с известным критиком Франтишеком Ксавером Шальдой. Она переводила с русского, польского, немецкого и английского, главным образом, художественную литературу. Ее переводы С.Т. Аксакова, П.Д. Боборыкина, Н.В. Гоголя, но в первую очередь – А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, положительно оценивались чешской критикой [13]. Самостоятельную художественную ценность представляют собой поэтические переложения многочисленных читателем историко-литературных исследованиях Е. Ляцкого. Во втором томе "Исторического обзора русской литературы" можно найти конгениальные переводы поэтов XVIII в. (Ф. Прокоповича, А. Кантемира и др.), в которых автор перевода решала сложные вопросы стихосложения и ритма, невзирая на все споры и полемику вокруг теории стиха. Оригинальным был и графический облик композиции печатной страницы: Ляцкий и Погорецка ставили в русском тексте ударения, подчер-

кивая, таким образом, важность звукового плана в восприятии художественного текста.

Первая часть "Исторического обзора русской литературы", которая была издана в переводе С. Погорелкой на средства Славянского института в Праге в 1937 г., содержит изложение древнерусской литературы (XI–XVII вв.). Книга имеет две основные функции: это не только история литературы упомянутого периода, но и своеобразная антология древнерусской литературы; читатель получил как оригинальные тексты, так и великолепные чешские переводы. По этим причинам обе части "Обзора" Ляцкого стали уникальными явлениями для чешской культуры. Увлекательность повествования сочеталась в них с подлинным, серьезным и строгим историзмом [14].

Большое внимание автор уделяет общественному развитию древнерусского государства и литературным влияниям (со стороны Византии). Тем не менее, ключевым моментом является морфология артефакта как точки пересечения всего, что сопутствует художественному процессу. В его исследовании глубоко анализируются эпитеты, сравнения и принципы повествования. Он высоко оценивает тесные генетические связи устной словесности и литературы именно на русской почве (традиция песенной формы). В этом его приемы напоминают концепцию так называемой органической критики Аполлона Григорьева [15]. В отличие от концепции Уэллека и Уоррена, основанной на внутреннем (intrinsic) и внешнем (extrinsic) планах восприятия артефакта, когда в качестве плана внутреннего выступает именно морфология произведения, в качестве внешнего – все окружающее, Е. Ляцкий понимает "литературность", т.е. технику, как внешнее, образующее предпосылки для раскрытия внутреннего, духовного, художественного смысла литературного произведения, на пути к которому морфология является только средством. Здесь Ляцкий развивает приемы русского лингвиста и психолога литературы А.А. Потебни (внешняя форма – внутренняя форма – содержание), однако с некоторыми поправками [16]. Судя по комментариям и библиографическим данным, Е. Ляцкий был хорошо знаком не только с русскими литературоведческими работами по интересующей его проблематике, но и с зарубежными исследованиями. Тот факт, что он в своих работах никогда не ссылался на А.А. Врзала (А.Г. Стина) [17], известного чешского (моравского) историка литературы и переводчика со славянских языков, можно объяснить его методологическим несогласием с народнической критикой (А. Скабичевский и др.), на которую Алоис Аугустин Врзал нередко опирался в своих подходах к литературе, или, может быть, и недостаточным знанием его работ. (А. Врзал не раз жаловался, что его "История русской литературы XIX века" не встретила в Праге должного приема.) Возможно и то, что Ляцкий считал книгу или книги самоучки А. Врзала эпигонскими.

Концепция древнерусской литературы Е. Ляцкого близка взглядам Н.К. Гудзия [18], а также проректора Новороссийского университета в Одессе, позже профессора Университета им. Т.Г. Масарика в Брно Сергия Вилинского (1876–1950), который в короткий период зимнего семестра 1913 г. был учителем Михаила Бахтина (позже он перешел в Петербургский университет), но отличается от него вниманием к международному контексту развития древнерусской литературы. В отличие от Д.С. Лихачева ([19], ср. также [20]) поэтика и стилевые течения излагаются им в более широких социальных и национальных связях. Древнерусская литература понимается Ляцким не как простое отражение чужих моделей, которые на русской почве только модифицируются, и не как закрытое на протяжении веков семантическое целое (несомненно воздействие на нее византийской культуры, имеющее формообразующее и жанрообразующее значение, влияние западных моделей через посредничество Литвы и Польши), а как своеобразная историко-литературная категория, которую можно рассматривать, исходя из ее собственного внутреннего движения. В тексте Ляцкого встречаются, однако, места, посвященные, например, переводной литературе, но нет сравнительного анализа проявлений тенденций ренессанса, гуманизма и барокко в русской культурной среде. С методологической точки зрения новым было рассмотрение структур русского народного эпоса как аксиологически и эстетически равно-

правных составных частей национальной литературы. Близкая концепция встречается и в работах Франка Вольмана, который в "Словесности славян" (Прага, 1928) и в последующих произведениях постоянно исходит из единства устного и письменного творчества. Е. Ляцкий учитывает и географический фактор, наглядно показывая его значение на примере линии север – юг, оппозиции, которая до сих пор не исчезла из русской литературы и аналогична средиземноморскому феномену, о котором в последние годы много писалось в связи со средиземноморским центризмом в концепции исследовательского коллектива Д. Дюришина [21].

Литературная критика единодушно признала в свое время издание "Исторического обзора русской литературы" значительным событием, книгой, которая впервые представила в чешской среде детальную и в то же время обобщающую картину и концепцию различия древнерусской литературы, в которой явно доминируют два фактора: роль византийской культуры и распространение христианства. Критик В. Бегоуек напомнил о тематической преемственности текста Е. Ляцкого с произведением Т.Г. Масарика "Россия и Европа" ("Rußland und Europa", на немецком языке, оригинал I–II 1913 г., чешский перевод – 1931–1933 гг., полное немецкое издание – 1995 г., чешское – 1996 г.), в котором анализ развития русской философской и общественной мысли исходил из специфической функции русского монастыря (вводная глава "Русский инок"). Именно в этом Е. Ляцкий и видел духовное различие между Россией и Западной Европой [22]. Другой критик, С. Чапек, оценил "поэтическое дарование и музыкальный талант" автора [23]. Известный славист и знаток серболужицкого языка и серболужицкой литературы Й. Пата отметил "привлекательную картину жизни" [24], а также оригинальность формы произведения, в котором Ляцкий соединил слово с репродукциями эстетически ценнейших картин. Критика положительно приняла и скрытый дидактический подтекст, заключающийся в выборе жанра "исторического обзора" вместо "истории", т.е. в предпочтении принципа, возбуждающего эмоциональный интерес к эстетическим ценностям [25]. Евгений Ляцкий в предисловии требует, чтобы литература не преподавалась, чтобы она воспринималась добровольно, без вызубривания наизусть "содержаний" отдельных произведений [7. S. 7].

Вторая часть "Исторического обзора русской литературы" носит подзаголовок "Русская литература восемнадцатого века". С оригинальной русской рукописи ее перевела также С. Погорецка; перевод, несмотря на несколько незначительных лексических и синтаксических русизмов, высококачественный. Именно эта часть, как было упомянуто выше, никогда официально не издавалась; наш материал мы, следовательно, почерпнули из единственного экземпляра верстки (в литературном наследии Е. Ляцкого сохранился, однако, и рукопись второго тома). Е. Ляцкий в кратком введении тщательно отделяет русскую средневековую литературу от классической литературы XIX в. ("золотого века"): XVIII век – это важная переходная зона между ними. По его убеждению, русская литература XVIII в. не представляет собой самостоятельный феномен: хронологическая граница образуется здесь чисто механическим путем, являясь в историко-культурном смысле искусственной, надуманной. По Е. Ляцкому, XVIII в. может быть, хотя бы частично, включен в русскую классику, причем эпоха Кантемира и Ломоносова могла бы рассматриваться как составная часть средневековой литературы, как ее завершение и кульминация, а эпоха Державина и Карамзина как преддверие новой, пушкинской эпохи. Оба века для Ляцкого – это единый подъем народной воли в стихийной борьбе контрастов, образующих новую Россию с высокой духовной культурой, с идеалами всечеловеческого лада и мира. Эта борьба, как пишет Ляцкий, усиливается именно тогда, когда она переходит из темных изб в светлые залы академических аудиторий и на перекрестки, на которых интересы научного познания сталкивались с новыми взглядами на преобразование основ общественной и государственной жизни [26] (ср. [27]). Хотя такие взгляды до сих пор не являются общепринятыми, т.е. XVIII в. рассматривается в основном как автономная область русской литературы. Высокая оценка этой литературы не только как "мастерской" литературного ремесла, но и как первого шага русской литературы на пути в Европу и мир,

частично предвосхищает современные концепции [28] (см. рецензию [29]). Е. Ляцкий не игнорирует историческую и экономическую литературу (В. Татищев, И. Посошков), использует в своем изложении сравнительный русско-европейский аспект. Вершиной его анализа можно считать главы о Н.М. Карамзине и Г.Р. Державине, чьи произведения предвосхищают "золотой век" русской литературы.

Методологическую позицию Е. Ляцкого можно в общем плане охарактеризовать как последовательный синтез (*synthesis in progress*) традиционной русской историко-культурной школы, литературной морфологии, компаративистики А.Н. Веселовского и психологических подходов, у истоков которых в России стоял А.А. Потебня. Литература для Е. Ляцкого представляет собой отражение национального характера, которое следует анализировать в контексте развития других видов искусства. Тем самым метод Ляцкого близок к некоторым принципам многостороннего, "синтетического" анализа, осуществленного, к примеру, в творчестве Р. Уэллека – речь идет о сближении имманентных (автономных, текстовых, морфологических, формальных) течений и подходов, связанных с духовными науками, и прежде всего с философией и психологией. Хотя произведения русских формалистов и чешских структуралистов не цитируются и не приводятся в списке используемой литературы, Ляцкий не мог не реагировать на существование чешского литературоведческого структурализма, если в предисловии он пишет, что "предмет его изложения есть словесное искусство" [26. S. 5]³. В отличие от первого тома (см. [7]) Ляцкий уделяет больше внимания вопросам художественной формы и поэтического языка (что, разумеется, связано и с тематическим сдвигом от средневековья и средневековья к новому времени), проблемам композиции и жанров. Следы влияния структуралистской эстетики можно найти и в идее восприятия западных импульсов. Е. Ляцкий в согласии с тезисами А.Н. Веселовского о "встречном противодвижении" отстаивает мысль, что иностранные импульсы, чтобы укорениться в чужой среде, ищут подготовленную литературную и культурную почву. Структуралисты подчеркивали также модификацию или трансформацию чужого влияния воспринимающей средой. В размышлениях Е. Ляцкого проглядывает лингвистическая интерпретация функций языка: значимость факта, генетического происхождения и акцент на его структурной трансформации, т.е. на функции, вытекающей из иерархии воспринимающей системы. Таким образом, Е. Ляцкий косвенным путем акцентирует вопрос об автономности русского литературного развития, в котором чужие влияния функционируют в качестве контактом, но, одновременно, сталкиваются с усилием сохранить оригинальность и продуктивность отечественных традиций.

Тексты Е. Ляцкого можно читать и как историко-философский роман или трактат, и как своеобразное повествование, которое не избегает многочисленных метафор и иллюстраций; автор, таким образом, коснулся методов, связанных с американской метаисторией (*metahistory*), чьи элементы проникли в беллетристику, литературоведение и в общую историю [33]. "Исторический обзор" Ляцкого насыщен именами и датами, причем речь идет не о холодном объективизме или фактографичности. По мнению автора, следует сохранить равновесие между личностным началом и объективным историзмом. Ляцкого нельзя считать позитивистом: хотя исследователь связывает свое изложение с идеей эволюционного прогресса, он щепетильно соблюдает различие между произведениями чисто историческими, не являющимися эстетическими ценностями (они являются фактами истории) и произведениями эстетически ценными (на которых история литературы основана). С точки зрения композиции "Исторический обзор", в котором Ляцкий тематически продолжает тенденции своих ранних работ по истории русской литературы, содержит 41 главу с примечаниями и именованным указателем (произведение кончается изложением творчества Г.Р. Державина). Кратко и сжато автор характеризует литературные направления на фоне общественной жизни.

³ Ляцкий выступал с критическими замечаниями [30] на цикл статей Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева [31]. Свое мнение о трудах Ляцкого Якобсон изложил в некрологе ученого [32].

В эти рамки вставляются портреты отдельных писателей с интерпретациями их текстов (отдельные главы насчитывают не больше 15 страниц).

Как в пределах русской литературы и русского литературоведения, так и в более широком контексте общей литературоведческой методологии, произведение Е. Ляцкого сохраняет свою непреходящую ценность как источник вдохновения. Будущие поколения, возможно, найдут в нем новые импульсы, которые для нас пока остаются закрытыми или неясными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (sborník studií 1). Praha 1993.
2. *Dolanský J.* Evgenij Alexandrovič Ljackij. Ročenka Slovanského ústavu, sv. XII. Za léta 1939–1946. Praha, 1947. S. 184–187; Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Praha, 1972. S. 284–285; *Otonová E.* Письма Ремизова к Е.А. Ляцкому (1925–1937) // *Rossica I.* 1996. № 2. S. 143–158.
3. *Vinařova M.* Jevgenij Alexandrovič Ljackij (1868–1942). Edice inventářů. № 278. Praha, 1976.
4. *Ляцкий Е.* Тундра. Роман из беженской жизни. Прага, 1925.
5. Русь страждущая. Стихи народные о любви и скорби. Венец многоцветный. Стокгольм, 1920.
6. *Ljackij E., Smetánka E.* Praktická učebnice jazyka ruského. Praha, 1936.
7. *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Část I. Staré ruské písemnictví (XI–XVII stol.). Praha, 1937.
8. *Ляцкий Е.А.* Роман и жизнь. Развитие творческой личности И.А. Гончарова. Жизнь и быт. Прага, 1925.
9. *Эйхенбаум Б.* Сквозь литературу. Сборник статей. Л., 1924.
10. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
11. *Wellek R., Warren A.* Theory of Literature. New York, 1942; *Wellek R., Warren A.* Theorie literatury. Olomouc, 1996; *Pospíšil I., Zelenka M.* René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996.
12. *Ляцкий Е.А.* Толстой и природа // Л.Н. Толстой. Praha, 1929. С. 98.
13. *Helmuth-Brauner V.* Žofia Pohorecká (1877–1963). Edice inventářů. № 95. Praha, 1965; *Doležal Ja.* Za Žofii Pohoreckou-Šebkovou // *Slovanský přehled.* 1964. № 2. S. 127.
14. *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Č. I. Staré ruské písemnictví (XI–XVII stol.). Praha, 1937. S. 5, 6, 7.
15. *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980; *Pospíšil I.* Syntetická metodologia Apollona Grigorjeva // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity.* D. 36–37. 1989–1990. S. 57–66.
16. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976; *Pospíšil I.* Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století. Studie – texty. Praha, 1988.
17. *Stín A.G.* Historie literatury ruské dle А.М. Скабичевského a jiných literárních historikův. Šašek a Frgal, Velké Meziříčí 1893; *Pospíšil I.* Srdce literatury: А.А. Vrzal. Brno, 1993.
18. *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М., 1938; *Early Russian Literature.* New York, 1949.
19. *Лухачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
20. *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода XI–XIII вв. Пг., 1922; *Орлов А.С.* Древняя русская литература XI–XVII вв. М.; Л., 1937; *Переврзев В.* Литература древней Руси. М., 1971; *Fennel J., Stokes A.* Early Russian Literature. Berkeley, 1974; *Лухачев Д.С.* Литература древней Руси в литературном процессе средневековья. М., 1980; *Picchio R.* Storia della letteratura russa antica. Milano, 1959.
21. *Đurđin D.* Teória medziliterárneho procesu. I. Bratislava, 1995; *Pospíšil I.* Mediteránní centrismus a ruská literatura. Universitas 1995. № 2. S. 14–19; *Pospíšil I.* Východoslavanské meziliterární centrismy na pozadí balkánských centrismů. Zborník Matice srpske za slavistiku. Beograd, 1994. № 46–47. S. 19–27; *Pospíšil I., Zelenka M.* Pojem a koncepcie světové literatury. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D. 42. 1995. S. 103–112; *Pospíšil I., Zelenka M.*

- Meziliterární společenství – meziliterátnost – meziliterární centrismy – světová literatura (Ke koncepci Ďurišinoва týmu). *Opera Slavica*. 1997, № 1. S. 13–21; *Dorovský I.* Balkán a Mediterán. Masarykova univerzita. Brno, 1997.
22. *Běhounek V.* Nejstarší ruská literatura. *Právo lidu*. 1937. № 231. S. 4, 1. 10.
23. *Čapek St., Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Č. I. Nové Čechy. 19. 1936. S. 261–262.
24. *Páta J.* Historický přehled ruské literatury od prof. Evžena Ljackého // *Národní listy*. 1937. № 170. 22.VI. S. 5.
25. *Hostovský J.* Evžen Ljackij. Historický přehled ruské literatury. Č. I. Slovanský přehled 30. 1937. S. 342–344; [рец.]: *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Česká osvěta, 1936–1937. № 8. S. 309.
26. *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Č. II. Ruské písemnictví osmnáctého století. Praha, 1941. S. 5–6.
27. *Гуковский Г.* История русской литературы XVIII в. М., 1939; *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1945; *Brown W.* A History of Eighteenth-Century Russian Literature. Ann Arbor, 1980.
28. *Osemnáste storočie v ruskej literatúre*. Bratislava, 1996.
29. *Pospíšil I.* *Slavia*. 1997. № 1. S. 111–113.
30. *Ляцкий Е.* По поводу одного примечания // *Slavia*. 1922–1923. № 3. S. 636.
31. *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за гг. 1914–1921 // *Slavia*. 1922–1923. № 1. S. 171–184; № 2–3. S. 457–469; № 4. S. 626–634.
32. *Jacobson R.* E.A. Ljackij. *Annuaire de l'Institute de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. VII. 1944. New York. P. 530.
33. *Swift G.* *Země vod*. Praha, 1993; *Одиссей*. 1995. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995.

© 1998 г. *НОВОПАШИН Ю.С.*

ПРЕБЫВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1989–1990 годов

Еще совсем недалекой историей являются события ноября–декабря 1989 г., в результате которых восточноевропейский пояс так называемых социалистических государств практически перестал существовать. Ведь только на излете прошлого десятилетия подошла к своему завершению послевоенная эпоха коммунистического правления – страны региона вступили в начале 90-х годов на путь перехода к демократическим формам экономической и всей общественной жизни. Этот переход оказался весьма непростым, более длительным, чем предполагалось вначале; и его десятилетние итоги, подведение которых уже не за горами, отнюдь не у всех вызовут безусловное одобрение. Но одно несомненно: при большом разбросе мнений о деятельности право- и левоцентристских посткоммунистических кабинетов немного найдется охотников вернуться во времена "реального социализма", какую бы страну Центральной и Юго-Восточной Европы ни взять в качестве примера.

Чем же процесс "социалистического строительства" на старом континенте так отвлечен от себя восточноевропейских жителей, что весьма немногие из них испытывают чувство сожаления по тем временам? Конечно, здесь следует иметь в виду совокупность самых различных предпосылок, среди которых далеко не последнюю роль сыграл, как представляется, внешний (советский) фактор. Так уж сложилось послевоенное развитие Европы, что ее центральная и юго-восточная части оказались тесно связаны с СССР, попали в результате ялтинских и потсдамских соглашений под большевистский политический и экономический контроль. Хорошо это было в то время или плохо, можно спорить и даже сейчас не найти однозначного ответа. Но речь в данном случае не о субъективных оценках, а об объективной реальности, детерминированной победой советского народа в смертельной схватке с фашистской Германией. Суть вопроса, следовательно, не в самом праве контроля, которое у руководителей СССР никто не оспаривал, как не подвергалось сомнению это право по отношению к западной части Европы и у наших главных союзников по антигитлеровской коалиции – США и Англии. Суть вопроса скорее в выборе методов этого контроля, тех форм международных связей, которые постепенно низвели восточноевропейцев до униженного положения сателлитов Кремля, тогда как с западноевропейскими партнерами американцев и англичан этого по большому счету все же не произошло.

Сателлитизм в качестве формы межгосударственного взаимодействия – опасная вещь для центра притяжения: с одной стороны, полное вроде бы послушание, посто-

янное следование контролируемых стран в фарватере великодержавной политики всеильного патрона; с другой – подспудно зреющее недовольство общественности этих стран и неуклонно сокращающаяся поддержка народными массами представителей национальной властной элиты как очевидных "агентов внешнего влияния". Разумеется, вышеупомянутые обстоятельства не единственные, способствовавшие краху в конце 80-х годов "реальной социализма", но они, безусловно, в числе основных предпосылок возникновения той по существу революционной ситуации в регионе, когда от восточноевропейской коммунистической номенклатуры отвернулись не какие-то отдельные социальные группы и слои, а все население.

И десятилетие назад, и подчас еще сегодня этот феномен абсолютного отчуждения "трудового люда" от своих марксистско-ленинских "поводырей" трактуется в качестве неожиданного, не вытекавшего будто бы из социологической картины тогдашнего не особо бедствовавшего общества. Разумеется, если в представлениях о подобной картине отталкиваться от того ее варианта, который именуется официозом, можно говорить и о неожиданностях. Однако официоз – отнюдь не копия действительности, а всегда сильно подрумяненное, оптимистическое ее изображение, удобное для власти. Последняя же, как заметил один наш бытописатель кремлевских порядков, "всегда заблуждается относительно собственных сограждан, принимая за народ партию и административный аппарат" [1].

Главной силой, стоявшей в регионе на страже интересов СССР, прежде всего интересов противостояния военно-политической машине НАТО, а также главным инструментом контроля Москвы за внутренним развитием стран социалистического содружества были советские войска. Западная группа этих войск (ЗГВ), располагавшаяся с 1945 г. в Восточной Германии, состояла к концу 80-х годов из 550 тыс. солдат, офицеров, членов их семей и вольнонаемных; Центральная группа (ЦГВ), образованная после вторжения в Чехословакию, насчитывала к тому же временному рубежу 136,3 тыс.; Северная группа (СГВ), находившаяся в Польше, была равна 67 тыс., а Южная группа (ЮГВ), дислоцировавшаяся в Венгрии, – 65 тыс. человек. Если к этому прибавить еще 150-тысячную группу советских войск в Прибалтике, стратегически тесно связанную с "защитой завоеваний социализма" в восточноевропейском регионе, в первую очередь в Польше, то говорить надо о почти миллионной армаде, готовой по приказу вождей КПСС не только совершить фронтальный марш-бросок к Рейну, а затем к Ла-Маншу и опрокинуть внешних врагов социалистического содружества в воды Атлантики, но и провести массированную полицейско-карательную операцию в любом из союзных государств по подавлению "антисоветчиков" и других "внутренних противников нового строя".

Что касается внезапного нападения превосходящими танковыми и иными наступательными силами на места дислокации натовских боевых соединений, то с претворением в жизнь подобных самонадеянных, точнее, безумных планов послевоенной Европе столкнуться, слава богу, не довелось. Кстати, эти, с позволения сказать, стратегические планы стали достоянием средств массовой информации лишь в 1990 г., после объединения Германии и открытия служебных архивов бывшей Национальной народной армии ГДР (см., например, [2]). А вот полицейско-карательные операции в Восточной Германии (1953), Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) представляют собой уже не гипотетические, а вполне исторически реальные действия кремлевской партюкратии и советского воинства, на основании которых большинство жителей континента давно развело по разным полюсам коммунистический режим в любом его обличье и нормальные (демократические) структуры государственной и общественной жизни¹.

Однако отрицательное отношение к советским войскам, расквартированным в послевоенный период за западными рубежами СССР, сложилось не только в результате

---

¹ В содержательном плане упомянутые полицейско-карательные операции затрагиваются в ряде отечественных изданий последних лет [3].

их полицейско-карательных "подвигов" в упомянутых восточноевропейских странах. Само это расквартирование, сопряженное с занятием под нужды той или иной группировки огромных территорий (аэродромы, артиллерийские полигоны, танкодромы, учебные поля для пехоты, склады вооружений, горюче-смазочных материалов и т.п.), большого энтузиазма не вызывало с самого начала, а со временем приобрело характер устойчивого и массового недоброжелательства. Ведь из народнохозяйственного оборота на долгие десятилетия были изъяты многие тысячи гектаров пахотных земель, других сельхозугодий, обширные лесные массивы, не говоря уже о закрытых военных поселениях (расположениях, по гарнизонно-уставной терминологии), находившихся, как правило, в окраинных районах ряда крупных (если не всех) и средней величины городов страны пребывания, и присутствии в этих городах всевозможных штабов, автобатов, госпиталей, спецподразделений армейской контрразведки, ГРУ, КГБ и прочих разведывательно-силовых служб.

Кое-что советские особы пытались засекретить, маскировать, так сказать, от аборигенов, нередко делая это неуклюже, а то и просто по-смешному. Автору этих строк, жившему и работавшему в 1972–1974 гг. в Праге, было, например, известно, что офицерам и прапорщикам из ближайшего к столице ЧССР большого советского гарнизона в г. Миловице рекомендовалось Политуправлением ЦГВ появляться в пражских магазинах и прочих местах по своим личным делам только в гражданской одежде, дабы своей формой не мозолить глаза местным жителям и не усиливать тем самым у последних настроения негативизма в отношении советских военнослужащих. Эта рекомендация не распространялась лишь на старших офицеров, т.е. полковников и генералов, которые, к слову, пешком-то по Праге вряд ли часто и ходили...

Подобного рода "рекомендациями" и иными уловками Политуправление, армейская контрразведка и КГБ СССР могли сколько угодно донимать солдат и офицеров, но, допустим, для польского общества не было секрета в том, что СГВ, стоявшая в стране с 1945 по 1993 гг., располагалась в 15 воеводствах, была оснащена 605 танками, 450 орудиями и мортирами, а военная авиация насчитывала 220 боевых самолетов и 85 ударных вертолетов. Средства массовой информации сообщали и о том, что Северная группа имела в Польше 8100 военных объектов, занимавших территорию в 70 тыс. гектаров, включая, в частности, 13 аэродромов, 4 полигона, 64 км железнодорожных путей, 1200 жилых домов и около 2500 зданий, приспособленных под казармы.

В Чехословакии – месте нахождения с 21 августа 1968 г. по 19 июня 1991 г. ЦГВ – последняя в 67 населенных пунктах Чехии и в 16 городах и селах Словакии располагала 5900 военными объектами. На их территории дислоцировались 1120 танков, 2505 боевых машин пехоты, 1218 крупнокалиберных артиллерийских орудий, 103 самолета и 173 ударных вертолета. На этих объектах, охватывавших порядка 85 тыс. гектаров земли, находились 73500 советских солдат срочной службы, 18500 офицеров, 44300 гражданских специалистов и членов семей военнослужащих. Данные сведения тоже известны, они вошли уже в Чешской и Словацкой республиках в школьные учебники; только специалисты российского Министерства обороны все еще пребывают в глубоком раздумье, что из всего поименованного сообщить нашей читающей публике и как это сделать поделикатнее и побезболезненнее (для родного ведомства).

Нет, видимо, необходимости приводить аналогичные польским данные о ЮГВ, которая была сформирована в основном из частей и соединений, введенных в Венгрию для подавления антисталинистского народного восстания. Поскольку венгерская армия в годы второй мировой войны до конца сражалась на стороне гитлеровцев, советские вооруженные силы взяли штурмом Будапешт и отвоевывали другие города этой страны как укрепленные противника, оставляя в них свои гарнизоны на правах оккупационных войск. Правда, венгры считали, что с подписанием 15 мая 1955 г. договора между СССР и Австрией и выводом из этой страны подразделений советской армии воинские гарнизоны СССР прекратят свое существование и на их территории, на

которой они находились согласно советско-венгерскому мирному договору от 10 февраля 1947 г. и Варшавскому пакту от 14 мая 1955 г. с целью обеспечения транспортных коммуникаций с Группой советских войск в Австрии. Однако воинские соединения Советского Союза (в виде Особого корпуса под командованием генерал-лейтенанта П.А. Лашенко) в Венгрии остались, и стало ясно, как справедливо отмечает А.М. Кыров, "что они находятся для поддержания просоветского коммунистического режима и что на пути демократических преобразований общество неизбежно столкнется с проблемой их полицейских, охранительно-карательных функций" [4. С. 107–108].

Когда осенью 1956 г. этот режим зашатался под напором восставшего народа, партийная и военная верхушка СССР отдала приказ о вооруженном вторжении в ВНР. На подавление венгерских повстанцев бросили 17 боевых дивизий, из них: механизированных – 8, танковых – 1, стрелковых – 2, зенитно-артиллерийских – 2, авиационных – 2, воздушно-десантных – 2 [4. С. 124]. И пусть не все, но достаточно многие среди венгерского населения уже и тогда понимали, что советские солдаты и офицеры, оказавшиеся по воле начальства втянутыми в эту преступную авантюру, обеспечивали на земле оккупированной Венгрии отнюдь не национально-государственные интересы своего Отечества, а только интересы коммуно-большевистской номенклатуры, ее геополитические и стратегические претензии по предотвращению утраты контроля над восточноевропейским союзником по Варшавскому блоку, по подавлению народного восстания против сталинистско-ракошистского произвола, сохранению тоталитарного режима и креатуры Кремля. Нечего и говорить, что к концу 80-х – началу 90-х годов данная позиция стала в Венгрии абсолютно преобладающей. Поэтому практически сразу же, как только весной 1990 г. местные коммунисты в результате проигранных демократической оппозиции парламентских выборов лишились власти, Л. Фюр, министр обороны в правоцентристском кабинете Й. Анталла, заявил 8 июня, что его страна к концу следующего, 1991 г. намерена выйти из Организации Варшавского Договора (ОВД), в связи с чем она уже в текущем году не будет участвовать в военных учениях блока [5].

1990 год знаменателен не только этой венгерской инициативой, хотя она весьма симптоматична, ибо свидетельствовала, что новое руководство видит в расквартированных у себя воинских контингентах СССР не какой-то там "противовес НАТО", а главным образом жандарма, надсмотрщика за внутренним развитием страны, ограничивающего ее суверенитет. Но решающим ударом по созданной Советским Союзом военно-политической системе стало объединение в октябре 1990 г. Германии на базе западногерманской гражданско-правовой и экономической юрисдикции, что означало ликвидацию ГДР как "передового бастиона" нового строя. А ведь именно этот бастион "реального социализма" концентрировал в своих пределах самое большое количество советских войск, располагавших на восточногерманской территории 1026 объектами недвижимости, на которых дислоцировались свыше 4000 танков, 1500 боевых самолетов и ударных вертолетов, многие тысячи единиц других наступательных вооружений (БМП, артиллерийские и ракетные системы), 700 тыс. тонн боеприпасов и т.п.

К моменту объединения Германии и изменения в ее восточной части территориально-административной структуры, т.е. образования, вместо 14 округов, федеральных земель Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония-Анхальт, Саксония и Тюрингия, советские войска присутствовали во всех этих новых землях. Львиная их доля приходилась на федеральную землю Бранденбург, где всевозможные части и соединения вооруженных сил СССР распоряжались территорией в 120 тыс. гектаров. Из них 96 тыс. занимали преимущественно лесные массивы, в пределах которых функционировали многочисленные стрельбища и танкодromы, охватывавшие в целом до 75% этих лесных угодий. Только одна тысяча гектаров советской армейской недвижимости находилась в черте населенных пунктов земли Бранденбург.

В Мекленбурге-Передней Померании армейские части СССР использовали объекты площадью 14,8 тыс. гектаров, в Саксонии-Анхальт – 87 тыс., Саксонии – 18 тыс. и

Тюрингии – 17 тыс. гектаров. Ни с военно-политической, ни с народнохозяйственной точек зрения ФРГ не собиралась, конечно, сохранять на своей территории этот вооруженный до зубов "передовой бастион" чуждой ей системы, а посему на переговорах по объединению Германии М.С. Горбачев с Г. Колем последний и стремился во что бы то ни стало заручиться согласием советского лидера вернуть домой свою более чем полумиллионную армию (22 дивизии) и тем подвести, так сказать, окончательную черту под второй мировой войной и разделением европейских стран на победителей и побежденных.

Поскольку же эта группировка советских войск составляла костяк вооруженных сил ОВД, то согласие на ее упразднение было равнозначно согласию на упразднение всей организации, а следовательно, и вообще "реального социализма" на европейской земле. Известно, что М.С. Горбачев поставил осенью 1990 г. свою подпись под документом о выводе советских войск из Германии и ускоренных сроках этого вывода (за 1991–1994 гг.), получив взамен немалые, надо сказать, кредиты от правительства ФРГ на строительство жилья для офицеров и прапорщиков бывшей ЗГВ. Данный шаг сразу же подвергся и до сих пор подвергается ожесточенной критике со стороны коммуно-патриотической оппозиции "прорабам перестройки". Хотя советскому руководству, которое объявило к тому времени о приоритете в своей политике общечеловеческих ценностей над классово-коммунистическими, не оставалось, думается, ничего другого, как согласиться на переговоры об условиях и сроках вывода собственных войск с территории ряда европейских стран, включая и обретшие в начале 90-х годов национально-государственную независимость страны Балтии.

Поступи тогдашние партийные реформаторы (М.С. Горбачев, В.А. Медведев, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев) иначе, немедленно обнаружилась бы зияющая пропасть между их заявлениями о новом политическом мышлении в международных делах и продолжающейся большевистской, по существу, практикой опоры прежде всего и главным образом на грубую военную силу. Не говоря уже об общественном мнении западных стран, восточноевропейская часть континента превратилась бы тогда для нас в сплошную враждебную среду, для развития взаимных связей с которой до сих пор не было бы, наверное, никакой политико-юридической основы, подобной подписанным Россией в первой половине 90-х годов рамочным договорам о дружественном и добрососедском сотрудничестве с Болгарией, Венгрией, Польшей, Чехией, Словакией и др.

Стоит, видимо, напомнить, что не только канцлер ФРГ Г. Коль на переговорах 1990 г. ставил во главу угла положительное решение вопроса о выводе с немецкой земли войск СССР. Едва ли не первым этот же вопрос подняли при налаживании своих контактов с советской стороной в конце прошлого десятилетия и новые, некоммунистические власти Венгрии, Польши и ЧСФР. Так, при подготовке упомянутого выше рамочного договора с Россией президент РП Л. Валенса особо подчеркнул во время встречи с министром обороны РФ П.С. Грачевым в Варшаве весной 1992 г., что "прояснение всех спорных вопросов, включая в первую очередь вывод из Польши бывших советских войск, является условием установления на новой основе польско-российских отношений" [6].

Кстати, проблема развития польско-российских отношений на новой основе обрела характер коренной и острейшей сразу же по сформировании в сентябре 1989 г. первого за послевоенное время некоммунистического кабинета во главе с Т. Мазовецким. В частности, весной 1990 г. этот кабинет принял решение о подготовке межправительственного соглашения, отменяющего льготы и привилегии, которыми, как и Войско Польское, пользовались, зачастую явочным порядком, подразделения СГВ. Хотя советские войска на территории Польши не считались оккупационными, но за свое многолетнее пребывание на земле союзнического государства никогда не платили ни гроша. Правда, в первое десятилетие после войны не существовало даже политико-юридической основы, опираясь на которую можно было бы заводить речь об арендной плате. Соответствующее соглашение между ПНР и СССР о дислокации советских

войск на польской территории, их численности в границах 62–66 тыс. человек, перечне эксплуатируемых ими объектов недвижимости и установлении на договорных началах платы за эту эксплуатацию появилось только в ноябре 1956 г. Но поскольку Войско Польское от арендных выплат в госказну было освобождено, на эту статью межгосударственного соглашения советские военачальники, по меткому замечанию одного публициста, "смотрели, прищулив глаза" [7]. Проще говоря, тоже полагали себя освобожденными от подобных выплат, а коммунистические власти Польши предпочитали не педалировать этот щекотливый вопрос.

Однако в конце 80-х – начале 90-х годов все изменилось. Рыночная экономика уже громко стучалась в ворота наших воинских частей. В рамках подготовки упомянутого нового межправительственного соглашения подсчитанным оказалось, пожалуй, все, что поддается переводу на "живые" деньги. С точностью до гектара польская общественность узнала не просто общий размер площадей, переданных СГВ, но и сколько в распоряжении советских частей лугов, пастбищ, пахотных земель, лесов, вод... На учет была взята каждая офицерская квартира, которая попадала в очередь "за выездом", суммированы даже потери от неиспользования территорий, закрепленных за подразделениями СГВ в период 1956–1990 гг.

В межправительственном соглашении от августа 1990 г. при определении статуса советских войск был сделан акцент на прилагательном "иностранные". А иностранные войска – хотя и союзнические, т.е. американские и английские, – располагающиеся на территории ФРГ, Бельгии, Голландии и некоторых других западноевропейских стран, платят за каждый квадратный метр занимаемой ими площади, как и за эксплуатацию различных объектов, взяв на себя еще и ответственность за охрану окружающей среды. Подобные обязанности были прописаны в рассматриваемом соглашении и для СГВ в качестве новых принципов межгосударственного взаимодействия, вступающих в силу с 1 января 1991 г.

Однако 1991 г. стал далеко не самым благоприятным с точки зрения финансирования советской, а затем российской армии, включая и СГВ, да к тому же кабинетом Т. Мазовецкого был поставлен вопрос о выводе с польской территории в предстоящие три года (1991–1993) этой группировки, так что она никаких платежей почти не производила, как не занималась рекультивацией разбитых тяжелой техникой бывших сельхозугодий, очисткой загрязненной горюче-смазочными материалами почвы и тому подобными договорными обязательствами по охране окружающей среды. По словам на пресс-конференции 9 марта 1993 г. уполномоченного польского правительства по вопросам пребывания войск Российской Федерации генерала бригады Зд. Островского, "начиная с 1991 г., нам заплатили лишь 2 тыс. долларов за аренду" [8]. Что и говорить, если эту сумму и можно считать арендной платой за пребывание в Польше российской группировки, то, конечно, чисто символически.

В общем такая же картина предстанет перед нами, если обратиться к государствам, где дислоцировались другие советские группировки. Везде они вели себя как оккупационная армия, т.е. ко всему относились чисто потребительски, ничего за свое нахождение на чужих территориях не платили, на традиции и законы страны пребывания смотрели, "прищулив глаза". Были, наверное, люди и в генеральских мундирах, которые понимали, что так не может продолжаться бесконечно, что следует присмотреться к опыту западной части континента, где иная модель взаимоотношений иностранных войск с руководством и населением страны пребывания, такая модель, которая в конечном счете делает эти взаимоотношения конструктивными, а не деструктивными, какими они все более проявляли себя в восточноевропейском регионе. Однако при коммунистических порядках, в условиях абсолютного господства конфронтационной идеологии таких людей никто не слышал, если они пытались даже не говорить, а кричать. Тем более, что армейский консерватизм опирался на консерватизм политических инстанций и дополнялся им.

Один, как представляется, из наиболее вдумчивых генералов-разведчиков, Л.В. Шебаршин, вспоминает, что, будучи в мае 1989 г. в Праге, встретился с послом

СССР в Чехословакии В.П. Ломакиным. "Беседа, – пишет он в своих мемуарах, – была неудачной. Бывший секретарь Приморского крайкома КПСС не мог объективно оценить перспективу развития событий в ЧССР, ориентировался на "твердых марксистов-ленинцев" в руководстве КПЧ и не одобрял чужих мнений" [9. С. 217]. Следует в этой связи, наверное, подчеркнуть тот факт, закономерный для кадровой политики ЦК КПСС (а для внешнеполитической линии СССР просто убийственный), что и в других государствах "социалистического содружества" в те поистине переломные месяцы 1989 г. возглавляли посольства не так называемые карьерные дипломаты, а бывшие партийно-хозяйственные и комсомольские работники: В.В. Шарапов в НРБ; В.И. Кочемасов в ГДР; Б.И. Стукалин в ВНР; В.И. Бровиков в ПНР; Е.М. Тяжелников в СРР. Первые по своему профессиональному образованию были хотя бы знакомы с историей страны назначения, а также владели, как правило, языком ее жителей, тогда как вторые в большинстве случаев ничего толком не знали, но зато хорошо исполняли роль наместника державы-гегемона, т.е. умели раздавать направо и налево "руководящие указания" да проявлять свою "марксистско-ленинскую твердость", прежде всего в безапелляционном отрицании чужих и "незрелых" мнений.

Что же касается армейских чинов, то тут безапелляционность, нетерпимость к чужим мнениям просто-таки хлестала через край. И если в целом советская политика, как замечает Л.В. Шебаршин, "никогда не считалась со своими малыми союзниками", то военные, так сказать, в частности и в особенности, "не помогали и советовали, а командовали, переносили свои порядки – обращение на "ты", стучание кулаком по столу, матерную брань – в интернациональную сферу..." [9. С. 171, 185]. Ясно, что такого рода "интернациональная миссия" вооруженных сил СССР только подрывала к ним остатки всякого доверия как к братьям-союзникам, а о каком-либо уважении тут и говорить не приходится. Стоит ли после этого удивляться, что не нашлось в восточноевропейских странах никаких социальных групп или политических движений, которые выступили бы за продолжение на собственной территории "интернациональной миссии" советских, а затем российских войск? Всеобщая поддержка официальных требований об их выводе стала важным фактором изоляции в этих странах коммунистической реакции, преодоления мрачного тоталитарного прошлого.

Бывшие ответственные работники (прежде всего из ЦК КПСС, его секретариата и Политбюро, МИД СССР, Министерства обороны) являлись большими хитрецами и лицемерами: они сами старательно избегали в своих публичных заявлениях, докладах и статьях вопроса о пребывании армейских группировок Советского Союза на чужих территориях и другим не разрешали касаться подобной темы. Автор этих строк хорошо знаком с соответствующей научной и публицистической продукцией, занимаясь восточноевропейским регионом три с половиной десятилетия. А между тем затянувшееся на целых 49 послевоенных лет пребывание советских войск в Восточной Германии, на 48 – в Польше, на 46 – в Венгрии, на 23 – в Чехии и Словакии представляет далеко не последнюю спицу в том "красном колесе" (используя терминологию А.И. Солженицына), которое прокатилось за послевоенный период по восточноевропейскому региону, подминая под себя не только многие десятки тысяч ни в чем не повинных людей, но и все институты и горизонтальные связи гражданского общества, оставляя позади лишь пустыню государственно-тоталитарного единобразия.

Нетрудно объяснить, почему власть предрежащие так поступали: именно военизированный кулак (армия, КГБ, ГРУ) играл главную роль в механизме сохранения в регионе советского политического и госконтроля, и именно этот непреложный факт "товарищи" пытались скрыть или хотя бы как-то завуалировать. Мало кто сейчас помнит наукообразную по форме, пропагандистскую по содержанию литературу прошлых десятилетий, которая была призвана решить эту маскировочную, так сказать, задачу (хотя каждый автор в отдельности так свое предназначение вряд ли понимал). Немало было исписано страниц о торжестве марксистско-ленинских идей на европейской земле, претворенных в великие социалистические свершения индустриализации,

коллективизации и культурной революции. Немало говорилось о том сверхпрочном интернациональном "цементе", который навечно скрепил народы СССР с народами восточноевропейских стран социализма. Немало появилось книг, брошюр и статей о Совете Экономической Взаимопомощи и ОВД как многосторонних организациях нового типа, по определению отрицающих в своем развитии какой-либо гегемонизм, элементы неравноправия и т.п. А то, что если на твоей территории многие годы стоит армия другой страны и ты именно по определению не можешь быть с последней полностью равноправным, что в таком случае сохраняется возможность не только контроля, но при необходимости и диктата, – никогда и нигде не упоминалось.

Можно здесь предвидеть реплику: мол, сказанное относится не только к советским (российским) войскам, но и к американскому контингенту в Европе. Да, в какой-то степени, несомненно, относится. К примеру, пока костяк вооруженных сил НАТО на Европейском континенте составляют американские боевые соединения, вряд ли США согласятся на ротацию поста главнокомандующего этими силами, который с момента подписания Североатлантического договора занимают лишь их генералы. (Заметим в скобках, что со сходным предложением на Будапештском (1969) совещании Политического консультативного комитета выступал такой известный "поборник демократизации" ОВД, как румынский лидер Н. Чаушеску. Но не только делегацией СССР, а и всеми остальными его предложение было отвергнуто.)

С точки зрения формальной демократии известный элемент неравноправия тут налицо. Однако, что касается американцев, они давно уже урегулировали все политико-юридические и административно-хозяйственные вопросы, касающиеся нахождения их войск на территории европейских стран. Никто в настоящее время не считает эти войска оккупационными. Они исправно, как упоминалось выше, платят за аренду земельных участков, эксплуатацию объектов недвижимости и т.д. Органы местного самоуправления заинтересованы в стабильных рабочих местах, которые предоставляют населению американские базы.

В конгрессе США не первый год ставится вопрос об уменьшении численности военнослужащих, находящихся за рубежом. Теперешняя 100-тысячная группировка, расквартированная в Европе, тоже рассматривается как обременительная для госбюджета. Но против ее дальнейшего сокращения выступают сами европейцы, взывая к союзническому долгу заокеанского партнера. А в ответ слышится, например, голос П. Бьюкенена, призывающего соотечественников в статье "Кто потерял Россию?" проснуться и посмотреть на европейцев без розовых очков. "Все наши союзники по НАТО, – пишет он, – сократили численность своих вооруженных сил. Они больше похожи на иждивенцев, чем на союзников, и ведут себя как иждивенцы, решая, когда и в чем поддержать имперскую патронессу" [10]. Ему вторит Зб. Бжезинский, по мнению которого "до сих пор Америка и Европа были равноправными партнерами только на словах. Для действительного равенства нужно, чтобы Европа организовалась в надежных структурах и взяла на себя больше ответственности и материального бремени в области безопасности" (цит. по [11]).

Так что там тоже хватает проблем и раздаются, порой, упреки в иждивенчестве, неравноправии, но они все же принципиально иного плана, чем, допустим, заявление бывшего венгерского премьер-министра Й. Анталла. Подводя осенью 1992 г. итоги двухлетнего функционирования своего кабинета, он отметил в телеинтервью, что "сформированное на основе Венгерского демократического форума (ВДФ) правительство приступило к работе в условиях советской оккупации. Венгрия являлась членом политических и военных структур Организации Варшавского Договора, входила в СЭВ. Сегодня же в Венгрии нет иностранных войск (выведены в 1991 г. – Ю.Н.), страна стала ассоциированным членом Европейского сообщества" [12].

Разумеется, восточноевропейцы не слепы и не глухи: пользуясь информацией о деятельности НАТО и ОВД, они делали сравнение не в пользу последней. Ибо нельзя отрицать очевидное – участники Североатлантического пакта ни разу за почти 50-летнее его существование не вмешались с помощью силы во внутренние дела друг

друга. В послевоенное время ни американские, ни английские войска не проливали кровь в тех европейских странах, где они дислоцировались.

Не слепы и не глухи восточноевропейцы и к реальности социально-экономического развития. Здесь все сравнения тоже были в пользу Европейского сообщества (Союза), а не СЭВ. "В то время как коммунистическая пропаганда беспрерывно твердила о неизбежном и скором распаде Сообщества, – писал в статье "Польша перед лицом изменений в Европейском сообществе" К. Скубишевский, министр иностранных дел в кабинете Т. Мазовецкого, – поляки с глубоким удовлетворением отмечали его динамизм и переход ко все более прогрессивным формам политической и экономической интеграции. Они высоко ценили тот факт, что самим своим существованием ЕС оказывает глубокое подрывное влияние на мировое коммунистическое движение и советский блок" [13].

В самом деле, трудно было коммунистическим властям убедить свою "паству" в преимуществах международного социалистического разделения труда, если люди узнавали, что рабочий в ФРГ получает 25 долл. в час, в Японии – 16,5, в США и Франции – 15,5, в Великобритании – 13, тогда как в Польше – только 2 долл., а в Чешской Республике и того меньше – 1,6 доллара [14].

Предметом специального рассмотрения народнохозяйственная проблематика здесь не является, но и без ее детального анализа ясно, что неуспех на этом поприще "реального социализма", полное его поражение в социально-экономическом соревновании с Западом – одна из важнейших, если не самая главная причина революционных событий 1989–1990 гг. В начале материала автор обмолвился, что для многих, дескать, упомянутые события стали неожиданными, ибо восточноевропейское общество не особо бедствовало: разрухи, подобной послевоенной, не было, никто в лохмотьях не ходил и с голода не умирал. Но "не хлебом единым жив человек". Именно эту библейскую истину автор и стремился проиллюстрировать содержанием данной статьи.

Разумеется, обширная и недостаточно исследованная тема роли советского фактора, вооруженных сил СССР в том числе, как в становлении и развитии "реального социализма", так и в его сокрушительном поражении на европейской земле никак не может быть исчерпана в одной или нескольких публикациях. Для рассмотрения в данном случае был взят лишь один аспект, еще почти не затрагиваемый отечественным обществоведением, – длительное пребывание вооруженных группировок Советского Союза в послевоенной Восточной Европе, которое сыграло роль своеобразного негативного психологического раздражителя для народов этого региона, явилось немаловажной предпосылкой антикоммунистических революционных событий 1989–1990 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попцов О.* Хроника времен "Царя Бориса". М., 1996. С. 227.
2. *Бангерский А.* Западная Европа шокирована планами нападения на нее армий Варшавского договора // Независимая газета. 1991. 8 VIII; *Гук С.* Несостоявшийся маршбросок к Атлантике // Известия. 1992. 22 II.
3. "Восточноевропейский социализм": становление режима, попытки его модернизации, причины краха. М., 1992; Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993; Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993; Советская политика в годы "холодной войны" (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; *Кыров А.М.* Десантники в операции "Дунай". М., 1996; 1956. Осень в Будапеште. М., 1996; Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
4. *Кыров А.М.* Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
5. Венгрия и ОВД // Известия. 1990. 9 VI.
6. *Życie Warszawy.* 1992. 17 IV.

7. *Мастеров В.* "Прощание славянки" к западу от Буга // Московские новости. 1990. № 23. С. 12.
8. Мир и мы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1993. 9 III. С. 13.
9. *Шебаршин Л.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М., 1996.
10. The New York Post. 1998. 23 II.
11. *Минеев А.* Конференция "Америка и Европа: будущее отношений" // Пульс планеты (Вестник ИТАР–ТАСС). 1997. 24 II. С. 1.
12. *Жирнихин С.* Интервью Й. Анталла // Вести Европы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1992. 10 IV. С. 13.
13. Le Monde. 1992. 22 V.
14. *Shlaes A.* Germany's chained economy // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. N 5. P. 112.

© 1998 г.

ГРИШИНА Р.П.

ЗАМЕТКИ О Е.З. ВОЛКОВЕ И ЕГО КНИГЕ "ХРИСТО БОТЕВ. НА ЗАРЕ БАЛКАНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОММУНИЗМА"

О дуализме внешней политики СССР начала – середины 1920-х годов написано немало. Подчеркнем, что дуализм выражался не в различии линий Коммунистического Интернационала, с одной стороны, и НКИД, с другой стороны, как пишут некоторые авторы, а в отсутствии концептуального единства взгляда на область внешней политики в руководстве РКП(б) в целом, в сосуществовании в нем таких политических идей, как идея мировой революции и идея выживания страны в капиталистическом окружении. При этом источник всех мероприятий по реализации и той, и другой идеи был один и тот же – Политбюро ЦК РКП(б). С параллелизмом принимавшихся в этом органе решений связано то обстоятельство, что одновременно с официальной внешней политикой СССР, нацеленной на дипломатическое признание Советской России буржуазными государствами, выстраивалась "подпольная", как называл ее Г.В. Чичерин, дипломатия, направленная на подрыв этих самых буржуазных государств изнутри, вплоть до "инициирования" в них революций. Подобная "двуединая" политика воплощалась и в отношениях СССР с балканскими государствами, в том числе с Болгарией, что нашло отражение в ряде документов эпохи.

К ним можно отнести письмо заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова от 9 июня 1923 г. "Коллегия, – говорится в нем, – постановила включить в болгарскую миссию (Российского общества Красного креста (РОКК). – Р.Г.) в качестве главы т. Волкова", он будет нашим дипломатическим агентом, оставаясь для внешнего мира уполномоченным по репатриации русских беженцев, "ибо открытого официального соглашения с Болгарией об обмене дипломатическими представительствами у нас еще нет" [1. Л. 5]. Письмо направлялось заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту.

Неясность процедуры выдвижения Е.З. Волкова подтверждается письмом последнего от 22 июня 1923 г. непосредственно к наркому Г.В. Чичерину. "К своему величайшему изумлению, – писал Волков, – я узнал, что мое назначение коллегией в Болгарию явилось для Вас таким же сюрпризом, как и для меня", и просил адресата выразить свое мнение по этому поводу. Со своей стороны, Волков не скрывал желания поехать в Болгарию, где он, по его словам, известен широким кругам [1. Л. 6–6 об.].

Дело представлялось достаточно сложным не только из-за видимой несогласованности действий Литвинова и Чичерина (последний, по моим наблюдениям, принадлежал в то время к пылким сторонникам идеи мировой революции), но и из-за того, что с

назначением Волкова главой миссии РОКК в ней устанавливалось нечто вроде двоевластия: прежний ее глава, И.С. Корешков, работавший в Болгарии с 1922 г., не лишился полномочий, но неофициально теперь должен был перейти в подчинение к Волкову и заняться – на это обращал внимание Уншлихта Литвинов – "репатриацией по Вашим указаниям" [1. Л. 5]. Действительно, как следует из другого, более раннего документа, деятельность Корешкова лишь в незначительной части была связана с Российским обществом Красного креста, протекая главным образом по заданиям других ведомств [2]. Обязанности же Волкова предполагались скорее по дипломатической линии.

События, связанные с государственным переворотом 9 июня 1923 г., разоблачения новыми болгарскими властями непозволительного характера деятельности прежнего состава миссии РОКК, а возможно, и другие причины воспрепятствовали осуществлению готовившегося варианта. Но еще 4 июля Волков вновь обращался к Чичерину, указывая, что "надо во что бы то ни стало ускорить мой отъезд в Болгарию. Он до невозможности затягивается" [1. Л. 7 об.].

Но кто же такой Волков?

Как свидетельствуют справочники [3; 4], Евгений Захарович Волков (1885–1942) родился в Петербурге и прожил жизнь весьма насыщенную, богатую перемещениями и переездами, а также политическими впечатлениями. Став в молодые годы участником революционного движения, он избрал одну из самых левых его ипостасей. В 1905 г. участвовал в покушении на московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова; после побега из ссылки включился в деятельность террористических эсеровских групп (1906–1907). За этим последовала эмиграция: с 1907 по 1911 гг. он жил в Германии, где окончил Мюнхенский политехнический институт, затем, с 1911 по 1915 гг., – в Болгарии, куда приехал вместе с Ас. Златаровым, с которым сблизился в Германии, после экстернирования из Болгарии за пропаганду в пользу неучастия Болгарии в мировой войне – в Румынии (1915–1917).

Вернувшись в 1917 г. на родину, Волков занимал видные посты в украинской эсеровской партии ("боротьбистов"), после объявленного самороспуска которой вместе с частью ее членов вступил в РКП(б). В 1918–1942 гг. жил и работал в Киеве, Харькове, Москве, Ленинграде. Был сотрудником Госплана и других плановых и статистических органов, а также занимался преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях. В 1938 г. последовал арест Волкова, но в 1939 г. он был освобожден.

Литературная часть "послужного списка" Волкова весьма примечательна: при наличии нескольких публицистических материалов, в ней центральными являются такие работы как "Аграрно-экономическая статистика России. В итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних четырех лет (1865–1922)" (М., 1922); подобное же издание с учетом "практики последних пяти лет" (М.; Л., 1924); "Центрально-промышленная область (в границах Госплана) и ее административно-экономические округа. Опыт внутреннего административно-экономического районирования в его первом приближении" (М., 1922). Сам он вел переписку, по крайней мере в 1922–1923 гг., на личных бланках с указанием "Инженер-строитель Е.З. Волков".

На фоне естественных для инженера-строителя занятий загадочным кажется появление среди его авторских сочинений книги "Христо Ботев. На заре балканского революционного коммунизма" (М.; Пг., 1923). Что это – результат случайного хобби Волкова или значительнейший факт его биографии? Возможно, разгадка таится частично в содержании книги и в том значении, которое придавал ей сам Волков в письме к Чичерину, используя факт ее издания в Болгарии как дополнительный аргумент для его командирования в эту страну.

Монография Волкова посвящена проблемам формирования идеологии и практики болгарского революционного движения от Г.С. Раковского до Хр. Ботева, вплоть до его гибели в 1876 г. Материалы к ней автор собирал во время пребывания в Болгарии и Румынии и в 1921 г. представил свою работу на обсуждение в Историко-филоло-

гическое отделение Болгарской Академии наук. Не обладая специальным образованием, автор тем не менее настолько глубоко сумел проникнуть в тему, привлек так много новых фактов, предложил столько свежих идей, сравнений, гипотез, что оказался в состоянии полемизировать с профессионалами. Несомненным признанием последних его заслуг явилось первое издание книги Волкова в том же 1921 г. Болгарской Академией наук. Успех автора определялся не только его большим познавательным интересом к проблемам национально-освободительной борьбы на Балканах, но и попыткой осмысления опыта революционной борьбы конкретно через деятельность Хр. Ботева и связанных с ним людей, при учете, по моему убеждению, личного революционного опыта Волкова.

Отсюда специальное внимание Волкова к сюжетам, связанным с насыщением молодого болгарского национально-освободительного движения идеями бакунизма и нечаевщины, к проблемам крайнего революционаризма и политического терроризма.

Влияние М.А. Бакунина на болгарское революционное движение Волков считает весьма большим. По его мнению, в 1869 г. живший в Женеве Бакунин, на встрече с болгарскими делегатами не только отредактировал их программу, но даже лично написал ее окончательный вариант. Рекомендации Бакунина по техническим вопросам выражались формулой: деньги – оружие – восстание, причем Бакунин, как пишет автор, "даже выразил готовность прислать в Болгарию, в случае если в этом встретится надобность опытного специалиста для руководства восстанием" [5. С. 90]. И в качестве такого специалиста, замечает Волков, в Румынию, где сосредоточилась болгарская революционная эмиграция, едет С.Г. Нечаев. При этом автор не упускает случая упомянуть, что когда болгары вслед за рекомендациями Бакунина обратились за тем же к Мадзини, он, "высказав глубокое увлечение Бакуниным, нашел его идеи и советы нереальными и советовал больше внимания уделить разносторонней подготовке восстания, в том числе работе в массах" [5. С. 90–91].

Впервые Волковым в книге были предложены материалы о влиянии, которое оказал на Ботева Нечаев. Автор установил факт их совместного двухнедельного проживания в августе 1869 г. в румынском Браиле и выразил мнение, что эта встреча произвела сдвиг в психике Ботева и его мирозерцании. Если с идеями бакунизма Ботев "сталкивался и исповедовал их еще в Одессе", то Нечаев, пишет Волков, мог передать Ботеву свой волевой импульс к их воплощению в жизнь, "к соответствующему выправлению всей идеологии и революционной практики" Ботева, к подчинению им всей своей жизни делу перехода "от декретирования к революционному действию" [5. С. 125–126]. Нечаев же не мог не познакомить Ботева с Катехизисом революционера; Волков утверждает, что "параграфы Катехизиса, определяющие обязанности революционера к самому себе, нашли в дальнейшем полное отражение в жизни и деятельности Ботева" и той группы революционеров, в которую он входил [5. С. 126].

Перечисляя основные пункты Катехизиса (революционер – человек обреченный, все в нем поглощено одним интересом, одной страстью – революцией; он порвал все связи с гражданским порядком, с законами, приличиями, нравственностью этого мира; он знает только одну науку – науку разрушения; нравственно все, что служит делу революции, безнравственно все, что ей препятствует и т.д.), Волков подробно описывает деятельность Ботева, когда тот, всецело захваченный идеей намеченного на весну 1872 г. восстания, весь отдается подготовке чет и борьбе с саботажем "старых". Но автор показывает его и с малоизвестной стороны, когда Ботев «становится не только ярким проповедником "черного террора" и экспроприаций, но и организатором целого ряда последних в интересах изыскания средств на цели восстания» [5. С. 156]. В еще большей степени "авантюристическая жизнь" и "проделки" Ботева проявляются в Галаце, куда Ботев переезжает из-за полицейских преследований. Здесь, как отмечает Волков, он добровольно принимает на себя нищету, отрицает все личные чувства, все условности света, жаждет немедленной борьбы для осуществления социальных идеалов; его называют автором дерзких вымогательских писем, организатором

грабежей [5. С. 157]. На развитии такого типа деятельности сказывается влияние и Парижской коммуны: почти одновременно с событиями 1871 г. в Париже годовое собрание "Временного болгарского правительства" в Бухаресте под давлением главным образом В. Левского и его товарищей принимает постановление "сделать более революционной тактику и сломить сопротивление болгарских чорбаджиев признанием необходимости политического террора и экспроприаций" [5. С. 147].

Основная тональность авторского повествования – расположенность Волкова к главному герою, сопереживание с ним. Волков стремится увидеть Ботева с разных сторон, понять, как происходило его личностное становление, как складывалось и менялось его мировоззрение. Поскольку сама фактура темы была близка личному революционному опыту автора, Волков как бы пропускал историю жизни Ботева через самого себя, словно вновь испытывая наслаждение от ощущения романтической атмосферы споров революционеров, от присущего их деятельности привкуса авантюры и щекочущей нервы опасности жизни на нелегальном положении. Тем более щемящим оказывалось звучание заключительного аккорда книги: пессимизм в отношении социальной революции испытывает большинство ее действующих лиц. Автор приводит слова Бакунина, сказанные им в конце жизни: "Ты воображаешь, что революция – это красиво? Я видел революцию вблизи: ах, как это противно вблизи!" Автор приводит и недоуменную фразу Ботева, произнесенную им накануне гибели: "И я пошел освобождать этот народ!". Да и сам Волков относительно результатов последнего перехода отряда Ботева вынужден был констатировать: "Удар в цель не попал. Он был дан по пустому месту, не застав народ таковым, каким он рисовался революционерам..." [5. С. 226].

Думаю, не будет преувеличением сказать, что книга Волкова о Ботеве способствовала формированию отношения ее автора к новому обороту круга революционных событий в Болгарии, обозначившихся в 1923 г. и совпавших по времени с подготовкой и изданием текста его книги в СССР. Сюжетам ультралевизны революционеров, о которых говорилось в настоящих заметках, в работе Волкова не придается довлеющего значения. Но важно само их присутствие. Полагаю, что не без связи с их внутренней авторской оценкой находится содержание писем Волкова к Чичерину, когда решался вопрос о его командировании в Болгарию. В частности, письма от 4 июля, написанного специально по поводу статьи Г.Е. Зиновьева в "Правде", в которой от имени Коминтерна его председатель требовал от ЦК Болгарской коммунистической партии отказа от позиции нейтралитета в событиях после государственного переворота 9 июня 1923 г. и практически рекомендовал переход к гражданской войне. "Такие статьи, – надеялся достигаться к Чичерину Волков, – это лучший способ добиться полной изоляции РКП в международном Коммунистическом Интернационале". Он считал, что руководители российской фракции в Коминтерне не понимают, что происходит в Западной Европе вообще и на Балканах в частности, где коммунистические партии суть легальные, массовые и в то же время парламентские партии, для которых чисто революционные действия возможны лишь при совершенно исключительных обстоятельствах. «Казалось бы, – продолжал Волков, – что урок венгерской революции и неуспехи чисто революционной тактики в Италии и Германии, а также непрекращающиеся трения в недрах Интернационала между "русской точкой зрения" и точками зрения поочередно то французской, то норвежской, то германской, то итальянской компартий должны были бы заставить нас более осторожно редактировать свои призывы к "прямотому действию"». Волков предлагал в письме другой путь: "Мы должны остаться на Балканах, проникнуть туда возможно глубже, в качестве легальных и открытых организаций, как в лице наших миссий, так и в лице сохраняющих свою легальность местных коммунистических партий". И заключал: "Позиция т. Зиновьева этому не помогает. Неужели нет никакой возможности согласовать тактику нашей дипломатии и стратегию с тактикой Коминтерна или между ними не должно быть никакой связи и взаимной помощи?" [1. Л. 7–7 об.].

Пожалуй, это письмо можно считать одним из немногих свидетельств активного

неприятя в самой России линии советского руководства на инициирование гражданской войны в Болгарии. И характерно, что отказаться от нее призывал человек, не только знавший страну и ее народ изнутри, но и проанализировавший досконально ее прошлый революционный опыт. К сожалению, его предостережения не были услышаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 9. Д. 890.
2. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 9. Д. 891. Л. 14.
3. Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян: Библиографический словарь. № 4. 1993. С. 118.
4. България: Енциклопедия. София, 1978. Т. 1. С. 739.
5. *Волков Е.З.* Христо Ботев. На заре балканского революционного коммунизма. М.; Пг., 1923.

© 1998 г. СТЫКАЛИН А.С.

ОБ ОДНОМ ИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВ О ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА (В.А. КРЮЧКОВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ)

Больше сорока лет прошло со времени венгерской революции 1956 г., но споры о ней не утихают и по сей день. Вспомним хотя бы, с каким явным неравнодушием восприняла наша либеральная интеллигенция телевизионное выступление в день юбилея начала восстания 23 октября 1996 г., бывшего председателя КГБ В. Крючкова, свидетеля тех событий, который и сегодня упорно продолжает настаивать на правомерности тогдашнего советского вмешательства. В противовес раздававшимся голосам о "недопущении" в наши дни подобных взглядов и, тем более, их пропаганды на телеаудиторию, выскажем принципиальную позицию: В.А. Крючков, как и любой другой очевидец, имеет право дать свою интерпретацию венгерского кризиса, лишение его такой возможности по политико-идеологическим мотивам ничуть не лучше аналогичных запретов, широко практиковавшихся в недалеком прошлом. Однако законное право Крючкова на свою версию не должно, естественно, исключать иных, подчас противоположных точек зрения – лишь бы они были достаточно аргументированными.

Конечно, десятиминутное интервью не может стать предметом глубокого разбора. Совсем другое дело – недавно вышедшие двухтомные мемуары бывшего члена Политбюро ЦК КПСС и председателя КГБ, одна из глав в которых так и называется: "Венгерский этап" [1]. Название не случайно: работа на венгерском направлении в 1950-е – первой половине 1960-х годов стала не просто важным этапом в жизни Крючкова, но своего рода трамплином к его последующему карьерному взлету: именно тогда он сблизился с Ю.В. Андроповым, и эта встреча, по собственному признанию мемуариста, в значительной мере предопределила всю его последующую судьбу.

Скажем сразу: любому специалисту бросается в глаза, что книга Крючкова изобилует множеством неточностей. Они неизбежны для всяких мемуаров и все же едва ли простительны для профессионала-страноведа (пускай, и бывшего), для кандидата исторических наук, члена редколлегии и одного из авторов третьего тома "Истории Венгрии", вышедшего в начале 1970-х годов. И едва ли может послужить оправданием то, что первый вариант своей книги автор писал в Матросской тишине, "украдкой и при плохом освещении, не имея под рукой никаких материалов" – ведь после освобождения Крючков, лишенный допуска к архивам бывшего ЦК, а также КГБ, мог все-таки перепроверить факты, известные по общедоступной литературе. Тогда он

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

вспомнил бы, что коминтерновца М. Ракоши, действительно более 15-ти лет просидевшего в хортистской тюрьме, в 1940 г. обменяли на трофейные знамена времен первой мировой войны, а революции 1848–1849 гг., подавленной, как известно, русскими войсками. Судьбу этого венгерского коммуниста в некоторой мере predetermined пакт Молотова – Риббентропа, способствовавший сближению СССР не только с Германией, но и с некоторыми ее сателлитами, в частности с Венгрией. Другой коминтерновец, И. Надь, провел на чужбине отнюдь не весь период между первой и второй мировыми войнами. Он выехал на родину по заданию Коминтерна и находился в Венгрии почти девять лет – с мая 1921 по январь 1930 г., участвовал как в нелегальном коммунистическом, так и в легальном социалистическом движении, был исключен из социал-демократической партии как агент Москвы, сидел, хотя и недолго, в тюрьме. Может быть, это все не так и важно для понимания сути революции 1956 г. Но уж если Крючков отводит Надю столь исключительное место в венгерской истории, что называет его "роковой фигурой" в ней, он мог бы, наверное, посерьезней отнестись к изучению биографии своего героя.

Есть и ошибки более грубые, имеющие самое прямое отношение к истории венгерских событий 1956 г. Ракоши выехал, как потом оказалось, навсегда, в СССР не в июне, а в июле 1956 г. – это существенно, поскольку именно июльский пленум освободил его от обязанностей первого секретаря. Вопреки тому, что можно понять из контекста (может быть, в силу небрежности изложения), Ракоши на самом деле отбыл из Венгрии не полномочным правителем, а пенсионером. А Хегедюш стал премьер-министром отнюдь не после начала событий 23 октября. Он занимал этот пост с весны 1955 г., а в ночь на 24 октября 1956 г. уступил его под давлением масс И. Надю.

В югославском посольстве после разгрома восстания И. Надь укрылся не с четырьмя, а с гораздо большим количеством своих соратников – обстоятельства их убежища и последующего вызволения из посольства довольно неплохо изучены в венгерской литературе. И уж совсем странно читать о том, что судебный процесс над И. Надем состоялся в июле 1957 г., тогда как в действительности он был осужден и казнен годом позже. Удивительно, как могла память настолько подвести одного из наиболее активных и, это следует признать, квалифицированных работников посольства СССР в Венгрии в 1956 г. Заметим в этой связи, что автору этих строк пришлось прочитать в Архиве внешней политики МИД РФ все подшивки с записями бесед советских дипломатов с венгерскими гражданами за 1956 г., и он может подтвердить довольно высокий профессиональный уровень – при всей естественной для советского служащего середины 1950-х годов идеологической зашоренности – подготовленных Крючковым для своего начальства донесений, его большую работоспособность. Не случайно, что многие люди, занимавшие куда более видные посты в советской дипломатической иерархии, чем третий секретарь и пресс-атташе посольства В.А. Крючков, не удостоились в то время за участие в событиях столь же высокой правительственной награды. Крючков за свою многогранную деятельность получил орден трудового Красного Знамени.

Но сколько бы неточностей не было в книге, основной предмет спора не в них, а в принципиальной позиции автора, его концепции, в оценке им событий. И едва ли можно списывать на капризы памяти утверждение Крюčkова о том, что первыми шагами И. Нады на посту премьер-министра в октябре 1956 г. "стали выход Венгрии из Организации Варшавского Договора и обращение к Западу за помощью" (С. 55). Если бы это было так, то 24 октября у Н.С. Хрущева не было бы оснований доложить собравшимся в Москве представителям зарубежных компартий о том, что в венгерском руководстве "сохраняется полное единство взглядов", а "Надь действует смело и решительно, постоянно подчеркивая, что у них с Гере нет разногласий" [5. С. 364]. Как следует из документов, И. Надь вначале не протестовал против участия советских войск в наведении порядка в Венгрии. Более того, выступая 25 октября по радио, он говорил, что вмешательство советских частей было неизбежным в сложившейся об-

становке. Лишь со временем его позиция изменилась. Патриотизм И. Надя перевесил над его глубокими коммунистическими убеждениями. Осознав невозможность нормализации с помощью посторонней военной силы и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, И. Надя 28 октября сделал решительный шаг к сближению с повстанцами. Для того, чтобы в полной мере оценить поворот в позиции премьер-министра, достаточно сопоставить два его выступления по радио, между которыми лежали всего три дня. 25 октября Надя говорил о том, что "горстка подстрекателей-контрреволюционеров предприняла вооруженное выступление против строя нашей народной республики, которое поддержала часть трудящихся Будапешта, доведенных до отчаяния положением в стране" [5. С. 383]. В его же выступлении от 28 октября звучали уже совсем другие ноты: "правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция... Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернуть процесс демократизации нашей общественной, экономической, политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране" [5. С. 441]. Заявлению по радио предшествовало выступление И. Надя на заседании Центрального Руководства Венгерской Партии Трудящихся 27–28 октября, которое хорошо раскрывает логику мысли, побудившую его к пересмотру позиций: "Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как мы и оценивали его поначалу, то не остается другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии. Это трагедия. Теперь нам уже ясно, что это не наш путь... Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение" [2]. Не только И. Надя, но многие венгерские коммунисты оказались в октябре–ноябре 1956 г. перед мучительным выбором: поддерживать попирающие нормы международного права действия первого в мире социалистического государства или же остаться прежде всего венгерскими патриотами. И. Надя выбрал второй путь, так же как, кстати, и большинство его соратников по партии (численность кадаровской ВСРП в первые месяцы ее существования была значительно ниже численности ВПТ, большинство коммунистов поначалу бойкотировало новую партию и правительство, стремившихся утвердиться на иностранных штыках, и лишь по мере либерализации кадаровского режима стало менять к нему свое отношение). Неумолимая логика сделанного Надем выбора, твердость в его осуществлении привели премьер-министра Венгрии к осуждению политики СССР, провозглашению независимости своей страны, а затем в тюремную камеру и на эшафот.

Не выдерживает критики утверждение В. Крючкова о "явной ориентации Надя на появлявшиеся новые антисоциалистические партии и организации" и о том, что "в его выступлениях звучали призывы к реставрации капитализма" (С. 55). Если бы это было так, то в условиях начавшегося возрождения многопартийности И. Надя не стал бы одним из основателей Венгерской социалистической рабочей партии, выступившей с программой дальнейшего строительства в Венгрии социализма, правда, не механически копируя советский опыт, а с учетом специфических национальных условий. Даже идеология европейской социал-демократии была для убежденного коммуниста И. Надя неприемлема. Да и были ли антисоциалистическими в большинстве своем вновь возникшие партии и организации, по крайней мере наиболее значительные из них? Для того, чтобы убедиться в том, что это не так, достаточно изучить их программы [2]. Как правило, они не предусматривали коренного изменения экономических отношений, указывали на необходимость сохранения командных высот экономики в руках социалистического государства (единственным крупным политиком, который открыто выступил в защиту "частной собственности, разумно и справедливо ограниченной социальными интересами" [5. С. 541], был глава католической церкви кардинал Миндсенти, освобожденный в конце октября из-под ареста и торжественно вернувшийся в Будапешт). Публикации свободной прессы тех дней, впервые после многолетнего перерыва вышедшей из-под цензурного гнета, в большинстве своем осудили кровавую расправу

толпы над сотрудниками госбезопасности ВНР на площади Республики 30 октября, призывали бороться "против всяческих проявлений контрреволюции" и делали больший или меньший упор на сохранении социалистических завоеваний, "важнейших, непреходящих достижений последних 12-ти лет: того, что земля принадлежит крестьянам, заводы – рабочим, право на образование – всем". Как сформулировал суть проблемы крупнейший венгерский писатель Л. Немет, спор шел не о том, сохранить ли в Венгрии социализм или реставрировать буржуазный строй, а "скорее о том, быть социализму точной копией заграничных образцов или приспособлять общие принципы к венгерскому характеру, к венгерской экономической ситуации" [5. С. 488]. По мнению Немета, выразившего довольно характерные для атмосферы тех дней умонастроения венгерской интеллигенции, весь мир "после этой ошеломляющей революции ждет от нас образцовой модели политического устройства" [5. С. 489]. В начале ноября до образцовой модели было далеко, акты вандализма, совершавшиеся на будапештских улицах, вызвали озабоченность непредвзятых наблюдателей во всем мире. Едва ли стоит считать дурным тоном любое упоминание обо всем бросавшем тень на светлые идеалы революции и уподобляться историкам не столь отдаленных времен, для которых существовало только то, что укладывалось в жесткие рамки предписанных схем. И все-таки у большинства венгров патриотические чувства и возмущение советским вмешательством перевешивали страх перед контрреволюционным террором и его неприятие. Иначе как нам объяснить массовое сопротивление режиму Кадара в ноябре–декабре 1956 г.?

Удивительно читать строки о том, что Я. Кадар в дни событий "вынужден был уйти в подполье" (С. 55). На самом деле, вплоть до 1 ноября он принимал активнейшее участие в политической жизни, стал членом коалиционного правительства И. Надя и вместе с большинством других его членов голосовал за выход Венгрии из Организации Варшавского Договора. Тем неожиданнее были для многих венгров его последующий сговор с советскими представителями и тайный отъезд в СССР, откуда он вернулся главой нового, незаконно сформированного правительства и въехал в Будапешт в советском бронетранспортере.

Вызывает серьезные возражения нарисованный в книге образ М. Ракоши, по словам Крючкова, одного из "замечательных людей, пламенных революционеров" (С. 47), который будучи лидером ВПТ, не дал в начале 1950-х годов "разгуляться репрессиям, устоял перед советским примером" (С. 46). По мнению автора, "это во многом объяснялось тем, что Ракоши числился в любимчиках у Сталина и тот позволял и прощал ему больше, чем многим руководителям других стран". Можно спорить с тем, что Ракоши был в любимчиках у Сталина – мы полагаем, что это не так. Что же касается активной роли Ракоши в инициировании в Венгрии массовых репрессий (и прежде всего в организации судебного процесса над Л. Райком в сентябре 1949 г.), то она была доказана уже в 1956 г. и послужила основанием для его освобождения от обязанностей первого секретаря Центрального Руководства (ЦР) ВПТ. Специальная комиссия ЦР ВПТ, образованная после XX съезда КПСС, выявила весной 1956 г. такие факты, связанные с деятельностью Ракоши, что оставить после этого его во главе партии бывшие соратники сочли невозможным. Можно сказать даже больше: Ракоши был весьма инициативен в организации репрессий не только у себя дома. Сфабрикованные при его участии доносы на чехословацких коммунистов дали толчок массовым арестам и в этой стране. Можно отчасти согласиться с тем, что "Ракоши не нашел в себе силы вырваться за пределы жестко насаждаемой нами линии, выйти на простор проведения самостоятельной политики Венгрии с учетом её особенностей... был бессилён перед общим потоком, в который попали практически все европейские социалистические страны" (С. 48). Давление Москвы было действительно сильным, однако и собственную роль Ракоши в насаждении сталинских образцов в Венгрии недооценивать не надо. Ссылаясь на некие "официальные данные", В.А. Крючков пишет, что "в Венгрии с 1949 по 1953 гг. было незаконно репрессировано в судебном порядке несколько сот человек, из них расстреляно двенадцать" (С. 46). Зачем

искажать историю? Даже в полной переделке и умолчаний книге секретаря ЦК ВСРП Я. Береца «Крах операции "Фокус". Контрреволюция пером и оружием» (М., 1986), призванной оправдать советское вмешательство в Венгрии и, в отличие от аналогичной по цели работы Л. Дюрко [3], решившей поставленную задачу довольно "топорно", приводятся совсем иные цифры – 387 тыс. судебных приговоров с 1950 г. по начало апреля 1953 г., и это в стране, где тогда не было и десяти миллионов.

Из других достоверных источников мы ничего не знаем об "откровенно фашистских" лозунгах во время демонстрации 23 октября. Можно допустить, что свидетель события В.А. Крючков обратил внимание на какие-то детали, мимо которых прошли другие очевидцы (кстати, в мемуарах в целом довольно достоверно и даже ярко описана сцена разрушения памятника Сталину). Гораздо меньше доверия вызывает описание тех сцен, свидетелем которых Крючков быть не мог. Так, будучий председатель КГБ не был в Венгрии в 1953 г. и тем не менее "вспоминает", как тяжело страна переживала смерть "отца народов".

Нуждается в некоторой корректировке в свете вновь открывшихся источников (записи заседаний Президиума ЦК КПСС, мемуары Ракоши и т.д.) тезис о том, что в разгар демонстрации 23 октября "венгерское руководство по телефону правительственной связи рвалось в Москву к Хрущеву, настоятельно убеждая советскую сторону оказать необходимую помощь в нормализации обстановки в Будапеште" (С. 53). Советское посольство и лично Ю.В. Андропов проявили в тот вечер, пожалуй, больше активности в деле приглашения советских войск, нежели руководство ВПТ.

Несколько преувеличивается роль А.И. Микояна в политической реабилитации и выдвигении на руководящие посты И. Нады. Посетив Венгрию в июле 1956 г. и дав от имени Москвы согласие на отставку Ракоши, Микоян на встрече с венгерскими лидерами довольно откровенно выразил свое мнение, мало расходившееся с мнением его коллег по Президиуму ЦК: мы "считали и считаем ошибкой исключение из партии Надя Имре, хотя он своим поведением этого заслужил. Если бы Надя остался в рядах партии, он был бы обязан подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии. Исключив его из ВПТ, товарищи сами себе затруднили борьбу с ним. Следовало бы откровенно заявить Надю, что, борясь с партией, он закрывает себе возможность вернуться в ее ряды. Путь борьбы с партией – это путь, который неизбежно ведет его в тюрьму. Наоборот, если он изменит свое поведение, то он может рассчитывать на восстановление его в рядах партии... Если через некоторое время Надя сделает ряд шагов в пользу партии, в сторону исправления своих ошибок, тогда можно было бы восстановить его в рядах ВПТ" [4. 1993. № 4. С. 117; запись выступления А.И. Микояна сделана шефом Крючкова Ю.В. Андроповым]. С этими словами плохо согласуется утверждение В.А. Крючкова о том, что А.И. Микоян верил И. Надю и хотел уже летом 1956 г. сделать ставку на него. Другое дело, что А.И. Микоян действительно осознавал степень популярности в венгерском обществе опального премьера и понимал, что "проблема Имре Надя" ждет своего разрешения. Учитывая большое влияние Надя, его насильственное устранение с политической арены было вряд ли целесообразным. "Строптивного" политика приходилось терпеть и искать более тонкие способы его нейтрализации. Так возникла идея "приручения" Надя, причем некоторая ставка делалась и на "большевистскую" сознательность этого человека, без малого 40 лет состоявшего в компартии. Сначала Микоян, а затем и представители венгерского партийно-государственного руководства вели переговоры с Надем, пытаясь убедить его в необходимости выступить публично с критикой своих "правых" ошибок, после чего он сможет вернуться в партию без ущерба для ее авторитета и вновь занять какой-нибудь видный пост. Однако Надя не выражал желания следовать навязываемой ему логике действий и возвращаться в партию на условиях признания собственной неправоты в интересах очередного публичного подтверждения непогрешимости партии. Он предлагал вынести свою деятельность во главе правительства в 1953–1955 гг. на обсуждение внутрипартийной дискуссии, призванной определить: содержались ли в его "новом курсе" элементы "правого

уклона" или же XX съезд КПСС полностью доказал его правоту. Несомненно, Имре Надя не могло не окрылять развитие событий в Польше, где в соответствии с решениями состоявшегося 18–28 июля VII пленума ЦК ПОРП в начале августа было официально объявлено о полной политической реабилитации и восстановлении в партии В. Гомулки, который в конце 1940-х годов был обвинен Москвой в "правонационалистическом уклонизме", а затем арестован. Тактика Надя имела успех. После перезахоронения 6 октября останков Л. Райка и его товарищей обстановка в стране стала настолько взрывоопасной, что медлить с восстановлением И. Надя в партии без всякой самокритики с его стороны было просто невозможно. Когда же 23 октября началось восстание, не только Микоян, но и Хрущев, как явствует из недавно опубликованных [4. 1996. № 2, 3] записей заседаний Президиума ЦК КПСС за те дни, счел, что без И. Надя не обойтись. Советским лидерам, осознавшим, что из прежней коммунистической элиты лишь И. Надя обладал еще некоторым кредитом доверия у масс, пришлось в интересах укрепления партии сделать ставку на этого политика, продолжавшего считаться ими "правым уклонистом". Других шансов в сложившейся ситуации уже не было. Нельзя не заметить вместе с тем, что роль А.И. Микояна в венгерских событиях действительно была иной, чем роль других советских лидеров, поскольку он с самого начала и до самого конца последовательно высказывался за политическое разрешение кризиса в Венгрии, не поддерживал идеи военного вмешательства.

Когда речь заходит об И. Наде, неизбежно всплывают в памяти опубликованные в начале 1990-х годов документы, свидетельствующие о его работе на органы НКВД в 1930-е годы. Скажем сразу, какие бы политические цели не преследовались выявлением и передачей в Венгрию в 1989 г. этих документов в канун намеченной реабилитации и торжественного перезахоронения И. Надя, какова бы ни была причастность к этому возглавлявшегося В.А. Крючковым КГБ, факт участия И. Надя в агентурной работе НКВД можно считать, на наш взгляд, доказанным. Другой вопрос, что могло бы ожидать в случае отказа от такого сотрудничества человека с весьма туманной, если не сказать сомнительной, биографией – исключавшегося из партии, долго работавшего за границей. В некоторых документах И. Надя характеризуется как весьма инициативный агент, приводятся даже списки людей, арестованных по его показаниям. Однако, если копнуть глубже, возникают вопросы. Так, в одном из списков значится фамилия всемирно известного философа Д. Лукача. Автору этих строк вместе с коллегой В.Т. Середой довелось, выполняя волю наследников Д. Лукача, ознакомиться в 1994–1995 гг. в архиве бывшего КГБ с его личным делом (находившийся в советской эмиграции крупный философ-марксист провел на Лубянке около двух месяцев летом 1941 г. и был отпущен за недоказанностью обвинений). Так вот в личном деле Лукача нет ни единого упоминания о доносах И. Надя. По мнению В.А. Крюčkова, "вряд ли кто будет оспаривать, что этот важный штрих в биографии Надя представляет всю историю с ним в совершенно ином свете" (С. 62). Мы же, напротив, думаем, что эти документы, хотя и важны для составления полной картины о И. Наде как личности, вместе с тем не дают оснований переоценивать его роль в общественно-политической жизни Венгрии середины 1950-х годов и революции 1956 г.

Вызывает ряд вопросов красноречивое описание В.А. Крючковым своих впечатлений от первого приезда в Венгрию в 1955 г.: "Венгрия производила впечатление благополучной страны. Обилие товаров и продовольствия, низкие цены, отличное соотношение денежной и товарной массы... По несколько раз в год для сбыта товаров проводились распродажи по бросовым ценам... Венгры – самые различные по своему социальному положению – говорили, что никогда еще они не жили так хорошо, как в 1955 году. В стране не было безработицы, люди стали получать от государства бесплатное жилье, в невиданных масштабах шло строительство. Энтузиазм охватил широкие массы, и казалось, ничто не угрожало устоям новой народной власти" (С. 43). Отличным называет мемуарист и отношение венгров к Советскому Союзу.

Возможно, начинающему дипломату, впервые выехавшему за рубеж, Венгрия действительно могла показаться довольно благополучной страной. Заметим, однако, что хранящиеся в архиве МИДа записи бесед третьего секретаря посольства СССР в Венгрии В.А. Крючкова с венгерскими гражданами за 1956 г. дают не столь безоблачную картину положения в стране. А главное: если все обстояло действительно настолько хорошо, как же мы можем объяснить революционный взрыв 23 октября?

Впрочем, Крючков дает свое объяснение причин того, что произошло. "Казалось бы, небо в советско-венгерских отношениях было безоблачно и ничто не предвещало мрачных перемен... Но вот наступил 1956 год... Ни одна коммунистическая партия, включая КПСС, пережить XX съезд без потрясений, издержек так и не смогла. То, что впереди нас ждут драматические события, стало ясно сразу же после доклада Хрущева" (С. 44). Теперь все, наконец, расставлено на свои места и мысль предстает с предельной ясностью.

По мнению автора, "в стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения... Некоторые зарубежные коммунистические партии вообще не смогли перенести этого удара и прекратили свое существование. Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности" (С. 44). Такую позицию оригинальной не назовешь. Впрочем, и она при всей ее односторонности может подчас привести автора к достаточно верным оценкам. "Многие концепции, программы основывались в значительной мере на эмоциональных порывах, на благих пожеланиях, рождались исходя из произвольно поставленных сроков, без учета реалий и глубокого всестороннего анализа накопившегося мирового опыта. Отсюда дефицит внутренней логики и последовательности в наших действиях, чрезмерная поспешность, граничащая с губительным авантюризмом. Как и прежде, большинство ответственных решений принималось единолично" (С. 32) – так характеризует автор годы хрущевского руководства.

Начало оттепели застало Крючкова слушателем высшей дипломатической школы, а в 1954 г. он стал штатным сотрудником МИДа. В мемуарах неплохо передана атмосфера в МИДе тех лет. "Ветер перемен достиг и такой, прямо скажем, консервативной организации, каким было тогда наше внешнеполитическое ведомство... Несмотря на то, что Молотов продолжал руководить МИДом, время брало свое, и обстановка в министерстве постепенно менялась... Пока только в личных беседах, так сказать, в кулуарах, но все же можно было услышать откровенные суждения, интересные мысли и идеи... Дипломаты вдруг стали "развязывать языки", начали глубже задумываться над недавней историей и происходящим сейчас, ставить все больше и больше вопросов. К сожалению, ответов было значительно меньше, чем этих вопросов..." (С. 31, 34–35).

Проработав немногим больше года в аппарате МИД, Крючков был направлен в Венгрию. С теплотой и уважением пишет он о венграх, лестные отзывы о моральных и деловых качествах этого народа рассыпаны по всему тексту. Даже в венгерском национализме автор увидел положительный потенциал, если, конечно, направить энергию в конструктивное русло. При всей предвзятости своего отношения к венгерскому кризису автор не мог не признать: "мы получили жесткий урок в 1956 году, расплатившись в какой-то мере и за собственные ошибки, за пренебрежительное отношение к чувствам, традициям венгерского народа" (С. 39). Кстати, позиция Крючкова относительно правомерности советского вмешательства в Чехословакии в 1968 г. гораздо более неоднозначна.

Вернувшись в Москву в конце 1950-х годов, Крючков несколько лет работал на венгерском направлении в ЦК КПСС, также под началом Ю.В. Андропова. "В соответствии с действовавшим тогда порядком всеми наиболее серьезными проблемами наших отношений с социалистическими странами занималась Старая площадь. МИДУ в этих условиях отводилась довольно скромная роль ведения текущей, по большей

части технической работы на двустороннем направлении. Вся кухня большой политики варилась в здании ЦК КПСС. Даже моя скромная должность референта в отделе ЦК открывала доступ к таким вершинам наших отношений с Венгрией, к которым в МИДе допускалось разве что самое высокое руководство" (С. 72), – вспоминает мемуарист.

Наиболее интересные страницы венгерской главы мемуаров Крючкова – те, где речь идет о механизме работы посольства, о деятельности Ю.В. Андропова в октябре 1956 г. "Советское посольство работало в те дни в крайне напряженном ритме. Необходимо было давать подробную информацию в Москву, продолжать работать с местными властями, решать массу сложных вопросов, возникавших в той ситуации буквально ежеминутно... Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах и лишь изредка да и то только после возвращения наших войск, на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи" (С. 57).

Андропов в Венгрии в 1953–1957 гг., роль венгерского этапа в дальнейшей карьере будущего многолетнего главы КГБ, а под конец жизни и генсека ЦК КПСС – тема самостоятельного исследования, и мемуары В.А. Крючкова должны послужить здесь ценным источником. Заметим лишь, что ими начисто опровергается сложившийся в перестроечной публицистике конца 1980-х годов (вероятно, с легкой руки Ф.М. Бурлацкого) миф об Андропове как о стороннике далеко идущих реформ в рамках социалистического выбора. Напротив, опыт работы в Венгрии во время кризиса 1956 г. лишь укрепил в Ю.В. Андропове антидемократический и антиреформаторский синдром. По свидетельству Крючкова, в конце 1960-х годов даже А.Н. Косыгин представлялся Андропову слишком радикальным реформатором.

Одно из наиболее драматических событий послевоенной европейской истории, венгерская революция 1956 г. и сегодня продолжает оставаться предметом исследования специалистов. Немаловажное подспорье в их работе – свидетельства очевидцев тех дней, весьма подчас неодинаковые в оценке тех или иных событий. И в этом смысле выход мемуаров В.А. Крючкова с их содержательной "венгерской" главой можно только приветствовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крючков В.А. Личное дело. М., 1996. Ч. 1.
2. Венгерский меридиан. Будапешт, 1991. № 3.
3. Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. 1988. № 7, 8.
4. Исторический архив.
5. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

© 1998 г. ЛАБЫНЦЕВ Ю.А., ШАВИНСКАЯ Л.Л.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1996 ГОДА "КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЛЬШИ" И ЕЕ ИТОГИ¹

Проведенная экспедиция предполагала сбор материалов по истории православной книжности и литературы Польши, в том числе в границах 1918–1939 гг., т.е. на территории современной Польши, западных областей Белоруссии и Украины, с целью создания масштабной источниковой базы для проведения фундаментальных исследований и сохранения одной из богатейших частей восточнославянского культурного наследия, до сих пор не изученной. Диапазон собираемых памятников – слагаемых многоязычной православной книжности и литературы Польши – был необычайно широк – от письменных памятников кирилло-мефодиевской традиции до оригинальных религиозно-философских сочинений, составляющих славу русской, белорусской и украинской духовных культур XX ст. Экспедиционная работа велась в основном в регионах, где местное население продолжает сохранять живую традицию православной культуры. Учитывая особые условия работы, когда материалы могли быть, как правило, только скопированы, использовался широкий арсенал современных технических средств, включая электронные. Принципиально новым стало применение методов компьютерного архивирования с последующим созданием информационной системы на основе электронного архива экспедиции. Все это осуществлялось в полевых и осуществляется в камеральных условиях благодаря собственным программным разработкам.

Заявленный план работы в течение 1996 г. был полностью реализован. Экспедиционные исследования велись в Украинском Полесье и на Волини 11–16 апреля (Ю.А. Лабынцев); на территории: Белостоцко-Гданьской и Варшавско-Бельской православных епархий Польши 20–27 апреля (Ю.А. Лабынцев), ряда православных епархий в Белоруссии 24–23 июля, преимущественно в Гродненской, Брестской и Пинской епархиях (Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Шавинская), Белостоцко-Гданьской, Варшавско-Бельской, Лодзинско-Познанской и Перемышльско-Новосандецкой православных епархий Польши 15 августа – 4 сентября (Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Шавинская). Без преувеличения можно сказать, что результаты экспедиции превзошли все ожидания. Тщательная ее предварительная, в сущности многолетняя, подготовка, обработка

Лабынцев Юрий Андреевич – д-р филол. наук, директор Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения РАН.

Шавинская Лариса Леонидовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения РАН.

¹ Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (96–04–18008).

маршрутов обеспечивали практически каждодневный успех и иногда казалось даже, что находки удается делать чуть ли не "по графику", по крайней мере, постоянно сверяясь с ним.

Залогом успешной работы стали и специально разработанные способы и методы копирования материалов, позволявшие собирать все без исключения документальные источники самых разнообразных видов и форм, представляющие историко-литературный и историко-культурный интерес. Немаловажным в слагаемом успеха являлось и то обстоятельство, что экспедиция была нацелена на копирование материалов, а не на физическое собиранье их оригиналов, с которыми владельцы, в случае последнего варианта, едва ли позволили бы даже ознакомиться. Важным, а иногда и решающим в возможности просмотреть, а затем и скопировать источник было наше обязательство не афишировать его точное местонахождение, не упоминать имя его владельца, что в условиях буквально повсеместного криминального интереса к предметам старины вполне объяснимо.

Подобные экспедиционные исследования в указанных регионах проводились практически впервые. Основными объектами являлись частные и церковные (приходские и епархиальные) библиотеки и архивы, имеющие от нескольких десятков до нескольких тысяч единиц хранения – рукописные и старопечатные книги, архивные документы и многое другое. В большинстве своем все это совершенно неизвестные в науке источники, особенно если иметь в виду огромный массив литературных памятников XX ст.

Общее количество собранных (скопированных) нами литературных произведений приближается к тысяче. Это памятники древнейшего периода славянской письменности (в списках начиная с XV в.), разнообразные сочинения множества жанров и видов более позднего времени на нескольких языках: церковнославянском, русском, белорусском, украинском, польском, чешском и др.

Помимо этого, были выявлены и в значительном числе скопированы многие важнейшие документы историко-церковного и литературного плана, касающиеся судеб православной книжной культуры в Польше. К особым, весьма важным находкам следует отнести целые архивные и библиотечные комплексы, принадлежащие местным выдающимся православным собирателям (среди которых есть и потомки русских эмигрантов), где в течение последних десятилетий как бы аккумулировалась сама история православной Польши.

Принимая во внимание чрезвычайное разнообразие собранных экспедицией материалов, невозможность здесь пусть даже самого фрагментарного представления лишь наиболее значительных из них, а также то, что экспедиционная работа велась в неотрывной связи с реализацией проекта "Православная литература Польши: 1918–1939" и написанием монографии на эту тему, в которой впервые предпринято изучение этой литературы, необходимо, дав самое общее пояснение о составе населения II Речи Посполитой, привести примеры обнаруженных нами книжных памятников, среди которых мы избрали церковные летописи – без сомнения, феномен славянской рукописной книжности XX ст., а также молебное пение "О гонимых и страждущих за веру в советских республиках" (см. стр. ...), написанное и напечатанное на церковнославянском языке в Польше в 1930 г.²

На долю национальных меньшинств межвоенной Польши приходилось более одной трети населения, общая численность которого составляла около 30 млн человек. По данным государственной переписи 1931 г., православными были около 12% всех

---

² Учитывая полную неизвестность у нас подобных произведений [1; 2], мы публикуем сканированное изображение этого молебного пения. Составленное в ответ на гонения Православной Церкви в СССР и напечатанное Варшавской Синодальной типографией, оно стало одним из самых высших актов единения и духовной поддержки православными Польши православных христиан в советских республиках, а также выражением солидарности с православной русской эмиграцией в Польше [3]. Примечательно, что во времена Народной Польши это молебное пение всячески укрывалось православными священниками от посторонних глаз, так как указание в нем на преследования верующих "в советских республиках" могло послужить основанием для репрессий со стороны властей.

жителей Польши, причем в Полесском воеводстве на их долю приходилось более 77% населения, в Волынском – почти 70%, Новогрудском – более 51%, Виленском – 25%, Белостоцком – около 19%, Люблинском – около 9%.

Основу православного населения составляло крестьянство, искони населявшее земли восточных воеводств Польши – около 93% всех православных. Процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и в самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они "тузейшие" – тугошние, здешние, а язык их "тузейший", "простой" или "руский". В официальных документах той поры было узаконено определение "тузейший", которых по различным данным насчитывалось около 1 млн человек. Согласно переписи 1931 г., более 1 млн православных считали родным языком украинский, почти 1 млн – белорусский, 0,5 млн – польский, 100 тыс. – русский, почти 22 тыс. – чешский.

В 1939 г., согласно официальной церковной статистике, Православная Церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 млн верующих, 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц, 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято-Успенскую лавру, Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский отдел при Варшавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный Семинарий иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив. Долгое время при Священном Синоде работала Ученая археологическая и археографическая комиссия.

О восточнославянских летописях и летописании в древней Польше и Великом княжестве Литовском известно немало. Исследований же церковного летописания XIX в. не проводилось вовсе, и лишь сейчас вопрос о его существовании наконец поставлен³.

Куда более сложное положение с церковным летописанием в XX ст., особенно в послереволюционные (после 1917 г.) годы, когда начался небывалый до той поры процесс тотального уничтожения Православной церкви в России. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Православной церкви, заложенными в XIX в.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920–1930-е годы, оказалась Польша. В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостоцко-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной Церкви до сих пор сберегаются местные церковные летописи, составлявшиеся священниками во второй половине XIX–XX в.

В нашем распоряжении оказалось около десятка церковных летописей, ведшихся в межвоенной Польше в основном в местах, населенных белорусами, отчасти украинцами. Некоторые из этих памятников удалось полностью или частично скопировать, с остальными более или менее подробно ознакомиться. Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, хороший архив, иногда с документами двух- или даже трехсотлетней давности, неплохую библиотеку. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах, своей эпохе в целом.

³ Научная публикация подобных летописей, написанных в XIX в., уже началась силами Белорусского Исторического общества Польши, члены которого Дорофей Фионик и Славомир Иванюк напечатали в 1994 г. в Бельске "Описание Чарнянской церкви и ее прихода", составленное в 1890-х годах священником Алексеем Волковским [4]. Подробнее об этом издании см. в нашей рецензии на него [5], а также в материале об изучении памятников кирилловской книжной традиции в Польше [6].

МОЛІТВА ПО ВЪГРЕБОЙ ВЪКОНІИ:

Анлоірдый Гóсподи, Бóже сілз! Нз глв-
енны дшівныя въ скóбен ѿ печамъ на-
шій смрѣннш воііамъ Тн: сілосъ Крїста Тво-
гѡ смрн дѣрзога ннванѣдцнхъ ѿ хлалцнхъ
Нма Твогѡ Свлатогѡ, шквернлвцнхъ ѿ разршл-
вцнхъ свлтынн хрлмшва Твогѡхъ, ѿ лнть го-
нлцнхъ вѣрныхъ члдъ Свлатыл Цркен Твогѡ.
Всѣмъ стрлждущымъ ѿ нзнмоганцымъ за
ѿповѣданїи вѣры во Нма Твогѡ послѡ Англсва
Твогѡхъ Свлатыхъ, да ѡкрѣпллнтса вѣрныя
лндн Твоѿ въ нснїн бллггш Нга Твогѡ
ѿнглскнмъ покрѡвомъ ѿ прѣстлтельствѡмъ
Свлатыхъ Твогѡхъ. Аногмлоствн Гóсподн!
Болѣзнннмъ срдцямъ, со слзлмн молнмса
Твѣ, прлзрн на вóплъ, стннїи ѿ ѡмнлннмъ
моллтвмъ всѣхъ вѣрныхъ лндїй, ш нападїнл
вргѡвз Твогѡхъ, Гóсподн, стрлждущнхъ, свл-
тынн хрлмшва Твогѡхъ ѿ блгодлчн свлатыхъ
тлмштвз Твогѡхъ лншнннхъ. Оумлоствнл
Гóсподн, надъ млдїнцы, свѣтомъ Свлатгѡ Крїстї-
нїл ншзрїннмъ ѿ нчлтїмъ длрѡ дшѡ Свлатгѡ н
злпчлтлѣннмъ. Поцлдн, Гóсподн, Стрѡкн, ѿно-
шн ѿ дѣвы, со блзлнлмыя ннванѣстннклмн
Нмнн Твогѡ на влкогѡ нвѣрїї, нчлстїї, бого-
хлвствѡ, рлсплтногѡ жнтїї, злвнстѡ ѿ слобѣ
ко блнжнмѣ своимѣ. Оумлоствнл, Гóсподн, на
стлрцы ѿ коллцїл, лншѣннмъ въ прѣсмртногѡ
члсѣ блгодлчнмъ ѡтѣшнїл въ влопомлзанїн
ѿ Прнчлстїн Свлатыхъ, Тлннз Твогѡхъ, ѿ н-
члнцїл хрїстїансклмъ погрлснїл. Шгрлдн, Гóс-
подн, монлшнствлщнхъ лнкз, нз свлатыхъ

шѣнтїлн ѿзгнлнннхъ ѿ поношѣнїл тлрплцнхъ.
Нлнплче жѡ ѡтвѣрдн, Гóсподн, крѣпостїн дшѡ
Твогѡ Свлатгѡ, свлцїнннкн Твоѡ, дабы нбѡ-
лзнннш, длже до смртн, во ѣдннїн стѡлн
на стрлждѣ стлдѡ Твогѡ. Всѣхъ жѡ, Твѣ рлдн,
прлвшнхъ млчнннчсклмъ кончннѣ, спѡдобн со
Свлатымн Твоимн въ вѣчногѡ сллвѣ Твоїн цлр-
ствѡвлтн. На крїстѣ молнвыїмъ за рлспнлтїлн
Твогѡхъ, ѿ прїемлн въ послѣднїй члсѣ рлзбѡй-
ннчѡ покллнн, нѡ погубѣн, ѿ, Гóсподн, штлп-
ннкшва, хллнтїлн ѿ гоннлїлн Свлатыл Вѣры,
но, лцѣ возмѡжно сїї, дѣрлѣ ѿ нмъ рлдогѡ
познлчн Тл, Божїствнншл лнбѡвѣ ѿ Прлмлд-
рогѡ, ѿ днн своѡ въ ѿстнннѡмъ покллнн
скончлчтн. На Тл, Гóсподн, ѡповлнмъ ѿ нѡ по-
стыднмса во вѣкѣ. Тл ко ѣн Злстлпллрїї
нлшн, Пѡлющѡ ѿ Пѡвѣдл, пѡвѣдлвшл мїрѣ.
Свѣтѣ плче влкллгѡ свѣтл, Рлдогѡ плче вл-
клл рлдогн, Оповлнїї плче влкллгѡ ѡповл-
нїл, Жнзнь ѿстнннл ѿ Сплснїї вѣчногѡ, ѿ
Твѣ, въ Тронцѣ покллнлїемѡмѣ Бѡгѣ, сллвѣ
всн возслллїмъ, нлнѣ ѿ прлснш, ѿ во вѣкн
вѣкѡвѣ. Амїнь.

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на ряд групп. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда лет. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова, в основном, церковная летопись из Беловежа, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще до начала первой мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, получившего название "беженства", когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти годами не получали гражданских прав. Обо всех этих событиях, а также о многочисленных человеческих жертвах военного времени, периода эвакуации и "беженства", можно прочитать в этих церковных хрониках. Порой они единственные достоверные свидетельства по истории той или иной местности 1910–1930-х годов, уникальные документы, характеризующие умонастроения крестьянства и духовенства – белорусов, украинцев, русских, "тутейших".

В погодных записях с различной степенью подробности освещаются те или иные важнейшие события, произошедшие в приходе, особенно тщательно описывается все, что связано с церковной жизнью, а также выдающиеся случаи в судьбах прихожан. Постоянно фиксируется число браков, рождений и погребений; финансовое состояние приходской церкви; деятельность при церкви различных объединений прихожан, например таких, как церковные братства; все "церковно-тарелочные сборы", в том числе шедшие на многочисленные "церковно-благотворительные цели", такие, скажем, как поддержка образовательных учреждений православных, "русских Православных обителей на Афоне", "Православной Духовной Миссии на Лемковщине", "Церковно-строительного фонда Холмщины", "восстановления Турковицкой обители на Холмщине", работ "по ремонту церкви в селе Тыляве на Лемковщине" (в Малопольше) и т.п. Некоторые погодные записи содержат своеобразные лирические отступления летописца, порой увеличивающие их обычный объем в две–три страницы большого формата еще на одну–две страницы. Пожалуй самые подробные записи делались по случаю приезда в приход правящего архиерея.

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся, как правило, к 1950-м годам. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего находившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них обычно включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

Первая или общая часть летописи включала и подробные сведения о духовно-нравственном облике прихожан, готовность которых "нуждающимся в помощи всегда можно видеть.., за исключением немногих единичных случаев", – сообщала Кожанская летопись. "Целомудрие нарушается в редких случаях. Сироты, калеки и нищие не бывают забыты, и милостыня там, где она нужна, охотно подается требующим ее. Заходит нищий в дом, ему не отказывают в подавании никогда и можно видеть, с каким

смирением и готовностью десятки женщин под церковью каждый праздничный и воскресный день наделяют хлебом и деньгами многих нищих, прося их молиться или за живых, или за умерших". Эта же общая часть летописей сохранила для нас образцы местного говора, "простого", "тутейшего", "нашего", "своего". В разделе Кожанской летописи, посвященном знахарству, читаем: «Указывая на какого-либо человека – знахаря, отвечают так: "О зь им цяжко возицися. Он може такой беды нарабиць, што до віьку не забудьешь"». В той же общей части помещались и специальные разделы, отображающие духовную культуру прихожан, причем в них были рубрики, специально касающиеся культуры словесной, устной и письменной, например, "Народная словесность", "Книги", "Чтение" и другие, дающие представление о местном фольклоре, рукописной и печатной книжности, бытовавшей здесь.

Вторая часть летописей, составлявшая погодные записи, собственно являвшаяся "повременной церковно-приходской летописью", должна была в идеале выдерживаться по следующей схеме: сведения о чисто церковных событиях, в том числе и в местной жизни; имущественном положении приходского храма; церковнослужителей; прихожанах; различных сборах; церковная статистика и "годовые выводы".

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церковные хроники и описания, настоящие энциклопедии почти в духе Д'Аламбера, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает в роли и историка, и этнографа, и бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит "Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по данным архива Рыболовской церкви" в двух книгах, составлявшееся в межвоенные, военные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в священнической семье "в селе Малая Плотница бывшего Пинского уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года".

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его "Описания", раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

"Труд этот посвящаю моим предшественникам – настоятелям Рыболовского Прихода, – нашедшим у стен Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечного покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости вносили туда с собою и житейския думы, житейския чувства, переживания и настроения.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кравецкий А.Г.* Дискуссия о церковнославянском языке (1917–1943) // Славяноведение. 1993. № 5. С. 116, 133.
2. *Шавинская Л.Л.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение. 1998. № 1. С. 76–77.
3. Архипастырское послание Блаженнейшего Митрополита Дионисия об общем молении о гонимых и страждущих за веру в советских республиках. Варшава, 1930.
4. *o. Aleksy Wołkowski.* Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej. Czarna Cerkiewna; Bielsk Podlaski, 1994.
5. *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 1994. № 2. S. 164–168.
6. *Лабынцев Ю.А.* К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше // Славяноведение. 1995. № 2. С. 80–83.

© 1998 г. БУБЕНИКОВА М.

ПИСЬМО Е.И. НАБОКОВОЙ К А.Л. БЕМУ

Среди других ценнейших документов, относящихся к жизни и деятельности русской эмиграции на территории межвоенной Чехословакии, в литературном архиве Музея чешской письменности в Праге на Страгове хранится письмо матери писателя Владимира Владимировича Набокова-Сирина (1899–1977) Елены Ивановны литературоведу Альфреду Людвиговичу Бему [1].

Елена Ивановна Набокова, урожденная Рукавишникова (1876–1939) жила после эмиграции сначала в Берлине, а после насильственной смерти своего мужа, Владимира Дмитриевича Набокова (1870–1922), с 1923 г. до конца своих дней, – в Праге, где она существовала, по свидетельству своего сына [2], на пенсию чехословацкого правительства. Она похоронена в русской части Ольшанского кладбища в Праге.

Альфред Людвигович Бем (1886–1945?), историк и критик русской литературы, тонкий знаток творчества Ф.М. Достоевского, секретарь международного Общества Достоевского в Праге, вдохновитель и руководитель пражского литературного кружка молодых русских поэтов, известного под названием "Скит поэтов", автор большого количества научных работ и критических заметок, сотрудник многих европейских научных журналов по славистике, а также многочисленных русских журналов и газет, издававшихся за пределами СССР (библиография работ А. Бема насчитывает более пятисот позиций [3]), прибыл в Чехословакию в 1922 г., получив стипендию Министерства иностранных дел ЧСР и место лектора русского языка в Карловом университете. О теснейшем творческом и духовном сотрудничестве А. Бема с виднейшими представителями русской диаспоры в Европе свидетельствует богатый фонд А. Бема, находящийся в выше упоминаемом архиве. Здесь хранятся письма А. Бему его самых близких друзей (Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского), а также многих коллег и писателей (Иванова-Разумника, Е.А. Ляцкого, А. Лутер, В. Морковина, А.А. Оцуп, А.М. Ремизова, В.И. Срезневского Ф.А. Степуна, Д.И. Чижевского, В.А. Францева и др.); здесь же хранятся два тома ценнейшего дневника А. Бема, многие материалы, касающиеся деятельности "Скита поэтов", вырезки из газет и журналов и другие документы (подробнее см. [4]). Завершение жизни А. Бема трагично. Осенью 1939 г. он лишился места лектора Карлова университета в связи с закрытием чешских высших учебных заведений нацистскими властями, в мае 1945 г. вместе с многими другими эмигрантами он был арестован советскими органами, которые действовали в то время на территории Чехословакии. Несмотря на усилия жены А. Бема и исследователей его творчества, до сих пор не удалось выяснить последующую судьбу А. Бема. После 1945 г. имя А. Бема стали постепенно забывать. Некоторые его работы по русской классической литературе изредка переиздавались в Германии,

США, Франции и Бельгии. Только с начала 1990-х годов стало возможным заняться наследием А. Бема и в бывшей европейской "социалистической" части мира. Были опубликованы статьи о А. Беме и переизданы некоторые его работы¹.

Хотя письмо Е. Набоковой не датировано, предполагаем, что время его написания можно определить относительно точно. В письме упоминается парижский адрес В. Набокова – это значит, что письмо было отправлено уже после переезда писателя из Германии во Францию, т.е. после 1933 г. Письмо, очевидно, является ответом на запрос А. Бема о возможности получить более подробную информацию о жизни и творчестве В. Набокова. Потребность в большей информации о В. Набокове возникла у А. Бема, вероятно, в связи с задачей написать статью о Владимире Сирине для самого престижного чехословацкого энциклопедического словаря Отто, сотрудником которого А. Бем был на протяжении многих лет (1930–1943). Статья, посвященная В. Сирину, появилась в издании 1939 г. с датировкой "2 июня 1939" [5]. По свидетельству уже упоминаемого дневника А. Бема, он гостил у В. Набокова в Берлине в сентябре 1931 г., когда приехал сюда читать лекции о Н. Гумилеве и Ф. Достоевском.

Глубокоуважаемый Альфред Людвигович, с удовольствием исполняю Вашу просьбу. Простите, что из-за нездоровья несколько задержала ответ.

Мой сын родился в 1899 г. 10 апр[еля] ст[арого] ст[илия] в Петербурге. Первое печатное выступление было в Берлине: газ[ета] "Руль № 7" в январе [19]21 г. Рассказ "Нежить"². Первая книга: "Николька Персик", пер[евод] с франц[узского] R. Rolland Colas Vreugnon, изд[ательство] "Слово" в Берлине, в [19]22 г. Первые книги стихотворений: "Горний Путь" (изд[ательство] "Слово", Берлин, [19]23 г.³) и "Гроздь" (изд[ательство] "Гамаюн", Берлин, [19]23 г.). Первый роман "Машенька" (изд[ательство] "Слово", Берлин, 1926 г.). Еще перевод с английского "Алиса в стране чудес"⁴ (изд[ательство] "Гамаюн" [19]23 г., Берлин).

Он учился в Петербурге в Тенишевском училище. В 1920 г. поступил в Кэмбриджский университет и удачно его закончил. Был сначала на факультете зоологии, затем перешел на изучение романских языков, сдал экзамены на "отлично". Специально изучал старый фр[анцузский] язык. Получил звание В.А. (Bachelor of Arts). Если Вам еще нужны сведения, то сообщу их Вам.

Адрес моего сына:

8, rue Saigon, Paris X

Остаюсь глубоко уважающая Вас

Е. Набокова

Забыла упомянуть, что между 1923–1929 г. был ряд стихотворных переводов, некоторые появились в печати, из Louys, O'Sullivan, Musset, Shakespeare (2 сонета), Verhaeren, Musset, Ronsard, Lamartine, Brook (нап[ечатано] в сбор[нике] "Грани", в Бер-

¹ Важнейшим, видимо, является собрание и издание серии статей-эссе А. Бема по современной русской литературе и критической мысли, забытых в зарубежных русских газетах "Руль" (Берлин), "Молва" и "Меч" (Варшава) 30-х годов, осуществленное под заголовком "Письма о литературе" Славянским институтом в Праге в 1996 г.

² Рассказ "Нежить" опубликован в газете "Руль" от 7 января 1921 г., № 43, с. 3. На самом деле он не являлся первым печатным выступлением В. Набокова. Еще до своего отъезда из России Набоков успел за свой счет издать два самостоятельных стихотворных сборника – "Без названия" (СПб., 1914) и "Стихи" (Пг., 1916), и совместно с одноклассником из Тенишевского училища Андреем Балашовым – альманах "Два пути" (Пг., 1918). Первым отдельно печатавшимся стихотворением Набокова автор набоковской библиографии А. Фильд считает стихотворение "Лунная греза", появившееся в петроградском "Вестнике Европы" в июле 1916 г. [6].

³ Стихотворный сборник "Горний путь" был издан берлинским издательством "Грани".

⁴ Перевод публиковался под заголовком "Аня в стране чудес".

лине) [7], Keats, Byron, Tennyson, Lamb[ерт]⁵. Написано 3 пьесы: "Человек из СССР" (шедшая в Берлине, в [19]26 году, точно не помню), "Событие", данное в Париже и Праге, и "Изобретение вальса" (пойдет в Париже), была переведена еще и на чешский. Появилась в "Чешском слове"⁶. Некоторые романы переведены на нем[ецкий], фр[анцузский], англ[ийский] языки. Камера. "Обскура"⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литературный архив "Памятник литературной письменности". Фонд А.Л. Бема. К. 6. Прага.
2. Nabokov V. Speak Memory. An Autobiography Revisited. 1982. С. 40.
3. Bubeníková M., Vachalovská L. Alfréd Ljudvigovič Bém (1886–1945?). Bibliografie. Praha, 1995.
4. Dandová M. Alfréd Ljudvigovič Bém (1886–1945). Literární pozůstalost. Praha, 1985..
5. Ottův slovník naučný nové doby. Dodatku. D. 5. Sv. 2. Praha, 1939. S. 1251.
6. Field A. Nabokov. A Bibliography. McGraw–Hill, 1973.
7. Грани. 1922. № 1. С. 211–232.

---

⁵ Pierre Louis Louys (1870–1925) – французский поэт; Seumas O'Sullivan – данные о нем нам не удалось выяснить; Emile Verhaeren (1855–1916) – бельгийский поэт, драматург и эссеист; William Shakespeare (1564–1616) – английский драматург и поэт; Alfred de Musset (1810–1857) – французский писатель; Pierre Ronsard (1525–1585) – французский поэт; Alphonse de Lamartine (1790–1869) – французский поэт; Rupert Brook (1887–1915) – английский поэт; John Keats (1795–1821) – английский поэт; George Gordon Noel Byron (1788–1824) – английский поэт; Alfred Tennyson (1809–1892) – английский поэт; Louis Simon Lambert (1815–1868) – провансальский, французский поэт. Подробнейшую информацию о стихотворных переводах В. Набокова дает выше упоминавшаяся библиография А. Фильда. Из числа поэтов, переводимых по свидетельству матери В. Набокова, в ней не упоминаются имена Р. Louys, E. Verhaeren, A. Lamartine, L. Lambert. Но присутствуют Ch. Baudelaire (1821–1867); A. Rimbaud (1854–1891); отрывки из "Гамлета" В. Шекспира; пролог к "Фаусту" Гете (1749–1832). "Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 гг." (Boston, 1970), составленная Л. Фостер, упоминает только о прозаических переводах В. Набокова (L. Carroll, R. Rolland).

⁶ О драматургическом творчестве В. Набокова см. более подробно в библиографии А. Фильда, с. 124–125. Публикацию драмы в прозе "Изобретение вальса" в чешской газете "Чешское слово" ("Česke slovo") найти не удалось, она не упоминается в славянской библиографии Славянского института в Праге.

⁷ По 1939 г., когда было, видимо, отправлено письмо Е. Набоковой, были изданы на иностранных языках следующие прозаические произведения В. Набокова: "Машенька" – на немецком, "Король, дама, валет" – на немецком и чешском, "Защита Лужина" – на французском, "Соглядатай" – на французском. "Camera obscura" – на французском, шведском, чешском и английском, "Отчаяние" – на английском и французском языках. В отношении публикации романа "Camera obscura" на чешском языке А. Фильд пишет, что публикация осуществилась в газете "Чешское слово" в 1935 г., но ему не удалось выяснить точные данные. Как нам удалось установить, роман публиковался в газете в 44 частях с 20 ноября 1934 г. по 31 января 1935 г. под названием "Temna komora" ("Темная камера") в переводе К. Значковской.

© 1998 г. ГОРЯИНОВ А.Н., РОБИНСОН М.А.

ШЕСТЬ ПИСЕМ А.Л. БЕМА И О А.Л. БЕМЕ

На долю Альфреда Людвиговича Бема – литературоведа, библиографа и педагога, по характеристике его товарища-эмигранта Д.И. Мейснера, "самоотверженно служившего молодым дарованиям маленького хромого человечка" [1], вклад которого в науку в настоящее время получил высокую оценку [2], выпала трудная жизнь, закончившаяся трагической и до сих пор остающейся под покровом тайны гибелью.

Биографические сведения об А.Л. Беме, в отличие от библиографии его работ [3], еще не собраны и страдают фрагментарностью. Стараясь в минимальной степени использовать уже опубликованные данные, сообщим то неизвестное, что удалось разыскать в архивах.

А.Л. Бем родился 23 апреля 1886 г. в Киеве в семье прусских подданных [4. Л. 2]. Еще будучи студентом-филологом Петербургского университета, он с 1910 г. работал в Библиотеке Академии наук. В начале февраля 1911 г. Бем, придерживавшийся левых социалистических взглядов и пользовавшийся большим авторитетом в Киевском студенческом землячестве [5], за участие в студенческих волнениях был исключен из университета и выслан в Киев. Об этом он и сообщал академику А.А. Шахматову 21 февраля: "Получил сегодня свидетельство и документы. Пересылаю вид на жительство и заявление об отобрании входного билета". Из письма видно, что Бем особо ценил отношение к себе Шахматова: "Большое спасибо за все, Алексей Александрович, особенно за то, что укрепили бодрую веру в будущее – спасибо" [6. Л. 4].

В связи со сложившейся в университете обстановкой небезынтересно письмо А.А. Шахматова коллеге и другу, академику Ф.Е. Коршу. Письмо не датировано, отправлено в день получения письма от Корша от 12 февраля и скорее всего написано 13 или 14 февраля. Это письмо во многом объясняет не только особый интерес Шахматова к дальнейшей судьбе Бема, но и свидетельствует о научной одаренности молодого ученого, его успехах и в тех областях филологии, которыми Бем впоследствии не занимался. Шахматов, авторитетнейший член Совета университета, в сложившейся обстановке был готов подать в отставку [7]. Он очень болезненно реагировал на массовые исключения, возмущаясь "преступною деятельностью правительства и преступным бездействием университетских властей". "В пору бежать из университета, – писал Шахматов, – но не в виде протеста против Столыпина и Кассо¹, а для

Горяинов Андрей Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Робинсон Михаил Андреевич – канд. ист. наук, заведующий научным Центром Института славяноведения РАН.

¹ Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – министр народного просвещения (1910–1914). Все годы его министерства были отмечены гонениями на студенчество, либеральную профессуру, университеты и высшие учебные заведения в целом.

того, чтобы в качестве члена Совета не быть ответственным (морально) за преступное бездействие, повлекшее за собой несчастье для многих десятков юношей. Среди них – отличные студенты; один из них – Бем – мой ученик прямо выдающийся (сужу по его синтаксическим наблюдениям над Новгородской 1-й летописью). Басня, распространяемая Меньшиковым² и т.п., что забастовала неучащаяся молодежь, основывается на полном незнании студенческой среды" [8].

О серьезности проблем, возникших у Бема весной 1911 г. после исключения из университета, говорит его просьба, обращенная к Шахматову 24 марта уже из Киева:

"Меня постигла новая неприятность: вчера получил предписание о немедленном выезде из Киева. Оказывается есть такой циркуляр Департамента Полиции (от 14 ноября 1909 г.), по которому всем высланным из столицы запрещено жить в Киеве. Хочу начать хлопоты у местного губернатора о разрешении жить в Киеве, но, вероятно, до снятия высылки из Петербурга ничего не выйдет. Может быть, можно получить от имени Академии бумагу, в которой указывалось бы, что мною начата работа при журнале и окончание ее требует наличности крупных книгохранилищ, каковыми здесь являются университетская и библиотека Духовной Академии.

Только об одном прошу, Алексей Александрович, если почему-либо это неудобно, то оставьте так. В конце концов я мало верю, чтобы сейчас можно чего-нибудь добиться" [6. Л. 2, 3].

Не вызывает сомнений, что Бем не остался без поддержки – заступничество за пострадавших от властей студентов и молодых ученых вообще было характерно для А.А. Шахматова [9]. Бем остался в Киеве и продолжал сотрудничать в библиографических изданиях Академии наук и академической библиотеки [10. Л. 1].

Весной 1912 г. А.Л. Бему удалось сдать государственные экзамены в Петербургском университете, но оставлен при университете он был (без стипендии) лишь с 21 декабря 1918 г. [4. Л. 4]. 4 июля 1912 г., во время летнего отдыха в Киеве, Бем был арестован и заключен в Лукьяновскую тюрьму. Об аресте Бема Шахматову сообщил А.С. Грузинский (письмо № 1), студент, оставленный на кафедре русского языка и словесности Киевского университета "для приготовления к профессорскому званию", и, так же как Бем, выполнявший работу для библиотеки Академии наук [11]. Письмо можно предположительно датировать началом десятых чисел августа, так как Шахматов его процитировал в письме В.И. Срезневскому от 15 августа. «Получил из Киева от А.С. Грузинского письмо, – сообщал Шахматов, – с неприятными известиями об А.Л. Беме. С 8-го июля он находится в тюрьме – "и, по-видимому, это продлится не менее, чем до 28 сентября". Он просил Грузинского сообщить Вам и мне, что *он не может вести работу по описанию книг Елизаветинского времени* (выделено автором письма. – А.Г., М.Р.)» [11]. Спустя три месяца Бема освободили, но судебное следствие продолжалось, и до поздней осени Альфред Людвигович был лишен возможности выехать в Петербург [13. Л. 22–23 об.]. Как видно из писем будущей жены А.Л. Бема Антонины Иосифовны Омельяненко его другу Аркадию Семеновичу Искозу, позднее принявшему фамилию Долинин (о нем см. [14]) (эти письма хранятся в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в фонде 1304, часть одного из них публикуется ниже, см. № 2), Бема пытались уличить в каких-то незаконных политических акциях. Его вину установить не удалось, и в конце 1912 г. Бем стал ответственным секретарем издававшегося в Петербурге "Обозрения трудов по славяноведению", возобновив одновременно работу в академической библиотеке.

Последующие несколько лет были, по-видимому, самыми благополучными в жизни ученого. У А.Л. Бема сложились прекрасные отношения с директором I отделения Библиотеки АН А.А. Шахматовым и своим непосредственным начальником, заведующим Рукописным отделением, членом-корреспондентом Академии наук В.И. Срезнев-

² Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919) – публицист крайнего, консервативно-националистического направления, один из ведущих сотрудников "Нового времени", расстрелян большевиками.

ским (о нем см. [15]), со многими другими сотрудниками и среди них, в частности, с ближайшим и верным другом Срезневского Натальей Алексеевной Вукотич (им адресованы письма № 3–5, в том числе письмо самого А.Л. Бема), а также с работником Рукописного отделения Федором Ивановичем Покровским (о них см. [16]).

Как-то в начале лета 1914 г., находясь в Киеве, где он совмещал отпуск с хлопотами по делу арестованного "за политику" брата, А.Л. Бем в письме В.И. Срезневскому сделал зарисовку своего рабочего утра в библиотеке. «Нередко вспоминаю Рукописное, – писал он, – и, право, временами предпочел бы сидеть по утрам за своим "столом" с беспорядочно разбросанными книгами и бумагами, загроможденным ящиками, слышать, вернее, чувствовать, справа от себя неслышное присутствие Ф[едора] И[вановича], за собой то удаляющиеся, то приближающиеся Ваши шаги и изредка недовольный чем-то голос Нат[альи] А[лексеевны], но только изредка, т.к. больше люблю ее спокойный голос, когда она выпроваживает из Академии после 4-х, но так выпроваживает, что никак нельзя уйти» [10. Л. 11–12]. А спустя двадцать лет, в декабре 1934 г., Альфред Людвигович писал тому же Срезневскому, что за долгие годы понял: он "был страшно избалован" "благожелательностью и любовной помощью в работе" со стороны Срезневского и Шахматова [10. Л. 53–53 об.].

29 марта 1915 г. Бем обвенчался с А.И. Омеляненко [4. Л. 1], с которой прожил долгие годы, тяжело переживая вынужденные разлуки в годы гражданской войны (она – автор писем № 2–4).

Авторы статьи о А.Л. Беме в журнале "Вопросы литературы" И. Сурат и С. Бочаров совершенно справедливо отмечают большой вклад ученого в разработку вопросов литературных связей и изучения творчества Л.Н. Толстого [2. С. 68–69]. Кроме того, он активно участвовал в литературной жизни Петербурга, став инициатором создания кружка по литературным вопросам, собиравшегося по понедельникам на квартирах участников. Заседания кружка посещали начинающие литературоведы А.С. Долинин, Е.П. Казанович, В.Н. Княжнин и др. На них обсуждались доклады о творчестве Лермонтова, Достоевского, Тургенева, Чехова [17].

До сих пор осталась незамеченной такая важная сторона деятельности А.Л. Бема, как разработка вопросов теории и методики библиографии. Он был не только одним из составителей, заведующим отделом и ответственным секретарем "Обозрения трудов по славяноведению" – крупнейшего библиографического издания Академии наук (см. [18]), но и выдвинул в 1915 г. теоретически обоснованный план преобразования этой библиографии [19], а в годы эмиграции разработал проект создания нового международного указателя славянской литературы [20]. Что же касается составленных Бемом указателей литературы о Л.Н. Толстом (см. [21]), то по крайней мере один из них – обзор печатных и рукописных библиографических работ о писателе [22] – вошел в историю русской библиографии как "попытка теоретического осмысления некоторых вопросов персональной библиографии", где автор "высказал ряд соображений, интересных не только для конкретной персональной библиографии, но и гораздо шире" [23].

Февральскую революцию 1917 г. А.Л. Бем воспринял "радостно, бодро и уверенно". Он выступал на митингах, стал членом районного комитета самоуправления, участвовал в многочисленных заседаниях [13. Л. 54–55 об.]. Однако события лета 1917 г. в Петрограде и Киеве, а затем Октябрьский переворот нарушили привычный уклад жизни Бемов, лишили Альфреда Людвиговича душевного равновесия. Возвращаясь из летнего отпуска, который проводил под Киевом, он побоялся везти жену и двухлетнюю дочь в бурлящий Петроград, где предстояло пережить трудную зиму. Наступила разлука, прерываемая посещениями Бемом Киева в тяжелое время политической нестабильности, всеобщего хаоса и разрухи. В декабре 1917 г. А.Л. Бем ненадолго приехал в Киев, находившийся тогда под властью Центральной Рады, но не смог выехать из города своевременно и пережил там вместе с семьей трудные месяцы, когда за Киев шла ожесточенная борьба, закончившаяся в марте 1918 г. немецкой оккупацией. Отрезанный от Петрограда ученый вынужден был искать заработок и поступил в Министерство по великорусским делам [10. Л. 21–26 об.]. Здесь Бем, в

условиях "бешеной травли всего, связанного с русской культурой" [10. Л. 25 об.], занимался организацией комплектования, хранения и использования российских печатных изданий, публиковал небольшие статьи по вопросам литературы в "Бюллетене" министерства и других изданиях, хлопотал о создании "толстого" научного журнала, вокруг которого надеялся собрать людей, сочувствующих "идее воссоздания России" [10. Л. 27 об. – 28].

Летом 1918 г. А.Л. Бем вернулся в Петроград, т.е. вновь был вынужден оставить в Киеве семью и продолжать свои поездки на Украину. В конце июля 1919 г. Бем поехал к жене: у них должен был родиться второй ребенок [10. Л. 35–36 об.]. Спустя месяц Киев был взят войсками Добровольческой армии А.И. Деникина, Петроград в очередной раз оказался отрезанным от Киева.

В Библиотеку АН А.Л. Бем больше не вернулся: он эмигрировал и попал в Варшаву, а с 1922 г. обосновался в Праге. Работая здесь, ученый проявил себя в самых различных областях литературоведения и литературной критики. В Праге развернулась и его многогранная деятельность в области педагогики. Следы ее мы находим в пражском эмигрантском журнале "Русская школа за рубежом", где А.Л. Бем в 1920-е годы фигурировал как секретарь съездов деятелей русской школы за границей и избравшегося на них Педагогического бюро, а также активно выступал со статьями об эмигрантской и зарубежной школе и с рецензиями.

Наиболее значительных успехов А.Л. Бем достиг, как хорошо показали И. Сураг и С. Бочаров, в области достоевсковедения. Он не только сам стал в этом деле крупным специалистом, но и был входновителем и организатором создания международного научного центра по изучению творчества писателя [2. С. 71]. Надо отметить, что эта деятельность не осталась незамеченной в Советском Союзе. Мы процитируем несколько строк, очень характерных для науки начала 30-х годов и поэтому не требующих особого комментария, из раздела "Хроника" первого тома Трудов Института славяноведения, вышедшего под общей редакцией Н.С. Державина. В сообщении "Достоевский и русская эмиграция" утверждалось, что в Праге в «последние годы создался особый культ Достоевского. В эмигрантском русском "народном" университете в Праге организован специальный семинарий по изучению Достоевского, руководимый А. Бемом, причем этот семинарий публикует исследования о Достоевском в особых периодических появляющихся сборниках». Далее следовали краткое перечисление проблематики работ, опубликованных в различных периодических изданиях, и суровый вывод: «Увлечение нашей эмиграции Достоевским вполне понятно: она оторвалась от родины, не понимает и не может понять ее перерождения, переживает, по-видимому, период полного морального и политического разложения, и для нее, конечно, Достоевский может служить своего рода идеологом и идейным руководителем. Но совершенно непонятно то массовое кликушество, которым охвачена чешская и чешско-немецкая интеллигенция в Праге. Казалось бы, что чехи – в жизни отменные практики и реалисты могли бы разобраться, каким "тлетворным духом" веет от всего этого упадочного увлечения русской эмиграции Достоевским» [24].

О жизни А.Л. Бема в Праге – публикуемые письма № 3–6. Кроме последнего, все они хранятся в фонде Срезневского (РГАЛИ. Ф. 436). Там же находятся 38 интереснейших писем А.Л. Бема В.И. Срезневскому из Киева, Петрограда и Праги за 1910–1936 гг., которые сейчас подготовлены к публикации. Несколько подробнее следует сказать о письме № 6. Оно находится в личном архиве А.Н. Горяинова и, в отличие от других писем, написанных от руки, представляет собой машинопись с авторской правкой и личной подписью. Автором письма был известный историк-эмигрант А.В. Флоровский (о нем см. [25]), адресовано оно публикатору настоящих писем. Маститый ученый откликнулся таким способом на вопросы еще не искушенного слависта, заинтересовавшегося А.Л. Бемом в ходе работы над кандидатской диссертацией по истории библиографии русского славяноведения [26]. К сожалению, переписка продолжения не получила: подробно заниматься творчеством Бема в условиях СССР было невозможно. Сейчас известно несколько версий "исчезновения" в мае 1945 г.

А.Л. Бема. А.В. Флоровский упоминает одну из них, которая, по-видимому, была наиболее широко распространена в Праге. Другую версию, по свидетельству И. Сурат и С. Бочарова, излагает Е. Кускова. В тайну трагедии последних дней А.Л. Бема попытались проникнуть чешские исследователи [27], им удалось обнаружить некоторые новые документы по этому вопросу, но до разгадки истины еще далеко. В этой связи письмо А.В. Флоровского следует рассматривать и как еще одно свидетельство о трагедии А.Л. Бема, и как документ, который характеризует мужественную и принципиальную позицию его автора, не побоявшегося сообщить незнакомому советскому исследователю правдивую, но нежелательную в то время в Советском Союзе и Чехословакии информацию.

Письма публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации.

№ 1

А.С. Грузинский – А.А. Шахматову

Б/д

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Мне необходимо было давно уже написать Вам о большой беде, которая обрушилась на Альфреда Людвиковича, но до сих пор ничего нельзя было сказать определенного о размере этой беды – насколько она может отразиться на его будущем – на здоровье и работе. Дело в том, что с 8 июля он находится в заключении (в тюрьме) и, по-видимому, это продлится не менее, чем *до 28 сентября*, как сообщил он при свидании своей матери.

Самый лучший исход после этого, если ему разрешат поселиться в большом городе (в СПб., вероятно, будет трудно). Во всяком случае в настоящее время его положение очень скверно. Об этом, однако, он, по свойственной ему кротости, мало заботится. Главное же, о чем он просил написать Вам, это то, что *он не может вести работу по описанию книг Елизаветинского времени*.

А.С. Грузинский

ПФ АРН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 426. Л. 1–1 об.

№ 2

А.И. Омеляненко – А.С. Искозу³

[Киев, 12 VIII 1912]

Многоуважаемый Аркадий Семенович!

...Об Юре⁴ хлопотал отец, о Мише Альфред: посылал ему в участок обеды, в тюрьму передачу, раздобыл ему денег, словом, все делал, что полагается в таких случаях делать. Обыска Альфред ждал в начале, а затем совершенно успокоился. 8 июля к нему явились с обыском, нашли четыре отчета Красного креста⁵, арестовали, и вот он уже второй месяц сидит в Лукьяновской тюрьме. При обыске Альфред

³ В опущенной части письма сообщается о поисках автором адреса А.А. Искоза и об аресте 19–20 июня 1912 г. товарищей А.Л. Бема Юрия (Георгия) Пятакова и Михаила Коробейникова.

⁴ Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) – большевик, в 1910 г. был арестован, исключен из Петербургского университета и выслан. Вернулся в Киев, где активно участвовал в восстановлении партийной организации, стал членом ее городского комитета. В июне 1912 г. арестован, в 1913 г. приговорен к ссылке. После Октября 1917 г. – видный партийный и государственный деятель, расстрелян.

⁵ Имеется в виду так называемый политический Красный крест, объединявший нелегальные кружки и группы помощи политическим заключенным в России. Организация политического Красного креста действовала в разные годы под разными названиями.

сказал, что отчеты нужны для пересылки в архив Академии наук⁶. Жандарм, производивший обыск, сказал, что лишь эти отчеты и явились причиной ареста. Мы же все полагаем, что его арестовали бы во всяком случае, благодаря знакомству с Юрой. Брат мой, студент, тоже товарищ их школьный, избежал ареста только благодаря отсутствию из Киева, о нем справлялись; и за нашим домом, по слухам, как и за домом Пятаковых, на некоторое время была устроена слежка. У Юры были найдены прокламации [социал]-д[емократов], кажется, предвыборные. По всей вероятности, их всех рассчитывали сначала пристегнуть к одному делу. Теперь Юра числится за жандармским управлением и его, возможно, будут судить; Альфред и Миша за охранным, и их постигла административная высылка. Альфреду срок сидения продлен до 28 сентября. Обвинения ему никакого не предъявляют. Матери на свидании он говорил, что его с кем-то путают, просил разузнать, в чем дело. Кое-какие сведения собирались, и на вопрос, почему Бем сидит? ответили: "А, Бем, да так себе". Может быть, с приездом одной знакомой дамы удастся больше узнать. Альфред спокоен, бодр, занимается языковедением и даже педагогической деятельностью: учит своего случайного сожителя французскому языку. Мы все здесь боимся, чтобы его не постигла высылка. Думаю, большего не будет, т[о] е[сть] не будет ссылки, но и высылка из Петербурга и Киева для него будет тяжелой карой, т[ак] к[ак] вовсе оторвет его от работы и научной, и для хлеба насущного. Вот если бы в этом отношении что-либо сделать можно было бы для него. Вот, кажется, все, что сама знаю об Альфреде и его деле.

Альфред просит Вас выслать ему из канцелярии университета временное свидетельство для получения диплома. Это свидетельство, пишет он, ему необходимо. Перешлите его, пожалуйста, получивши, на мое имя. Далее, необходимо переговорить со Шляпкиным⁷, чтобы он зачел Альфреду в качестве дипломной работы ту часть сочинения, которая уже Шляпкину представлена, т[ак] к[ак] Альфред теперь не может к сроку доставить другой половины работы.

А.А. Шахматову надо передать или написать, что Альфред и для него не может исполнить взятой на себя работы, которую обещал закончить к сентябрю. Сначала думал было в тюрьме ее закончить, теперь же пришел к убеждению, что из этого ничего не выйдет.

Если что новое узнаем, сообщу Вам немедленно. Со всеми поручениями Альфреда по Петербургу, с Вашего разрешения, буду обра[ща]ться прямо к Вам.

А. Омеляненко.

Киев, Михайловская, 14, кв. 5.

ОР и РК РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 213. Л. 1-4.

№ 3

А.И. Бем – В.И. Срезневскому

[Киев], 16/VIII 1920 г.

Многоуважаемый Всеволод Измайлович, в течение этой недели получила два Ваших письма и никак не могу собраться с силами Вам ответить. Я и сама не знаю, что с А[льфредом] Л[юдвиговичем], где он, жив ли. У меня есть лишь одни предположения. Знаю, что еще в ноябре, когда здесь были добровольцы, А[льфред] Л[юдвигович] по делам должен был уехать на юг. С тех пор я не имею о нем никаких сведений. Киев вскоре был занят сов[етскими] войсками и мы, очевидно, оказались отрезанными. Я этой мыслью успокаиваю себя. Если он уберется от тифа, он застрял

⁶ Речь идет о Библиотеке Академии наук, которой было предоставлено право собирать и хранить нелегальные и запрещенные в России издания.

⁷ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – историк литературы, палеограф, книговед, профессор Петербургского университета.

где-либо на Кавказе или в Крыму. Я даже не знаю, где именно он может быть, надо полагать, что он пытался пробраться к нам обратно. От него я за все время не получила ни одной строчки. Я чаще всего относительно спокойна потому, что не остается ни минуты времени в моем распоряжении, чтобы подумать о судьбе близкого человека. Жизнь такая стала трудная, все силы уходят на борьбу за полуголодное существование при всем нашем киевском изобилии. По причине ли этого нравственного отупения, или потому, что в моем положении в Киеве тысячи людей – и смотришь, то один, то другой возвращаются по мере продвижения большевиков на юг, – но я, повторяю, относительно спокойна. Как вас там Бог хранит? Мой сердечный привет Наталье Алексеевне. Будьте здоровы, да хранит всех Вас судьба.

А. Бем

РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2580а. Л. 1–1 об.

№ 4

А.И. Бем – Н.А. Вукотич

[Збраслав] 4 февр[аля] 1924

Многоуважаемая Наталья Алексеевна, давно Альфред Людвигович убеждает меня написать Вам вместо него, но я никак не решусь, хотя мне и легче, чем ему. Ваше письмо доставило ему много и глубокой радости, и большого волнения. Он и садился за ответ, но трудно отсюда писать и так, к[ак] хочется, и то, что хочется. Я в конце концов свела всю мою переписку с родными к осведомлению их о мелочах жизни моих детей. Попробую и Вам написать о том же. В октябре год, как мы приехали сюда. Много мы, собственно дети, внесли и беспокойства, и беспорядка, но и радости в жизнь Альфреда Людвиговича. Ируше было 4 года, Тане 3 месяца, когда уехал Альф[ред] Людв[игович]. Сейчас Ирине скоро 8 л[ет], Тане 4 1/2 г[ода]. Знакомиться с обеими приходилось заново. Но с детьми А[льфред] Л[юдвигович] ведь быстро умеет освоиться, и теперь они большие друзья. И игра и всякое занятие с отцом для обеих – величайшее удовольствие. Живем мы под Прагой, в часе езды от нее. Работает А[льфред] Л[юдвигович] много, устает и от самой работы, и от поездок страшно. Основная его работа педагогическая – ведет занятия в чешском унив[ерситете] русским языком, читает общий курс русской литературы в Пед[агогическом] инст[итуте]⁸. Если не считать последнего, то научно работает мало, нет ни времени свободного, ни подходящей обстановки. Разбрасывается, по-моему, много и о своей прежней работе вспоминает к[ак] о недостижимом идеале. В значительной степени и мы виноваты в том, что он не может уделить времени любимой работе. Жизнь здесь, несмотря на крепкую валюту, а м[ожет] б[ыть] и благодаря ей, очень дорога, и приходится искать дополнительных заработков. Самое печальное то, что если и время есть, то трудно ему заняться, т[ак] к[ак] живем в двух комнатах, из кот[орых] одна кухня, т[ак] ч[то] собственно угла, где бы А[льфред] Л[юдвигович] мог спокойно поработать, нет. Здесь и кризис квартирный, да и уклад жизни такой, что люди дома не работают, почему нам, привыкшим к несколько иному укладу жизни, устроиться с нашей точки зрения хорошо – трудно. Внешне А[льфред] Л[юдвигович] изменился – похудел, постарел, принял более европейский вид, хотя к парикмахеру систематически ходить и здесь не научился. Внутренне остался тем же, несколько только стал увереннее в себе, к людям более снисходительным, жизнерадостным по-прежнему. Я иногда удивляюсь, глядя на него, каким он делается ребенком, когда он с детьми. Недаром к нему тянутся не только свои дети, но и чужие. Я безвыездно сижу в

⁸ Имеется в виду Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского. Часть лекционного курса была опубликована А.Л. Бемом в 1923 г. [28].

Збраславе с ребятами, с ними никуда не пойдешь, а без них тоже никуда не уйдешь, не на кого оставить. Стряпня и уборка отнимают много сил и времени и мало дают удовлетворения, тем более, что удобства те же, что в самом захолустном уездном городишке, только без нашего простора – ни водопровода, ни отлива, ни сарая. Переехать же в Прагу нельзя – ни квартиры не найти, да и плохо там для детей: много фабрик и заводов, целый день туман от дыма, копоти во много раз больше, чем было в довоенном Петербурге, вот и маемся в надежде на скорое возвращение. Передайте наш привет Вс[еволоду] Изм[айловичу]. Я, когда была в Питере, заходила в В[севолоду] И[змайловичу] на Набережную, его еще не было, и вторично не выбралась, т[ак] к[ак] всего дня 3–4 пробыла в Питере и хлопотала себе и визы, и проездной билет. А[льфред] Л[юдвигович] был очень огорчен, что я не увидела Вс[еволода] Изм[айловича], и мне досадно было.

На всякий случай наш адрес: Zbraslav u Prahy, č. 117, pani Ponkova.

Простите за нескладное письмо. Уважающая Вас Ваша Антонина Б.

РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 3097. Л. 1–2.

№ 5

А.Л. Бем – Н.А. Вукотич

Прага, 24 мая 1935

Дорогая Наталья Алексеевна,

меня беспокоит отсутствие всяких вестей от Всеволода Измайловича. Со времени Вашего январского письма, когда Вы писали о его тяжелом состоянии⁹, я ничего ни от него, ни от Вас не получал. Я, помнится, тогда же немедленно отозвался открыткой. Хочется верить, что отсутствие писем скорее говорит за то, что сравнительно все благополучно. Все же дайте мне знать хоть открыткой, а то что-то на душе неспокойно, все последнее время думаю и вспоминаю о Всеволоде Измайловиче, таком дорогом мне и близком. Знаете, дорогая Наталья Алексеевна, как это ни странно, но со времени моего отъезда у меня не завязалось собственно никаких личных отношений. Живем мы душевно очень одинокими, и все лично дорогое и близкое в прошлом. Поэтому так волнует каждое письмо от Всеволода Измайловича, с которым рвется моя последняя связь с этим прошлым.

Живется нам хотя и туговато, но жаловаться все же было бы грешно. Я много эти годы работал и – для условий, в которых эта работа протекает, – все же кое-что успел сделать. Конечно, осуществить удалось только немного из того, о чем мечталось, но с этим приходится мириться. Я частенько завидую своим товарищам по годам учения, которые успели сделать за эти годы больше моего, оставаясь на месте. Думал, что еще до лета выйдет моя книга "У истоков творчества Достоевского" [30], которую посвящаю своим учителям, в частности и Вс[еволоду] Изм[айловичу], м[ожет] б[ыть], он немножко и за меня порадуется. Его верой в меня и в мои возможности, я, в сущности, жил и работал. Я сильно за эти годы сдал. Болезнь печени, которая определилась уже здесь, дает себя сильно знать и подтачивает мои силы. В прошлом году пришлось спешно отправляться в Карловы Вары (Карлсбад), чтобы несколько себя подправить. Нынче поеду туда же на август месяц. Жена очень устает от хлопот и забот по хозяйству. Прислуги нет и все приходится делать самой. Девочки мои уже совсем большие. Ирина, старшая (говорят, красавица), сейчас сдает выпускные экзамены и в будущем году поступает в университет. Она кончает французскую

⁹ Тяжелая болезнь настигла В.И. Срезневского в декабре 1934 г. 2 марта 1935 г. Н.А. Вукотич сообщала В.Д. Бонч-Бруевичу, что он "вот уже три месяца не встает с постели и вчера в первый раз ему позволили посидеть. Болезнь его произошла от сильного ушиба бедра" [29].

гимназию и радуется меня своим интересом и вкусом к литературе. Чтобы они не отрывались от русской культуры, я с ними (с целой группой детей, в том числе с сыном Лосского¹⁰ Андреем, с к[от]р[орым] живу в одном доме, Мария Николаевна Стоюнина¹¹ еще здравствует и радуется нас своей душевной бодростью), занимаюсь русской литературой. Как раз сегодня проходили "Мертвые души". Младшая моя, Таня, в той же французской гимназии, в пятом классе. Несмотря на иностранное окружение, они страшно тянутся ко всему своему и очень гордятся всем своим. Но плохо себе представляю, как бы они себя почувствовали, если бы можно было вернуться. Вероятно, все же разница психологии большая.

Не знаю, почему при всей любви и душевной близости к Вам и Всеволоду Измайловичу так редко пишется. Я иногда думаю, что именно оттого, что очень по больному месту приходится каждое припоминание, связанное с перепиской. И все же это нехорошо. Надо бы чаще давать о себе знать и поддерживать общение хотя бы открытками – ну раз в месяц. Передайте Всеволоду Измайловичу, что люблю его и дорожу его добрым ко мне чувством больше, чем многим и многим дорогим мне. Буду с нетерпением ждать от Вас весточки о нем и о Вас самих. Будьте здоровы и душевно благополучны. Если меня Леля¹² помнит еще, кланяйтесь ей, впрочем, и без того кланяйтесь. Передайте также привет А[ндрэ] Фадеевне и ее мужу. Жена просит кланяться.

Сердечно Ваш А. Бем

РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 3097а. Л. 1–2.

№ 6

А.В. Флоровский – А.Н. Горяинову

[Прага, 12 VI, 1967]

Глубокоуважаемый коллега.

Простите великодушно, что я несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Я ждал сообщения от дочери А.Л. Бема для того, чтобы получить что-либо конкретное для передачи Вам. Сейчас я получил уже предварительный ответ от Ирины Алексеевны Голиковой, дочери Альфреда Людвиговича (он принял в последние годы православие и стал называться Алексеем Федоровичем). Старшая дочь его живет в городе Кралов Градец (Hradec Králové), где преподает, ее муж – инженер-агроном. Пока И[рина] А[лексеевна] ничего положительного мне не написала, но проявила очень живую радость, что наконец есть сейчас возможность прервать тяжкое молчание вокруг темной судьбы А[льфреда] Л[юдвиговича]. Здесь господствует мнение, что он уже умер, может быть, лишил себя жизни (выскочил из окна) после того, как был в мае 1945 г. лишен свободы. Но положительных сведений об этом нет. Во всяком случае вот уже 22 года прошло, а о нем нет никаких сведений. Таким образом, известная Вам работа Бема от 1944 г. [31], видимо, последнее, что он мог издать. Вы, конечно, знаете списки его работ до 1930 г. – с одной стороны, они имеются в книге Weingart, Slovanski filologi na Universitě Karlově. Praha, 1929, с другой – в белградских русских "Материалах для библиографии русских научных трудов за рубежом", т. 1. Белград, 1931, второй том вышел в 1939 г., но весь его склад погиб при первой же бомбардировке Белграда, так что книга эта очень редка. У нас в Праге ее нет, но,

¹⁰ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, в 1922 г. выслан из России, до 1945 г. жил в Чехословакии, затем профессор Русской духовной академии в Нью-Йорке.

¹¹ Стоюнина Мария Николаевна (1846–1940) – теща Н.О. Лосского, педагог, директор частной женской гимназии в Петербурге, затем жила в эмиграции в Чехословакии.

¹² Леля – дочь Н.А. Вукотич.

кажется, в Ленинграде имеется ее микрофильм. А после 1945 г., в условиях предположений о столь страшной судьбе А[льфреда] Л[юдвиговича], о нем до сих пор никто в печати и не промолвил. Сейчас здесь готовится "Словарь славистов в ЧССР" [32] к конгрессу славистов, что будет в 1968 г. в Праге, там будет краткая справка и об Беме.

Вот пока все, что я мог бы Вам сообщить. Я подсказываю Ирине Алексеевне Голик (так в письме. – А.Г., М.Р.) войти непосредственно с Вами в переписку¹³, может быть, она бы смогла Вам сообщить что-либо более основательное, я сам прошу ее прислать мне для просмотра имеющийся у нее материал. Увидим.

С наилучшими пожеланиями

А. Флоровский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мейснер Д.* Миражи и действительность. М., 1966. С. 221.
2. *Сурат И., Бочаров С.* Альфред Людвигович Бем // Вопросы литературы. 1991. № 6.
3. *Vubeníková M., Vachalovská L.* Alfréd Ljudvigovič Bém (1886–1945?). Bibliografie. Praha, 1995.
4. Архив Санкт-Петербургского университета. Личный стол. Оп. 3. Св. 8. Д. 256. Л. 2.
5. *Анцифиоров Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 188, 192.
6. ПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 118.
7. *Робинсон М.А.* А.А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 2.
8. АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 367. Л. 397 об.
9. *Робинсон М.А.* А.А. Шахматов и молодые ученые // Русская речь. 1989. № 5.
10. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2580.
11. ПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 963. Л. 92.
12. ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 3038. Л. 52.
13. ОР и РК РНБ. Ф. 1304. Д. 23.
14. *Трофимов И.Т.* Писатели Смоленщины: Биобиблиографический справочник. Смоленск, 1959; *Туниманов В.А.* Дон Искоз // *Долинин А.С.* Достоевский и другие. Л., 1989; *Долинин А.А.* Долинин // Русские писатели, 1800–1917: Биобиблиографический словарь. М., 1992. Т. 2.
15. *Копанев А.И.* В.И. Срезневский – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1973. Т. 3; *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь.* М., 1979; *Книговедение: Энциклопедический словарь.* М., 1982.
16. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. Л., 1964.
17. ОР и РК РНБ. Ф. 326. Д. 168. Л. 2–5.
18. *Горяинов А.Н.* Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX – начала XX века // Труды Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1963. Т. 7.
19. *Бем А.Л.* Библиография славяноведения // Библиологический сборник. СПб., 1915. Т. 1. Вып. 1.
20. *Бем А.Л.* Задачи славянской библиографии // Congrès International des bibliothécaires et des Amis du livre tenu a Prague... Prague, 1928. Т. 2.
21. *Кандель Б.Л., Федюшина Л.М., Бенина М.А.* Русская художественная литература и литературоведение: Указатель справочно-библиографических пособий. М., 1976.
22. *Бем А.Л.* Из истории изучения Толстого: Толстовские общества и их издательская деятельность // Обзор биобиблиографических работ о Толстом. Пг., 1916 (библиологический сборник. Т. 1. Вып. 2.).

¹³ От И.А. Голиковой письма получено не было. В настоящее время, как сообщила А.Н. Горяинову М. Бубеникова, и И.А. Голиковой, и ее сестры Т.А. Рейзер-Бем (1919–1985), автора интереснейших воспоминаний о жизни семьи Бемов и русской колонии в Праге (см. [33]), нет в живых.

23. *Машкова М.В.* История русской библиографии начала XX века (до Октября 1917 г.). М., 1969. С. 273.
24. Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 531–532.
25. *Папуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
26. *Горяинов А.Н.* Из истории русского славяноведения: К вопросу об историографическом значении русских указателей славяноведческой литературы конца XIX – начала XX в. М., 1972.
27. *Бубеникова М., Вахаловска Л.* Из писем о литературе А.Л. Бема // Славяноведение. 1993. № 4.
28. *Бем А.Л.* Лекции по истории древней русской литературы (до половины XVII в.). Прага, 1923.
29. ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 252. Ед. хр. 51. Л. 11.
30. *Бем А.Л.* У истоков творчества Достоевского. Прага; Берлин, 1936.
31. *Бем А.Л.* Церковь и русский литературный язык: Доклад, сделанный в заседании Русского научно-исследовательского объединения в Праге. Прага, 1944.
32. *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760.* Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.
33. *Рейзер Т.А.* Украденное счастье // *Ruská a ukrajská emigrace v ČSR v letech 1918–1945.* (Sborník studií 2–3). Praha, 1994–1995.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 4

Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie v biografické údaje autorech). Praha, 1996.

Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах)

Читать библиографии не принято. В них ищут информацию, ими "пользуются". Но в данном случае именно внимательно читая, изучая рецензируемое издание, можно глубже понять судьбы эмиграции в Чехословакии, и не только в Чехословакии.

Авторы этого фундаментального труда, ученые-библиографы Славянской библиотеки в Праге З. Рахункова и М. Ржегакова, в "Предисловии" излишне скупы на слова, обрисовывая содержание своего труда: "5 294 статей, из них 3 985 посвящены трудам почти 1250 отдельных авторов и 439 – периодическим изданиям. Библиография состоит из пяти разделов: 1) работы отдельных авторов; 2) периодические издания (газеты, журналы, сборники); 3) продукция издательств, учреждений, организаций и политических партий (853 новых названия и многократно большее количество ссылок к статьям в других разделах. – И.С.); 4) varia (26 статей. – И.С.); 5) заграничные издания, напечатанные в Чехословакии (19 статей. – И.С.). Статьи снабжены ссылками, которые делают возможным многоцелевой поиск. Абсолютное большинство названий проверено de visu; не проверенные ... представлены в библиографии, скорее, как исключения..." (S. XIV). Не более многословен автор "Введения" и биографических справок И. Вацек. И даже с нашими дополнениями (см. выше) эти разделы дают далеко не полное представление о подлинном богатстве издания.

Прежде всего, авторы лишь вскользь упомянули, что ими приводятся справки не

только об авторах, но и характеристики деятельности большей части издательств и организаций, которые что-либо выпускали. Авторами охвачено 124 украинских, 121 русских и девять белорусских институтов, у которых обнаружены издания, выпущенные с их "грифом" или без приведения издателя, но издатель которых выяснен по другим источникам. Причем в это число не входят ссылки на подразделения отдельных организаций, продукция которых сведена под одно заглавие, а также ссылки на изменения названий, используемые сокращенные или неточные названия и т.д. Число названий, таким образом, возросло бы еще на несколько десятков. Следовательно, даже по данной позиции эта библиография превосходит наиболее полные списки звеньев эмигрантской "инфраструктуры".

Но, что гораздо важнее, о большей части указанных в книге институтов даются основные сведения: о времени их возникновения (реже – о времени прекращения их деятельности, но это понятно, так как многие эмигрантские начинания "угасали" постепенно и никакого формального конца и не было), основных целях, лидерах. Чисто библиографическая часть позволяет через отсылки к авторской части и части о периодических изданиях выявлять кто, где и когда публиковался, устанавливать "гнезда" деятельности, сложнее переплетение связей; показывает недостаточность видения только сквозь призму жестких схем национальных, политических, религиозных делений.

Несомненную ценность представляет и

список использованной литературы (711 позиций), который свидетельствует не только о тщательности проверки данных: более чем вероятно, что всякий, занимающийся после-революционной эмиграцией из России, там найдет хоть несколько названий полезных трудов, которые ускользнули от его внимания.

Думаю, что сказанного достаточно, чтобы привлечь внимание к рецензируемой библиографии самого широкого круга исследователей. Но подлинная уникальность этого фундаментального труда заключается в определении задачи, полноте и точности ее исполнения.

Авторы отталкивались от чисто формального определения эмиграции, в принимающих странах, как правило, воспринимавшейся как "русская". Эмиграция вообще, чрезвычайно сложная по национальному и политическому составу "русская" эмиграция в особенности, изобилуют взаимными "отлучениями", и хотя в литературе об эмиграции большая часть из них снята, а эмиграция воспринимается в своей противоречивости, тем не менее кое-что остается и теперь под запретом. К тому же возникают новые "водоразделы", и эмиграция изучается фрагментарно. Применение чисто формального принципа снимает перегородки между разными группами эмиграции, вписывает их в единую картину, которая дает возможность по-новому взглянуть и на действительные различия.

В небольшом материале "по поводу" невозможно проанализировать весь громадный материал и приходится ограничиться лишь указанием на некоторые возможные направления анализа. В связи с определением эмиграции, принятым авторами, укажем лишь на следующее:

Десять десятков литературы об эмиграции рассматривает лишь (национально) русскую или украинскую эмиграцию, причем некоторые имена встречаются в литературе по той и другой эмиграции без оговорок, что тот или иной "согрешил", "путаясь", соответственно, с украинской или русской эмиграцией. Благодаря тому, что авторы включили не только печатные издания, но и литографированные, даже машинописные, попавшие в общедоступные книгохранилища, т.е. громадный пласт "самиздата", порожденный в эмиграции не политическими, а в основном экономическими условиями, но который, как и более поздний самиздат, доходил до своего читателя, они расширили круг лиц, охваченных исследованием, а благодаря целостности обследования всей эмигрантской продукции и последовательности

системы ссылок, связывающих авторов с участием в организациях и периодических изданиях, библиография позволяет перейти от изучения связей отдельных лиц в плане биографическом к изучению механизмов подобных связей – в плане социологическом.

Авторы взяли на себя неблагодарную задачу определения национальности авторов, и уже в этом проявляется зыбкость границ между национальными группами эмиграции. Какой критерий взять за основу? Полтава находится на Украине, но полтавский уроженец Тукалевский причислен без сомнений к русским, полтавский уроженец Беседовский определен как русский политик украинского происхождения. Но Марковы, отец и сын, уроженцы (украинского, польского, австро-венгерского?) Львова, причислены – отец к украинцам, сын – к русским, хотя оба принадлежали к четко выраженной прорусской партии "галичан". В этом случае не функционален и языковый принцип. Иногда его действительно трудно применить. Например, сын М.Н. Туган-Барановского (известного "легального марксиста", несомненно татарского происхождения, считавшегося всю жизнь русским экономистом, но в 1917 г. вошедшего в правительство Центральной рады и начавшего учить украинский язык, считая, что самостоятельная Украина может противостоять большевикам) печатался по-французски.

Русские националисты, вероятно, обвинят авторов библиографии в "украинском уклоне". Но это неверно. Их можно упрекнуть лишь в том, что они следовали традиции эмигрантоведческой литературы и попытались определить национальность авторов, хотя национальность, во всяком случае для значительной части эмиграции, не была задана, она избиралась, и выбор менялся в зависимости от многих и весьма разнообразных условий.

Прежде чем вернуться к кардинальному для истории эмиграции вопросу об отношении русской и украинской эмиграции, продемонстрируем этот факт на ряде других примеров. Э. Чегринцева, русская поэтесса, урожденная Цегоева; ее брат также проходит как русский, но хотя с оговоркой, что по происхождению он – осетин. С. Гольдельман определен как еврейско-украинский общественный деятель, социолог и экономист, но В. Жаботинский назван "русским писателем и публицистом, видным деятелем сионистического движения". Айолло отнесен к грузинским общественным деятелям, но публиковался по-русски и по-украински и, кажется, грузинской эмиграцией (с

центром в Париже) не признавался. Из деятелей Калмыцкой комиссии культурных работников, поименно вошедших в библиографию, Б.Н. Уланов указан как "калмыцкий культурный работник", (но Уланов был председателем не только названной комиссии, но и объединенного комитета обществ Дона, Кубани и Терека. Чем уж не казачий деятель!), Балинов – как "калмыцко-казачий деятель", а Котвич оставлен так вообще без характеристики.

Это не сугубая критика авторов библиографии, изначально стоявших перед неразрешимой задачей. Но их подход к вопросу – формальные критерии и совершенно исключительная тщательность выполнения и полнота охвата материала – предоставляет возможность такой критики на ими же собранном материале. Следуя за исследователями, авторами ценных монографий и синтетических опусов, они ввели в свое описание противоречивую характеристику, но это не повлияло на их отбор материала, проведенный подлинно *sine ira et studio*, чего в некоторых "научных" трудах мы, к сожалению, часто не находим. Почти все критические замечания мы можем черпать из анализа самой библиографии. Вряд ли можно желать большего.

Вернемся к центральному для эмиграции вопросу об отношениях русской и украинской эмиграции. Уникальный, прежде всего по своей полноте, материал, позволяет сформулировать ряд гипотез, например, о существовании "промежуточных" групп. В специфических условиях Чехословакии это – казаки и галичане, а также карпатоссы. Говорить здесь о какой-либо национальной принадлежности, в смысле "заданности", "естественности" национального самосознания, значит приспособлять действительность многодесятилетней давности к нашему личному современному видению, по большей части определяющемуся современными нашими ориентациями, когда вновь ставятся аналогичные вопросы, но в совершенно других условиях.

Казаки и галичане, несомненно, меняли свою "национальную" ориентацию в зависимости от политической обстановки. Оппозиционеры в России еще до революции использовали и украинскую "карту", тогда как оппозиционеры в австрийской Галиции – русскую. Национальное самосознание и политическое самоопределение причудливо переплетались. Это относится не только к периоду существования империй, Российской и Габсбургов, которые "разодрали" Польшу, но и к периоду эмиграции из советской России и Польши Пилсудского.

Однако это, конечно, не значит, что не существовало национально ярко выраженного "ядра" как русской, так и украинской эмиграции.

На основании данных рассматриваемого труда можно наметить контуры динамики развития политических ориентаций в соответствующих национальных группах и несомненное влияние этой динамики на группы, которые мы назвали промежуточными, как и на национальную ориентацию отдельных лиц.

Основным вопросом эмиграции был, конечно, вопрос об отношении к большевистскому правительству. После поражения белых армий и антибольшевистских национальных движений в национально и даже националистически русской эмиграции возникло "сменовеховство" как тяга к примирению с советской властью, видевшейся невольным исполнителем русских национальных чаяний. В этот момент украинское движение кажется более последовательно антибольшевистским и заставляет и некоторых "малороссов" ориентироваться на него (в частности, библиография отмечает монархистов, принимавших участие как в украинском, так и русском монархистском движении). Но уже к 1924 г. это движение иссякает, и, напротив, появляется украинское "возвращенство" в связи с кратковременной украинизацией, проводившейся советской властью. В биографических справках отмечены многие случаи возвращения, включая и крупнейших украинских ученых (Грушевский, Рудницкий, Лозинский, Бачинский и т.д.). Одновременно, после переворота Пилсудского в Польше, резко обостряются польско-украинские отношения, и Польша становится главным врагом для ОУН и Союза Украинских эмигрантских организаций. Вряд ли можно считать случайным, что в период пика украинского возвращения, в 1927 г., возникли Социалистическая лига Нового Востока, в которой пытались объединить усилия антибольшевистские русские, украинские, армянские и белорусские социалистические партии, и движение Вольного казачества – Вільного козацтва, утверждавшего национальную самобытность казачества в противовес русской и украинской партиям. С одной стороны, стремление объединить силы в борьбе за демократическую перестройку всей бывшей Российской империи, с другой – отделиться как от русских, так и от украинцев и создать "третью силу" (добавим, что Вольное казачество обвиняли в том, что его деятельность финансируется из Варшавы).

Не наша задача пытаться охватить все,

что по этому вопросу дает рассматриваемый труд. Приведем лишь курьезный пример с некоем Сагайдачным, который в 1928 г. в изданиях на чешском языке от имени украинских национальных сельских организаций обещал присоединить Украину и Северный Кавказ к Чехословакии; в 1940 г. в публикациях на словацком – божился "вернуть благочестивый богобоязненный великий русский народ" в лоно католической церкви в качестве "вождя русского движения мирян за распространение святой римско-католической церкви в России"; наконец, в 1941 г. читал лекции о роли Словакии в строительстве "зарождающейся национал-социалистической России под протекторатом и руководством Великогерманской империи". Этот пример в доведенной до абсурда форме отражает реальную связь и зависимость национального вопроса и национального самоопределения части эмиграции от конкретно-политической ситуации, курс в значительной степени исчезающий при "национальном" угле зрения на эмиграцию.

Однако богатый материал "Трудов" ярко освещает и другой важный момент целостности эмиграции: постоянное сотрудничество разных национальных групп академической и преимущественно неполитической эмиграции. Такие ученые как Д. Чижевский, С. Сирополко, К. Шиндлер и другие преподавали в русских и украинских учебных заведениях и печатались в их изданиях на обоих языках. Как мы уже указывали, у многих казаков и деятелей, работавших в Подкарпатской Руси, определение национальности вообще условно.

Расширение круга лиц, попавших в поле зрения исследователей, и приведение для большинства из них хотя бы основных биографических данных (год и место рождения, время прибытия в Чехословакию и где учились, если получали или заканчивали образование в Чехословакии, – данные, в значительной степени извлеченные из архивных источников) дает возможность социологической характеристики эмиграции и особенностей различных ее групп. Ведь в персональном разделе библиографии более 1 тыс. имен людей, хоть некоторое время бывших в Чехословакии. Если исходить из той взвешенной оценки, что через Чехословакию "прошло" никак не более 50 тыс. эмигрантов, то эта тысяча являет себе весьма широкую выборку, правда, представляющую лишь "пишущих", а не "молчащее большинство". Но разрыв между этими группами в эмиграции был гораздо меньше, чем в "нормальном" обществе. О такой значительной

выборке в других центрах эмиграции остается только мечтать.

Так как социологический подход требует статистической обработки, нужно надеяться, что авторы продолжат свой труд не только в плане создания библиографии статей эмигрантов в чехословацких изданиях, что, несомненно, указанную выборку заметно расширит, но и в аналитическом аспекте, используя возможности, которые дает компьютерная обработка всего материала. Пока же укажем лишь на некоторые возможные результаты такого анализа.

По месту рождения "русская" эмиграция оказывается не только эмиграцией из России, но и из Австро-Венгрии. Доля последней в Чехословакии значительно больше, чем в любом другом эмигрантском центре, но тем не менее эта прослойка эмиграции имела и в некоторых других центрах (Вена, Берлин) и заслуживает большего внимания. Эмигранты из Галиции, отошедшей затем к Польше, а не к СССР, входят в большинстве в национально украинскую эмиграцию. В составе украинской эмиграции, особенно в некоторые моменты, они образовывали обособленные течения, еще более усложняющие и без того весьма мозаичную картину. Еще меньше внимания уделяется "русской партии" из галичан, вероятно, потому, что ее стремления полностью совпадали со стремлениями разных групп русской эмиграции.

Но пора, наконец, оставить национальный вопрос и обратить внимание на ряд других. Материалы "Трудов" позволяют сделать и обосновать важные выводы, дать количественные характеристики процессам вхождения эмиграции в принимающую среду. Авторы предоставили в наше распоряжение несколько чрезвычайно важных показателей: возраст, законченное учебное заведение, профессия, на каком языке и в каких изданиях печаталось то или иное лицо. Эти сведения в различных комбинациях можно использовать для многих выводов.

Самоочевидно, например, что чем старше человек, тем труднее ему входить в чужеродную среду. Но это, казалось бы, бесспорное, положение материалами библиографии хотя и не опровергается, но значительно усложняется. В "игру" вступает, прежде всего, профессия. А.П. Фан-дер-Флит, 1870 г. рождения, специалист по аэродинамике, сопротивлению материалов и т.п., почти немедленно после эмиграции в Чехословакию становится доцентом, затем профессором пражского Чешского политехнического института, как и его ровесник, специалист по топкам А.С. Ломшаков. Но другой их ровес-

ник, философ Н.О. Лосский получает кафедру лишь в "самостоятельной" Словакии в 1941 г., хотя уже до войны пользовался европейской известностью и прибыл в Чехословакию лишь несколькими месяцами позже Фан-дер-Флита, в 1922 г. Однако было бы преждевременно делать из этого заключение, что, скажем, гуманитарии оказываются в более трудном положении. Скажем, В.Ф. Тотомианц (1875), социолог, экономист и теоретик кооперативного движения, или В.Н. Тукалевский (1881), публицист и теоретик библиотечного дела, также быстро входят в принимающую среду. Можно предположить, что легче входило было людям более "прикладных" профессий или занимавшихся прикладным аспектом своей профессии (например, кооперативным движением, библиотечным делом). Можно сформулировать и иначе: легче было людям, не претендующим на университетскую карьеру.

Мы не можем проследить тут всю цепь выводов по теме "профессия и эмиграция". Но "Труды" дают достаточный материал, чтобы на основании доли работ, опубликованных в чешских и эмигрантских изданиях, построить шкалу профессий по "легкости" вхождения в принимающую среду, где, видимо, на одном полюсе будут инженеры; врачи и юристы – как бы в центре, а, как ни странно, философы – на противоположном полюсе.

При этом нельзя упускать из виду, что эта связь складывалась существенно иначе для людей, закончивших образование уже на чужбине.

Чехословакия программно стремилась стать и стала для эмиграции крупнейшим центром высшего образования, но, в отличие от других стран, она открывала возможности избирать эмигрантское или чешское учебное заведение примерно на равных экономических условиях. К тому же параллельное существование русских и украинских учебных заведений дает возможность очень детального, многофакторного анализа сложной корреляции профессии, типа законченного учебного заведения, даже возраста окончания и других показателей.

Эмигрантские высшие учебные заведения оказываются "опасными" для эмигрантов. Они привязывали к национальной среде, и не только в случае Русского юридического факультета, заведомо строившегося как восполнение системы образования в Советской России и предполагавшего "ставку на Россию", но и Украинской хозяйственной академии и Украинского свободного университета, из которых первый давал подготовку преимущественно в прикладных профессиях,

второй – являлся по идее лишь восполнением образования в чешских учебных заведениях по "украинским" предметам. Тем не менее выпускники всех трех названных учебных центров трудно входили в принимающую среду. Чтобы объяснить эти явления на уровне хотя бы статистических закономерностей, необходимо привлекать и сопоставлять все имеющиеся сведения.

Высок был процент галичан среди выпускников украинских учебных заведений (по другим источникам – их было большинство). Галичане, однако, составляли группу с несколько особыми социальными и психо-психологическими показателями. Определяется это, видимо, прежде всего, довольно реальной, несмотря на все украинско-польские конфликты, возможностью вернуться в Польшу, к которой к тому времени отошла Галиция, или, на худой конец, найти применение в Подкарпатской Руси, т.е. в близко родственной языковой среде. Рассмотрение изданий Украинского свободного университета показывает, что им публиковались далеко не только "дополнительные" украинноведческие курсы, но и такие, как фундаментальное пособие по органической химии или истории и системе римского частного права, вплоть до перевода "Пролегомен" Канта. Все это давало возможность ориентироваться на пособия на украинском языке, особенно если учитывать пособия Украинской хозяйственной академии (УХА), даже посещая чешские вузы.

Такова одна из возможных причин меньшей доли включения украинских эмигрантов в чешскую и словацкую среду. Но этим не исчерпываются причины и еще менее следствия этого бросающегося в глаза факта. Среди причин, например, следует рассмотреть следующую гипотезу: не был ли состав слушателей украинских учебных заведений старше по возрасту, чем состав русских? Скажем, среди выпускников УХА мы при внимательном чтении отметим ряд лиц, заканчивавших ее под сорок или за сорок, тогда как русские заканчивали, как правило, в 30–35 лет. Правомерность подобного суждения должен подтвердить или опровергнуть сплошной статистический анализ данных. Если бы это оказалось так, то мы можем продвигаться "вспять" и выдвинуть гипотезу, согласно которой украинская эмиграция, обобщенно говоря, происходила из социально более "низких" слоев довоенной стратификации общества, которые не могли обеспечить высшее образование своим детям в предвоенный период. С другой стороны, явная меньшая приспособляемость к принимающей среде, чем бы она ни

была порождена, имеет и свои следствия: значительно более высокий уровень национальной сплоченности у украинцев, чем у русских.

Биографические справки об авторах дают нам достаточно богатый материал, хотя он и далеко уступает по полноте материалам о предыстории эмиграции по этому вопросу. Национальная спайка украинцев в гораздо большей степени определяла потоки вторичной эмиграции, после того, как обнаружилось, что Чехословакия не способна интегрировать в свой социум такое количество иностранных специалистов с высшим образованием.

Украинская эмиграция, прежде всего, дольше сохраняла систему собственных институтов, предоставляющих работу и заработок, по крайней мере, "ведущему отбору" этой эмиграции. Возникает вопрос о финансировании этих учреждений. Хотя ответа на него от библиографического труда ждать, казалось бы, невозможно, однако и тут есть некоторые указания в виде данных о совместных изданиях украинских институтов в ЧСР и США. Но особенно определен поток ЧСР – Германия – США и Канада (после второй мировой войны), который в русской эмиграции не имеет аналога. Вторичная эмиграция русских распределяется значительно более равномерно между Францией, Югославией, "лимитрофами" на первом этапе, значительно слабее и последующее движение за океан.

Мы пытались указать лишь на некоторые возможности анализа, прежде всего персонального и институционального разделов "Трудов". Но самостоятельную и исключительную ценность представляет собой и раздел периодики. Следует отметить, прежде всего, что почти ровно 10% приведенных здесь названий вообще не были учтены в существующих библиографиях, по меньшей мере, у такого же количества, на основании проверки *de visu*, внесены более или менее существенные исправления – это касается начала и конца издания, количества выпущенных номеров и т.п. Наконец, все описания более детальны и точны, содержат указания о редакторах и редакционных коллегиях, изменениях в них, изменениях в подзаголовках, количестве номеров, вышедших в отдельные годы. Это все значительно увеличивает объем информации, поступающей пользователю. Не менее важно, что эта информация проверена, точна. Литература об эмиграции, по многим причинам, пестрит ошибками в именах, датах и т.д. Биографические справки о большинстве "общезвестных" деятелей в "Трудах" снабжены

многочисленными примечаниями об ошибках в известных справочниках или во всяком случае о "разночтениях" в них (в тех случаях, когда у авторов не было возможности определить, какие данные истинны). Это – еще один плюс рецензируемого издания.

Но вернемся к теме периодики. "Труды" позволяют выяснить сколько эмигрантских изданий выходило по годам, и определить, таким образом, некую канву динамики деятельности отдельного эмигрантского центра; позволяют выяснить "долгожителей" эмигрантской прессы и ее "эфемеры". Через связь с персонами редакторов и изданиями организаций они позволяют выяснить характер изданий в связи с их "жизнеспособностью". Характер, при этом, определяется типологически (газета, журнал, бюллетень), по содержанию (литературный, научный, политический, профессиональный), по сопричастности с организациями, что наводит на мысль о финансировании, т.е. определяет направление исследовательского поиска.

На наш взгляд, например, материалы "Трудов" позволяют ярко обрисовать различие характера Праги как эмигрантского центра в 20-е и 30-е годы: "долгожители" 20-х годов, без исключения, финансировались в той или иной степени прямо правительством ЧСР или близкими к нему чешскими общественными организациями, тогда как в 30-е годы начинают преобладать периодические издания самофинансирующиеся. Это означает, что определенная часть эмиграции осела и создала платежеспособный спрос, но тем не менее не желала порывать связи с эмигрантской средой, полностью ассимилироваться.

Характерен пример "Морского журнала", издававшегося под редакцией лейтенанта М.С. Стахевича Кают-Компанией в ЧСР. С одной стороны, профессия морского офицера в Чехословакии, не имеющей доступа к морям, явно не давала средств к существованию, с другой – известно, что из Бизерты в ЧСР прибыла большая группа русских моряков для продолжения образования. Видимо, некоторые из них затем хорошо устроились и были способны финансировать не только регулярно (с 1928 по 1938 гг.) выходивший журнал, но и ряд отдельных изданий. Но классическим примером является журнал "Русский врач в Чехословакии", издававшийся Союзом русских врачей – граждан ЧСР. В отличие от других эмигрантских изданий, он начинался как ежеквартальный, на втором году издания превратился в ежемесячник и выходил регулярно с 1934 по

1938 г. Обычно же наблюдалось прямо обратное.

В 1938 г. прекращается регулярный выход как "Морского журнала", так и "Русского врача в Чехословакии". Это нас приводит к вопросу о "конце" послереволюционной эмиграции. Рождение "второй волны" обычно датируется моментом невозвращения части "перемещенных лиц" в СССР после войны. Но и здесь наш источник наводит на многие вопросы.

В оккупированных гитлеровской Германией странах перелом происходил значительно раньше и постепеннее. В материалах "Трудов" показано, как межвоенные издания, во всяком случае русской эмиграции, прекращаются или "угасают" (выходит только один-два номера или выпуска), но вместе с тем возникают новые. Однако новые не только издания: преобладают и новые имена издателей и авторов. Биографические справки, однако, свидетельствуют, что это не новые люди в эмиграции, "новые" — из военнопленных, "власовцев", — появляются только в 1944 г. Эти "новые" авторы — из рядов "старой" эмиграции, скорее всего, — неудачники: неудачники в смысле ассимиляции, неудачники в смысле выдвигания в эмигрантской среде. Этот раздел (хронологически его нужно выделить) позволит внести интересные уточнения в изучение вопроса о восприятии фашизма и нацизма русской эмиграцией, который в последнее время начинает привлекать внимание скорее в политических целях и интерпретироваться довольно произвольно.

Иначе складывалось положение в украинской эмиграции. Большая часть институтов и изданий продолжала деятельность, более того, расширяла ее. В украинской эмиграции, противостоявшей как Польше, так и СССР, возродились надежды на Германию, как некогда на Германию и Австро-Венгрию. Но это продолжалось недолго, и по биографическим справкам мы среди украинских эмигрантов найдем больше расстрелянных нацистами в Киеве и Львове, чем среди русских. Но для обеих частей эмиграции можно сделать общий вывод: с началом второй мировой войны постановка всех вопросов настолько изменилась, что период с 1939 по 1945 гг. нельзя рассматривать как завершение, конец "первой" эмиграции, но как сложный переходный период ко "второй". Думается, что это касается и не оккупированных стран, где, напротив, возрастают симпатии к Советскому Союзу как союзнику принимающей страны, несущему основное бремя борьбы. Но и этот вывод, как и все прочие, нуждается в проверке на осно-

вании сплошного анализа данных библиографии и, конечно, привлечения других источников.

Попытаемся подвести итог. То, что Славянская библиотека опубликовала под скромным названием библиографии, по множеству дополнительных материалов, привлеченных для биографических справок и характеристик организаций, издательств и других институтов, далеко превосходит требования к "библиографии" только. Однако и в чисто библиографической части она на голову выше по полноте и точности, выверенности данных по отношению к наличествовавшим до того библиографиям. Если принять во внимание общую неточность, "приблизительность" эмигрантоведческой литературы, зиждущейся в значительной степени на памяти людской, так как нет "центральных" фондов, архивов, куда можно было бы обратиться за справками по всей эмиграции, то данное издание можно расценивать как первоисточник, причем первоисточник, опубликованный в самой подходящей для пользования форме. Например, приведены шифры описанных изданий, поскольку они обнаружены хотя бы в одной из 20 обследованных библиотек. Нет нужды говорить, насколько это облегчает работу исследователя. Конечно, ошибки встречаются, но даже наметанный глаз их обнаруживает на редкость мало, значительно меньше, чем в других аналогичных изданиях.

Эта работа как бы "излучает" из себя возможности продолжения работы в разных направлениях, многие из которых мы вообще не упомянули, например, восприятие эмиграции в принимающей среде, которое просматривается через то, что, когда и кем переводилось и издавалось. Мы сосредоточили внимание в первую очередь на двух вопросах, на единстве и различиях между русской и украинской эмиграциями, так как, на наш взгляд, абсолютно преобладающее их раздельное рассмотрение несколько искажает общую картину. Наряду с этим мы преднамеренно акцентировали моменты социологические, а не культурологического или содержательного анализа вклада эмиграции в развитие чехословацкой, европейской или мировой культуры или науки. Библиография лишь открывает двери для исследований в этом направлении, и это не мало. Нужно сказать, что "стандартный" набор имен, доказывающий ценный вклад эмиграции в указанные области, достаточно узок и произволен. "Труды" восполняют этот недостаток по меньшей мере по отношению к эмиграции в чешской и словацкой

среде. В данном аспекте мы впервые подходим к полноте описания этого явления хотя бы для одного центра эмиграции. Полнота, однако, имеет особое теоретическое значение для понимания процессов в целом.

Более сложен вопрос, нужно ли изучать социологию эмиграции, не следует ли только "возвести ей памятник". Это один, и в настоящее время, кажется, преобладающий, подход не только к преодолению советской установки на "проклятие" эмиграции, но и эмигрантской установки на возвеличивание политической, антибольшевистской, затем антисоветской и антикоммунистической ее роли. Подход, на первый взгляд объективный, изымающий из целого бурно кипевшей эмигрантской жизни крупницы непреходящих ценностей. Но нам кажется, что эти ценности нельзя изъять и понять вне социального существования эмиграции. Если ныне (почти) общепризнано, что "внутренние эмигранты", великие писатели вроде Булгакова или Пастернака, ученые вроде Бахтина, Берга, Вавилова или Вернадского, философы вроде Лосева, вынуждены были не только кривить душой ради выживания, но и впитывали в себя атмосферу Совдепии (по эмигрантской терминологии), то пора, пожалуй, начать учитывать и то, что эмигрантское существование тоже изменяло видение мира, хотя и не под страхом расстрела или лагерей. Но страхи тут были:

утраты заработка, отлучения от эмигрантской общины, разрыва со "вторым поколением", вырастающим в чужеродной среде, пользующимся другими языками.

Заканчивая свои рассуждения, хочется подчеркнуть, что в последние годы Славянская библиотека, возглавляемая М. Климовой, вернулась к традиции центра эмигрантоведческих исследований, которая в ней подспудно не прерывалась и в период коммунистической власти под руководством таких директоров как Стрнадел и Вацек. Более того, она воспринимает традицию Русского заграничного исторического архива, печатные фонды которого она унаследовала. Целый ряд мероприятий и публикаций последних лет представляют собой серьезный вклад в литературу по эмиграции, однако рецензируемое издание доказывает, что Славянская библиотека обладает не просто уникальными фондами, но и коллективом работников, которые могут обработать не только их на самом высоком уровне. Остается желать одного – чтобы эта работа была продолжена и углублена. Второй том заявлен к печати. Но тот факт, что все материалы заложены в компьютер, позволяет надеяться, что кроме непосредственно материалов Славянская библиотека опубликует и их анализ. Такой подход может дать неожиданные результаты.

© 1998 г. Савицкий И.П.

Славяноведение, № 4

В.Д. КОЗЛИТИН. Русская и украинская эмиграция в Югославии, 1919–1945. Харьков, 1996. 471 С.

Книга украинского историка В.Д. Козлитина – первый в мировой науке труд, в котором представлена целостная картина русской и украинской эмиграции в Югославии. К "сожалению", российские историки здесь уступили пальму первенства Харьковцу. Зная Владимира Дмитриевича довольно близко, могу сказать, что его концентрированность, усердное копание в "хронологической пыли" множества архивов, библиотек, русских и зарубежных изданий и наконец, несомненный исследовательский талант, т.е. все необходимые для историка качества, в полной мере были задейство-

ваны в работе над фундаментальной книгой, которую он скромно назвал попыткой создания обобщающего труда по истории русской и украинской эмиграции. Однако навещающего скуку "обобщающего" здесь нет, есть оригинальное исследование, в чем-то, может быть, недосказанное, дискуссионное, где-то требующее дополнительных аргументов, освобождения от сугубой сухости стиля. Иронически говоря, девиз рецензента можно свести к формуле: пороки автора суть продолжение достоинств критика.

Само название труда не вызывает каких-либо сомнений. Но освещая и анализируя

украинский фактор, признавая сложность разделения русской и украинской эмиграции. В.Д. Козлитин несколько расширительно толкует термин "украинское население". Судя по тексту книги, он причисляет к украинской эмиграции и людей, проживавших на Украине и, следовательно, связанных с ней местом работы. Подобная постановка мне представляется весьма дискуссионной. В то же время автор оговаривает, что в основу его научной концепции "положено представление о русско-украинской эмиграции в Югославии как своеобразной и цельной общности людей одного этнического корня, которая... несмотря на отличия в традициях и культуре между русской и украинской ее ветвями, социальном происхождении и образовании, а также острые внутренние политические противоречия, сохраняла определенную общность ценностей, внутреннюю солидарность интересов и устремлений" (С. 19). Связь между двумя этими тезисами выглядит весьма искусственной и, думается, уже настала пора координации и объединения усилий российских и украинских историков по написанию труда, хотя бы в виде очерков, где были бы четко обозначены критерии национального, этнического и суперэтнического – связь и границы между ними в условиях эмиграции, и не только для Югославии.

Глава первая носит название "Изгнание из Родины". Оставляя в стороне отрывочное философское суждение автора о развале Российской империи, причину которого он видит в поражении на фронтах войны, некоторое грамматически правильное, но исторически не совсем точное акцентирование значения роли южнославянских земель Австро-Венгрии в деле образования Королевства сербов, хорватов и словенцев, можно сказать, что В.Д. Козлитин на основании широчайшего круга источников, многие из которых были извлечены из-под архивного спуда, эскизно обрисовал сложнейшую картину гражданской войны на юге России, события на Украине, связанные с отделением от России, достаточно подробно описал беженские потоки, константинопольское "сидение", поиски эмигрантами пристанища.

Здесь, как впрочем и далее, видно стремление автора выделить собственно украинскую тему. Конечно, она дается в органической связи с общей трагичной ситуацией тогдашнего времени, но упомянутая дискуссионность термина "украинское население" или "жители Украины" рождает, а бы сказал, "имперскую" критичность. Например, когда в одном месте утверждается о 50%

украинском составе врангелевской армии, [в другом эта цифра вырастает до 60–70% (С. 102)], где русских из центральных губерний насчитывалось 20%, остальные были казаки (С. 35), с которыми также не все ясно.

Вторая глава поветствует о вступлении беженцев на земли Королевства сербов, хорватов и словенцев. На первый взгляд, эта тема довольно банальна и не сулила радости ни автору при работе над ней, ни читателю, имеющему определенный запас знаний. И тем не менее В.Д. Козлитин, отойдя от традиционных схем, усложнив, в хорошем смысле этого слова, рассматриваемую проблематику, соединив воедино многие якобы разнородные события, введя новые сведения, дал цельную и емкую картину процессов вхождения эмигрантов в новую реальность. Особый интерес вызывают сюжеты, связанные с поселенцами из Западной Украины, Галиции, Закарпатья, Северной Буковины, расселившимися на югославянских землях в XVIII и XIX вв., с репатриацией украинских военных с территории Королевства, с различным отношением властей Сербии и Хорватии к украинскому национальному движению. Автор абсолютно верно подметил, что федералистски настроенный Загреб явно сочувствовал украинскому сепаратизму, в то время как Белград, приветствовавший лозунг "единой и неделимой России", резко отрицательно относился к украинскому национально-освободительному движению.

Кропотливый труд позволил В.Д. Козлитину воссоздать атмосферу приема беженцев, обрисовать разнообразную и сложнейшую, отнюдь не лишенную недостатков, организационно-финансовую деятельность местных властей и международных структур в этой сфере, показать без романтического флера быт беженства, отметить не всегда благожелательное отношение местного населения к российским "братьям". Последнее обычно забывают, но тем не менее такие случаи бывали. Это можно объяснить профессиональной конкуренцией, которую не всегда могли выдержать сербы, а также "классовой неприязнью", рождающей в лучшем случае холодность, в худшем – враждебность.

Но в целом автор приходит к традиционнo-верным мыслям о том, что парламент и королевское правительство рассматривали помощь российским беженцам «как свой вклад в восстановление "великой России", верной союзницы югославянского государства, в будущем российско-югославянскую дружбу» (С. 91).

Содержание третьей главы хронологически охватывает в основном 1920-е годы и связано с правовым статусом и условиями жизни беженцев, положение которых затрагивалось и в предыдущей главе. Здесь представлен и сложнейший материал, связанный с определением численности беженцев: для пишущих на тему российской эмиграции в Югославии эта проблема ранее в общем решалась с помощью усредненных цифр. На основании солидного комплекса источников автор дал развернутый анализ темы, позволивший объяснить разноречивость сведений источников и представить интереснейшую динамику колебаний численности эмиграции, насчитывавшей в 1931 г. свыше 32 тыс. человек (С. 111). Немало интересного, наводящего на размышления, меняющего априорный взгляд на некоторые вопросы, дают таблицы о размещении беженцев по территории Королевства (например, в 1921 г. больше всего россиян размещалось не в Сербии, а в Хорватии и Славонии), о выезде в другие страны, о рождаемости, образовании, семейном положении и иные статистические выкладки.

И тут я хотел бы остановиться на одном важном вопросе – о соотношении профессионального состава эмиграции и вклада россиян в науку и культуру страны. Да, российская эмиграция в Югославии традиционно считается военной, что подтверждает и рецензируемое исследование. Но, по моему мнению, необходимо отдавать приоритет все же не специальности, а практическим результатам труда россиян на благо принявшей их страны. А здесь труды российской профессуры, художников слова, музыки, движения – неопределимы. И я бы назвал нашу эмиграцию – хотя всякое определение и неполое – отнюдь не военной, а профессорской.

Как и в предыдущих главах, В.Д. Козлитин ново и интересно проанализировал ситуацию с украинскими беженцами в Хорватии, в отношении которых Загреб проявлял явную благосклонность. Эта тема прослеживается на протяжении всей книги и везде звучит свежо, позволяя, скажем так, увидеть истоки и современной политики. Сам уровень жизни эмиграции показан довольно трезво, без восторгов. Тем не менее, автор кое-где непреднамеренно сгущает все плохое, хотя это несколько противоречит воспоминаниям как русских, так и сербов о жизни беженцев в Югославии, да и самому аналитическому тексту книги, где много сказано о льготах и социальной помощи россиянам.

Освещая процесс вращивания в новую

реальность, В.Д. Козлитин отдал должное и безымянной эмиграции: я говорю о людях в солдатских рубашках, внесших свой труд на строительство дорог, мостов и других сооружений, так нужных стране, восстанавливавшейся после войны.

Тема следующей главы – исследование общественной жизни беженцев. Наряду с уже примелькавшимися именами и фактами, обществами и движениями, от которых нельзя отмахнуться, когда речь идет о подаче целостной картины, автор вводит немало интереснейшей информации о монархистах, национально-культурной жизни украинцев в Хорватии и их организациях, казачестве (хотя и, к сожалению, мало), о Национальном союзе русской молодежи, о мировоззренческом плюрализме, в концентрированной форме наиболее ярко выразившегося в формировании в эмигрантской среде двух лагерей – "оборонцев" и "пораженцев", занимавших отличные позиции по отношению к событиям в Европе в 30-е годы, к СССР. И все же "за кадром" осталась тема "жидо-масонства", которая рефреном звучала в правой прессе, в выступлениях и настроениях многих эмигрантов. Практически обойдено и масонство как таковое, хотя, надо сказать, их организации и не получили широкого распространения в Югославии. Может быть, следовало, освещая церковную жизнь, больше остановиться на деятельности митрополита Антония – этого непримиримого и последовательного борца против коммунистической диктатуры в России. Однако эти замечания и пожелания не имеют принципиального значения, так как "нельзя объять необъятное". Связь событийных картин в далеко не идиллической эмигрантской жизни, в которой постоянно шла политическая грызня, показана достаточно отчетливо. Недоумение лишь вызывает фраза автора о важном месте Украинской Греко-католической церкви в эмигрантской жизни украинцев (С. 215). Не оспаривая правоту сказанного, только замечу, что совершенно не лишней была бы развернутая информация о ее деятельности в Югославии.

Оставляя в стороне некоторую дискуссионность заключительных выводов главы, касающихся политической жизни эмиграции, хотел бы подчеркнуть явную "благосклонность" мыслей автора о том, что "эмигрантские общественно-политические организации формировали общественное мнение в Европе, сохраняли и развивали антибольшевистскую политическую мысль и идеологию" (С. 303). На мой взгляд, здесь допущено преувеличение.

Культурной деятельности, как всегда, отводится место где-то в конце, в нашем случае – в пятой главе. На эту тему уже существует обширная библиография, которая детально изучена В.Д. Козлитиним и искусно использована в его труде. Тем не менее, богатство привлеченных материалов позволило автору ввести в научный оборот новые сюжеты, факты, имена. Особенно это относится к освещению театрального дела в различных городах, в том числе и украинского театра в Югославии. Достаточно емко обрисована деятельность российской профессуры, найдены и названы новые имена людей, трудившихся на ниве науки и просвещения, в сфере образования. Есть только одно маленькое замечание, по которому меня легко причислить к шовинистам или монархистам. Суть его в следующем: я был несколько удивлен той последовательностью, с какой в книге неизменно присутствует упоминание о том, что тот или иной профессор до кровавых событий революции и гражданской войны преподавал на Украине. Да, несомненно, он внес свой вклад в ту же подготовку украинских национальных кадров, но все же в первую очередь – общероссийских. Мое предложение по этому деликатному вопросу изложено выше.

"Ликвидация организованной эмиграции" – название последней главы и, надо сказать, не совсем удачное. Годы второй мировой войны для русских эмигрантов в Югославии были временем создания новых организаций. Для одних это был, как пишет автор, Русский охранный корпус, для дру-

гих – Союз советских патриотов. Деятельность этих двух полярных по своим целям организаций очерчена сжато и в то же время емко. Но полагаю, что автору все же следовало сказать о помощи бойцов Охранного корпуса в организации переправы через Дрину сербов, бежавших из Хорватии и спасавших тем самым жизнь своих семейств. Возможно, было нужно совсем немного поведать о казачьих организациях и их отношении к тому же Охранному корпусу.

Особое и вполне справедливое внимание В.Д. Козлитин уделит сюжетам, в которых раскрывается вся сложность положения разношерстной эмиграции, когда вся она огульно была обвинена сербскими патриотами, главным образом партизанами Тито, в сотрудничестве с оккупантами. О горькой судьбе эмигрантов на завершающем этапе войны и в период установления власти коммунистов скупно, но достаточно выразительно повествуется на последних страницах. Эмиграция вновь уходила в эмиграцию, но не вся. В худшем случае, кто-то шел под расстрел, кончал самоубийством, ехал на Родину в тюремном вагоне. В лучшем – судьба миловала, оставляя жинь, которую надо было для многих начинать заново. Лишь единицы, из числа "золотой" эмиграции, вошли в "новый мир" Югославии и СССР достаточно безболезненно.

Книга закрыта, но люди, события, факты остаются в живой памяти Истории. И это лучшая награда для исследователя.

© 1998 г. Косик В.И.

Славяноведение, № 4

М. ЈОВАНОВИЋ. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС, 1919–1924. Београд, 1996. 386 С.

М. ЈОВАНОВИЧ. Вселение русских беженцев в Королевство СХС, 1919–1924.

Начиная с изгнания Адама и Евы из рая, тема бесконечного исхода пронизывает всю историю человечества и человека. Ее сюжеты разнообразны и прихотливы, в то же время они подчинены синергетической логике общественных потрясений, катастроф, рождаются из нестроений и настроений людей.

В русско-сербской истории тема переселения далеко не нова: хрестоматийным примером может служить XVIII ст. с движением сербов в Россию, прекрасно переданное в романе М. Црнянского "Сеобе". Но то, что выпало тогда на сербскую долю не миновало и русскую в XX в. Об эмиграции старой России написано много и общая

картина проанализирована и передана достаточно ясно. И сейчас в истории наступает эпоха детали, позволяющей приблизиться к истине как на локальном, строго конкретном уровне, так и в глобальном смысле, даже рождения новой ветви на историческом древе познания. Все это не позволяет говорить о кризисе истории. Да, она "мельчает", но не становится от этого мелкой. Книга Мирослава Йовановича как раз является ярким образчиком исследования, когда детализация позволяет оскунуться в трясину истории, где знакомое перемешано с неизвестным, мерзости – с высотой человеческого духа, общее с частным, конкретным, мертвое с живым.

Для специалистов по истории русской Югославия книга содержит немало нового, извлеченного из-под архивного спуда, а следовательно и в чем-то дискуссионного, если речь идет о процессе приближения к истине. Хотя – сколько историков, столько и мнений. Уже с самого начала книга вызывает желание спора во вопросу терминологического характера: кто были русские изгнанники – беженцы или эмигранты? По утверждению автора, протрудившего солидное количество специальной литературы, правильное употребление термин "беженцы", хотя и другое название имеет право на употребление. Я придерживаюсь несколько иного суждения. Да, термин "беженцы" был закреплен в международных документах, использовался в официальных бумагах государственных властей. Однако с психологической точки зрения тем же солдатам Белой армии было гораздо легче называть себя эмигрантами, нежели обидным, более приставшим к штатскому населению словом "беженцы". Но возможно мне здесь не хватает хладнокровия для анатомии этого феномена. Его, кстати, нет и у автора, иначе зачем было бы в "Прологе" помещать в строго научный текст горькие отрывки из воспоминаний изгнанников об исходе из России. Уже за этот "романтизм" можно благодарить нашего сербского коллегу, для которого история не только систематизированное изложение фактов, но и человеческая драма.

Конечно, долг перед Россией требовал от той же Франции оказывать помощь русским скитальцам: но, думаю, что только такая славянская земля как, например, Сербия могла дать им нечто большее, чем просто убежище. Освещая тему государства и русского "беженства" без его деления на украинцев, калмыков, грузин, армян и т.д., автор воссоздает ту атмосферу приятельства, которая была характерна для политики

Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) – этой балканской "империи", продолжившей путь погибшей России, принявшей ее сыновей и дочерей, виновных и невиновных в красном триумфе.

Политико-дипломатические сюжеты о контактах королевских представителей с антибольшевистскими силами, формирование и начало деятельности Русской миссии в Белграде во главе с В.Н. Штрандманом, освещение переговоров об открытии страны для "беженцев", скрупулезный разбор деятельности властей по реализации начавшегося процесса размещения – все это входит в начальную фазу исследования. Сосредоточение авторского внимания на деятельности правительственных и неправительственных организаций позволило открыть ряд новых имен, внесших свой посильный вклад в дело приема изгнанников, дать неизвестную ранее информацию о первых шагах в этой области. Но, пожалуй, самое главное – очерчена структура, полномочия, история властных организаций, задействованных в "русской" работе. Такое объемное освещение не только значительно расширяет представление о работе министерств и ведомств королевства в этой сфере, но и позволяет во многом по новому оценить их труд, когда от бюрократии требовались такие качества как решительность, умение безотлагательно разрешить нарастающий вал проблем, т.е. идти впереди событий, а не плестись в их хвосте. В то же время такая конкретика отнюдь не напоминает ситуацию, когда "блоху" по имени факт не пытаются "подковать на четыре ноги" и придать этой квазиработе суперзначение, – у автора все выглядит органично, естественно, без дурной патетики и унылого перечислизма, свойственного некоторым работам.

Волны эмиграции – о них писали все, кому не лень. В исторической литературе это стало своеобразным общим местом. Однако десткая болезнь боязни повторения не коснулась М. Йовановича, который с помощью новых архивных материалов существенно обогатил уже ставшие традиционными представления об истории русского "беженства".

Анализируя русский исход в Королевство СХС, автор структурирует его на пять "волн": апрельская эвакуация из Одессы (1919); январская – из Одессы и мартовская – из Новороссийска (1920), в том числе с кратким пребыванием на о. Лемнос (1920), так называемая английская; из Севастополя и Царьграда (ноябрь–декабрь, 1920); июньская – из лагерей в Галлиполи, Чаталджи, о. Лемноса и других мест (1921). Привлече-

ние в первую очередь материалов из архивов министерства внутренних дел позволило автору ввести в научный оборот совершенно новые документы, на основе которых история русского "беженства" поворачивается иной гранью – повествованием о его приеме. Конечно и другие исследователи в той или иной степени писали об этом, но М. Йованович – первый, кто дал столь обстоятельную и исчерпывающую информацию в этой весьма сложной и деликатной сфере, где были замешаны интересы, не в последнюю очередь финансовые, великих держав. Пожалуй, наибольший интерес вызывает сюжет, связанный с прибытием морским путем четвертой волны русского "беженства" в Далмацию. В нем показан весьма характерный сгусток проблем, связанных с пароходной "эпопеей" изгнанников: финансовые трудности, негативная политика Загреба, санитарно-административная деятельность в связи с имевшимися на пароходах большими сыпным тифом, не всегда удовлетворительная работа местных властей – все это исследуется автором на "молекулярном уровне". В то же время некоторые проблемы и темы не всегда раскрыты с должной полнотой. Банальный пример – история с планом расселения донских казаков на Косове освещена автором весьма скупо.

Грубо говоря, Королевство СХС для многих "беженцев" было временным пристанищем: наплыв сопровождался и отливом, но гораздо меньшего масштаба. Тому было множество причин. Здесь, как пишет автор, и желание вновь сразиться с большевиками (из первой волны более 50% мужчин вернулись на фронт на юг России), и поиск лучшей доли в иных заморских странах, и, наконец, тоска по Родине, куда вернулось около 5 000 человек, надевавшихся на "прощание" новой власти.

В сущности, эта миграция, характерная для всего русского "исхода", чрезвычайно затрудняет решение одной из проблем, а именно определения численности "беженства" в том же Королевстве СХС. Анализ официальных источников, привлечение данных, публиковавшихся в прессе того времени, учет мнений российских и югославских историков в их трудах после 1945 г. – все это нашло свое отражение в книге М. Йовановича. На основе выкладок, сделанных им в процессе детального изучения "беженских" волн, автор приходит к выводу, что к середине 1923 г. в королевстве насчитывалось около 40 000 русских изгнанников. В 30-х годах – около 30 000 человек, во второй их половине и до начала войны с Германией – примерно 25 000. Эти цифры

несколько не сходятся с данными, приведенными в новейшем исследовании украинского историка В.Д. Козлитина, но здесь можно сказать лишь одно: проблема настолько сложна, что однозначного, приемлемого для всех ее разрешения не последует никогда.

Тема приема "беженства", его приливов и отливов закономерно переходит в иную, связанную с размещением новых жителей Королевства СХС. Автор последовательно со свойственной ему дотошностью приводит список-характеристику городов и морских портов, куда шли транспортные потоки русского "беженства". Детальный анализ архивной документации позволил М. Йовановичу реконструировать насколько это возможно размещение "беженских" волн по территории страны, показать трудоемкую, требующую множества согласований работу властей в деле расселения, составить ряд ценных таблиц по реализации процесса распределения изгнанников по областям Королевства СХС. Большое внимание уделено и миграционным процессам внутри страны, политике властей в этой сфере. Практически, здесь сосредоточена важнейшая информация, которая ранее не вовлекалась в научный оборот. Работа с ней дала возможность автору охарактеризовать, дать свои оценки и выводы по этой многоуровневой теме, в которой чрезвычайно трудно выделить какой-либо единый стержень: причин для миграции было множество – от плохих условий жизни до воссоединения с друзьями, родственниками, однополчанами-земляками. Сама картина водворения "беженцев" на новые места воспроизведена достаточно подробно. Здесь и сюжеты, связанные с помощью американцев, французов по борьбе с сыпным тифом. Показана политика и деятельность местных властей, кое-где соглашавшихся на прием только зажиточных русских, как было в Словении, или лиц строго определенных специальностей и семейного положения, как того требовали власти из Вршаца, или раздувавших антирусские настроения, что было характерным для Хорватии. Особое внимание уделено контролирующим функциям государства, стремившегося насколько это возможно облегчить вступление "беженцев" в новую жизнь, оградить их от произвола владельцев квартир, сдающих, случалось, жилые помещения по явно несообразным ценам. Как отмечается в книге, наиболее сердечный прием изгнанники встретили с православной Сербии, желавшей отдать долг братской России.

Вселение русских требовало от государ-

ства и общества значительных расходов, и здесь свою помощь оказывали Королевству СХС Великобритании и Франция. Пожалуй, впервые в книге М. Йовановича столь подробно освещаются сложные вопросы финансирования волн русских "беженцев" со стороны этих великих держав. Эта, на первый взгляд "скучная материя" существенно обогащает наши знания и представления о их роли в этой области, способствует рассеиванию тумана вокруг их помощи. Наравне с этим приводится и интересная и новая статистическая информация о деятельности государственной комиссии по делам беженцев, даются сведения о различных источниках финансовых поступлений.

Одним из достоинств книги является насыщенность ее разнообразными статистическими данными, таблицами, выкладками. Особо это проявилось в разделе, где анализируется социальный портрет эмиграции. Тема эта далеко не нова: многие из историков уже обращались к ней. Однако новые архивные документы позволили автору внести свой вклад в ее изучение, представить свое видение социальной структуры

русского "беженства" в Королевстве СХС. Здесь и данные по возрасту, полу, образованию, профессиональному составу, занятости, знанию языков, процентному составу русских в различных областях просвещения и культуры, представлены категории нуждавшихся в помощи и другая информация, побуждающая к мыслям о судьбах славянства в славянстве и в мире.

Свежесть восприятия описываемых событий, смешение стилей повествования, своя подача материала – все это в наиболее концентрированной форме нашло свое отражение в эпилоге книги, где "романтика" соседствует с "прозой", факты с размышлениями, выводы с новыми сюжетами, национальное со славянским. Автор завершает исследование словами из присяги на верность, даваемой русским эмигрантом при получении гражданства Королевства Югославии.

Прошлое уходило, чтобы родиться в будущем.

© 1998 г. Косик В.И.

Славяноведение, № 4

А.И. ДОРОНЧЕНКОВ. Российская эмиграция "первой волны" о национальных проблемах покинутого Отечества: Очерк. СПб., 1997. 77 С.; 2-е изд., доп. СПб., 1997. 88 С.

А.И. Доронченков, известный славистам своими работами по истории Болгарии и советско-болгарских отношений, опубликовал краткий очерк, посвященный взглядам российских эмигрантов времен гражданской войны и последующего двадцатилетия на национальные проблемы России. В брошюре, впервые вышедшей в начале 1997 г. тиражом в 300 экз. (что, по-видимому, вызвало через несколько месяцев необходимость ее переиздания тиражом 500 экз.), изложен учебный материал по курсу этнополитологии, предназначенный для слушателей Центрального института повышения квалификации руководящих работников и специалистов профессионального образования Российской Федерации.

Круг вопросов, раскрываемых в брошюре, рассмотрен в трех главах. В первой дана общая характеристика российской эмигра-

ции как политического явления. Ученый призывает объективно оценить вклад российских эмигрантов в жизнь принявших их стран, среди которых особо отмечает славянские государства Центральной и Юго-Восточной Европы. "Не следует идеализировать российскую эмиграцию. Она представляла собой довольно пеструю картину от способных адаптироваться в новой среде дельных людей до откровенных авантюристов", – пишет автор (С. 12; здесь и далее страницы указаны по второму изданию). По его мнению, среди эмигрантов было широко распространено чувство национального патриотизма; однако эта категория, как справедливо отмечает А.И. Доронченков, ни применительно к эмигрантам, ни в других аспектах в СССР по существу не исследовалась и до сих пор отдана на откуп пропагандистам национализма. Положительно

следует также оценить попытку автора показать, что эмиграция из Советской России сопровождалась обратным эмигрантским потоком, состоявшим, в основном, из зарубежных коммунистов.

Во второй главе рассмотрено решение национальных проблем в трудах представителей различных политических течений русских эмигрантов, начиная с приверженцев обособления ее отдельных частей и кончая сторонниками сотрудничества с большевиками, объединившимися вокруг сборника "Смена вех". Идеи последних противопоставляются взглядам правого крыла эмиграции, согласно которым «утратившие национальное чувство большевики выступили по отношению к России как враждебная "внешняя сила»» (С. 29). Второе издание книги дополнено кратким изложением взглядов представителей нерусских эмигрантских этнических групп, в первую очередь украинских националистов. Идеологи последних, как справедливо пишет автор, не только пытались внушить украинцам мысль о чуждости им общерусских духовных ценностей, но и рассматривали россиян, а также евреев и представителей других национальных меньшинств Украины как врагов украинского народа.

Помимо национально-политических концепций и проблем русского национального характера автор останавливается также на оценках в среде эмиграции осуществлявшегося в СССР так называемого языкового строительства. Он показывает в этой связи, что эмигрантская научная элита, не возражая в целом против курса советской власти на развитие национальных языков, не приняла обсуждавшегося в СССР в 1920-е годы

тезиса о необходимости латинизации русской письменности, видя в ней проявление примата западничества. Кратко характеризуя во втором издании отношение эмигрантов к проведению в жизнь в России реформы русской орфографии, автор объясняет ее неприятие большинством эмигрантской интеллигенции лишь ностальгией по прошлому. Известно, однако, что и здесь на первый план выступали политические мотивы: по мнению эмигрантских идеологов, новая орфография была неприемлема прежде всего потому, что ее ввели большевики.

Третью главу А.И. Доронченков посвятил евразийству. Справедливо отметив, что истоки доктрины евразийства восходят к спору западников и славянофилов, он подробно останавливается на идеологии этого течения.

Работа А.И. Доронченкова заключается выводом о поучительности взглядов лучших представителей российской научной эмиграции в современных условиях. Он предлагает "непредубежденно осмыслить пророчества оказавшихся вне родины ученых-россиян", что "позволит выработать основы подлинно демократической национальной политики" (С. 72).

Хорошо аргументированный, основанный на большом фактическом материале очерк представляет, безусловно, интерес для более широкой аудитории чем та, на которую он формально рассчитан. Хотелось бы пожелать автору продолжить свой полезный труд и выпустить его в виде издания для массового читателя.

© 1998 г. Горяинов А.Н.

Славяноведение, № 4

J. SIATKOWSKI. Szesko-polskie kontakty językowe. Warszawa, 1996. 272 S.
Я. СЯТКОВСКИЙ. Чешско-польские языковые контакты.

Труд Я. Сятковского, известного слависта и богемиста, в течение ряда лет возглавлявшего Институт славяноведения ПАН (в настоящее время – Институт славистики ПАН), директора Института славянской филологии Варшавского университета, представляет собой своеобразный итог многолетних штудий ученого в области поль-

ско-чешского языкового взаимодействия.

Сборник включает 22 работы (как целостные исследования, так и отрывки из ранее изданных статей), отражающие творческий путь автора на протяжении 35-ти лет, начиная с конца 50-х годов (первая работа относится к 1959 г.) до 1994 г. (год выхода

последней по времени статьи сборника). Некоторые из статей публикуются на польском языке вперые.

Работы расположены по следующим тематическим разделам: проблема установления критериев, определяющих факт влияния чешского языка на польский язык XVI в., сформулированных на начальном этапе изучения польского языка XVI в.; конкретный анализ богемизмов в соотношении с "контрчехизмами" (польскими словами, которые полностью или на определенное время были вытеснены чешским эквивалентом) в языке авторов XVI в.; отдельные наблюдения над фонетическими богемизмами (своеобразное дополнение к фундаментальной двухтомной монографии автора "Фонетические богемизмы в польском языке" [1]; этюды по отдельным лексическим богемизмам в польском языке; влияние чешского языка на польский в области словоизменения, показанное на фоне аналогичных процессов в других славянских языках; взаимодействие польского и чешского языков на территории Польши, проявляющееся в воздействии польского языкового окружения на "островные" чешские говоры и чешские говоры на польско-чешском пограничье; непосредственное и опосредованное влияние церковнославянского языка на древне-польский; статьи обобщающего характера, в которых подводится определенный итог в исследованиях воздействия чешского языка на польский, и на новом уровне раскрытия данной проблематики определяются критерии установления богемизмов, сфера и характер их распространения, роль чешского языка в развитии литературного польского языка, а также предлагается краткая история изучения чешско-польских контактов и характеризуется современное состояние соответствующих исследований. Внутри каждого тематического раздела соблюдается хронологический принцип.

Благодаря такой удачной композиции читатель может проследить, как сформулированные на начальном этапе работы по созданию словаря богемизмов польского языка XVI в.¹ исходные теоретические положения, будучи примененными при анализе конкретного языкового материала, подвергаются дальнейшим уточнениям и

корректировке, а на определенном этапе исследования в обобщенном виде могут экстраполироваться и на более широкий славянский материал. Так, на начальной стадии работы над созданием словаря богемизмов в польской литературе XVI в. был сформулирован ряд критериев выделения чехизмов (фонетический, при всей сложности и неоднозначности его применения, принадлежность слова к определенному лексическому пласту, учет польского диалектного и общеславянского материала и др.), которые затем уточнялись и конкретизировались при анализе языка отдельных авторов и источников XVI в. (см. статьи сборника: "Чехизмы в языке Яна из Кошичек", "Чешские влияния в Молитвеннике сестры Констанции", "О нескольких богемизмах в Катехизисе Рея", "Богемизмы в Словаре Бартомея из Быдгощи", "Богемизмы в Римских историях от 1543 г."), а результаты тщательно проведенных исследований позволили сформулировать принципы более обобщающего характера, касающиеся взаимодействия не только чешского и польского языков, но и между другими славянскими (и не только славянскими) языками ("Критерии установления влияния близкородственных языков").

Тематико-хронологический принцип расположения статей позволяет выявить целый комплекс авторских идей и положений, последовательно отражаемых и реализуемых в ряде работ: осторожность в применении фонетического критерия; необходимость дифференциации "фонетическое заимствование" – "лексико-фонетическое заимствование" ("лексическое заимствование с чешскими фонетическими особенностями") – "орфографическое заимствование" – исконно славянский дублетизм в огласовке, один из вариантов которого совпадает с чешским (*wnuk-wnęć, roęczub-roęcus* и т.п.); учет истории слова в каждом из взаимодействующих языков (см. статью "Польское *wspniału*, чешское *spanily*" и др.); необходимость использования диалектных данных при квалификации языковой формы как заимствования; понятие "контрчехизма" (например, древнепольские *brona, si(e)nce, wiesiele* в отношении к богемизмам *brama, serce, weselle*); проводимое на всех уровнях (и особенно на словоизменительном – "Влияние чешского языка как арбитра на польское словоизменение") отличие между явлением заимствования из чешского языка и ролью чешского языка как арбитра в выборе одной из нескольких изофункциональных форм и др.

¹ Лексикографическое воплощение результаты этой работы находят в периодически издаваемых Я. Сятковским и М. Басаем выпусках "Обзора слов, относящихся в научной литературе к богемизмам" [2].

Идея о чешском языке как арбитре при вхождении в формирующийся польский язык великопольской или малопольской формы была, как известно, высказана в ходе дискуссии о диалектной базе литературного польского языка учителем Я. Сятковского З. Штибером и относилась в первую очередь к фонетическим явлениям [3]. Я. Сятковский распространил эту идею на более широкий материал и сделал инструментом, позволяющим дифференцировать собственно заимствование из чешского языка и опосредованное воздействие чешского "образа" на направление выбора одной из дублетных исконных форм. Например, воздействием чешского языка как арбитра Я. Сятковский объясняет наличие стяженных местоименных форм в языке XVI в., победу местоимения *každy* над *koždy*, отсутствие перегласовок $e > o$, $ě > a$ в ряде лексем и др.

Вообще и исследовательский метод Я. Сятковского, представляющий собой счастливое сочетание тщательного, филигранного анализа конкретного материала при учете культурно-исторического фона (см. например, статью "Когда Вацлав заменил Венцислава?") с базирующимися на этом анализе выводами общетеоретического характера, и сфера научных интересов ученого безусловно сформировались под воздействием работ и личности З. Штибера. Это относится, в частности, и к проблеме интерференции в чешских говорах на территории Польши ("Польско-чешские языковые контакты на территории Польши")². Исходя из характера интерференционных процессов, происходящих в чешских говорах, автор выделяет в них три группы: 1) говоры под Кудовой и Стшелинем; 2) языковые "островки" под Лодзью; 3) ляшские говоры на польско-чешском пограничье (Глубчицкое и Рациборское воеводства). В статье предлагается географическая, демографическая, этническая, социолингвистическая и собственно языковая характеристика указанного региона.

Включение в сборник работ разных лет, объединенных тематикой чешско-польских языковых контактов, дает возможность не только проследить эволюцию взглядов ученого на проблему воздействия чешского языка на польский язык XVI в., но и в полной мере демонстрирует то неизменное в творчестве ученого, что составляет стержень его научного кредо: научную добросовестность и честность, не позволяющие выдвигать беспочвенные гипотезы, не про-

веренные материалом, а также бездоказательно повторять некоторые ставшие традиционными положения. Еще в одной из первых своих работ Я. Сятковский пишет: "...я рассматриваю даже те слова, которые считались до сих пор чехизмами в научной литературе, хотя, по моему мнению, их нельзя отнести к чехизмам. Я стараюсь тогда, по мере возможности, обосновать свою точку зрения, однако не раз ограничиваюсь сопоставлением отдельных взглядов, отложив выбор определенной точки зрения на более отдаленное время, когда будет собран более значительный материал" ("Чехизмы в языке Яна из Кошичек". С. 23–24. Курсив мой. – Н.А.). Ср. в связи с этим пример постепенного усиления аргументации тезиса об отсутствии чешского влияния для древнепольского *sąmnienie/sumnienie*.

Указанному принципу формулировки окончательных выводов ученый остается верен в каждой из своих работ. Приверженность ему позволяет Я. Сятковскому нередко ревизовать сложившиеся стереотипы (например, о связи древнепольского *Waclaw* с культом св. Вацлава) или, напротив, возвращаться, вопреки преобладающим в последнее время взглядам, к старой этимологии (ср. возведение корня *žad-* в *zaden* к **žęd-*).

С проблемой богемизмов в польском языке соотносится и вопрос проникновения в польский язык церковнославянизмов: всегда ли южнославянизм входит в польский через посредничество чешского языка или возможно непосредственное заимствование из церковнославянского. Я. Сятковский в свете последних исследований о наличии славянской литургии на территории Малой Польши выделяет ряд церковнославянизмов, которые проникли в древнепольский непосредственно из церковнославянского (*sąmnienie/sumnienie, sąmnieć się, miłosirdny, zbawiciel*, возможно, *zbawić*). К сожалению, в библиографии данного тематического раздела не указана статья Т. Милевского [6].

Можно было бы предъявить некоторые претензии к полиграфическому исполнению работы: несоблюдение единства шрифтов (см., например, статьи "Еще раз о славянском *zaden* 'никто, ни один'", "О церковнославянизмах в древнейшей польской христианской терминологии"), некоторое число опечаток. Сноска 1 на с. 17 отсутствует в тексте работы. Не всегда выверена терминология в более ранних работах (например, вместо словосочетания "синонимические

²Ср. работы З. Штибера [4; 5].

дублеты" на с. 13 корректнее было бы употребить словосочетание "лексические дублеты" или пользоваться термином "синонимы").

Слависты, в первую очередь полонисты и богемисты, получили новое ценное пособие, освещающее историю языковых взаимодействий чешского и польского языков. Особую ценность эта книга представляет для историков польского языка. Изложенные в сборнике избранных работ Я. Сятковского принципы квалификации языковой формы как богемизма, классификация заимствований и отличие их от "арбитражной" роли чешского языка обогащают не только славистическую науку, но и общую теорию межъязыковых контактов.

© 1998 г. *Ананьева Н.Е.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Siatkowski J.* Bohemizmy fonetyczne w języku polskim. Wrocław, 1965. Т. I. 1970. Т. II.
2. *Basaj M., Siatkowski J.* Przegląd wyrazów uważanych w literaturze naukowej za bohemizmy // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. Łódź, 1964–1966. Т. X–XII; *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. Warszawa, 1967–1980. Т. VI–XIX.
3. *Stieber Z.* Uwagi o pochodzeniu polskiego języka literackiego // *Język Polski*. XXX (1950). S. 161–165.
4. *Stieber Z.* Geneza gwar łaskich. Kraków, 1934.
5. *Stieber Z.* Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych. Kraków, 1938.
6. *Milewski T.* Język staro-cerkiewno-słowiański w średniowiecznej Polsce // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Т. CXIV (1965). *Prace Językoznawcze*. Z. 15. S. 7–21. Перепечатано в: *Milewski T.* *Teoria, typologia i historia języka*. Kraków, 1993. S. 361–373.

Российско-польская конференция "Польская ссылка в России XIX–XX веков. Региональные центры"

Последнее десятилетие уже успело "приучить" российских историков к снятию запретов на разработку острых, ранее являвшихся закрытыми тем. В славяноведении к таким темам принадлежала, в частности, история репрессивной политики царизма и советских властей в отношении польского населения. Считалось, что исследование этой проблематики послужит якобы обострению советско-польских отношений и "нанесет урон дружбе народов СССР и Польши", тогда как в действительности только установление исторической правды может создать подлинную атмосферу доверия и дружбы.

Именно такую цель преследовали участники проходившей 8–12 сентября 1997 г. в Казани международной конференции "Польская ссылка в России XIX–XX веков. Региональные центры". Организаторами ее выступили Польская Академия наук, Комиссия историков России и Польши, Казанский государственный университет. Формулировка темы конференции предопределяла ее масштабность: в повестку было включено около 80 докладов, которые в совокупности позволили представить образ польской ссылки в России в широких хронологических и территориальных рамках. В то же время большое число докладов обусловило необходимость проведения секционных заседаний, что было с сожалением воспринято большинством участников, заинтересованных в возможности обсуждения проблематики польской ссылки в целом.

В работе конференции участвовали польские историки (11 человек) из Варшавы, Познани, Вроцлава, Гданьска во главе с председателем польской части Комиссии историков России и Польши профессором В. Сливовской, активно занимающейся исто-

рией польской ссылки, в том числе работающей над составлением Биографического словаря ссыльных поляков. Российские докладчики представляли почти все регионы России (не состоялись, к сожалению, доклады по истории польской ссылки на Кавказе, так как представители Ставрополя не смогли прибыть по причинам финансового характера). Именно в региональные комплексы и были сгруппированы доклады, что позволило затем более целенаправленно вести дискуссию. В то же время выдерживалась и определенная хронологическая последовательность в развитии темы. Были представлены интересные данные о репрессированных польских революционерах 20–30-х годов XIX в., о сосланных повстанцах 1863 г. Эти данные охватывали вопросы расселения поляков в ссылке, их материального и правового положения, занятий, связей, вклада в хозяйственное освоение и деловую жизнь тех или иных регионов России, в культуру и просвещение. Интересно было исследование такой стороны польской ссылки, как столкновение ее с уголовным миром. Важным моментом явилось также освещение вопросов об отношении к полякам местного населения, о помощи ссыльным и политзаключенным со стороны как российской, так и заграничной общности.

Особый аспект темы раскрывали доклады, представленные в секции, которая была посвящена истории XX в. Они содержали данные о происходивших в 30–40-е годы репрессиях Советского государства против поляков. Были обнародованы итоги статистических подсчетов общего числа репрессированных поляков и распределения по лагерям различных категорий польского населения, приведены сведения об их поло-

жении, о судьбах людей. В результате стала вырисовываться целостная картина, подтверждающая факты масштабности репрессий, преследования людей по национальному признаку, массового использования принудительного труда. Это позволило сделать и общие выводы: тоталитарное Советское государство продолжило репрессивную политику царизма в отношении народов, в том числе польского; его влияние определило также направление и формы деятельности репрессивного аппарата ПНР в послевоенные годы.

Несмотря на резкость и политическую остроту этих выводов, участники конференции, выступавшие в докладами и в оживленной дискуссии, оставались на уровне научной полемики, отнюдь не используя трибуну для политических заявлений, как то нередко бывало на иных научных форумах. Поддержанию высокого научного уровня конференции способствовало то, что большинство докладов основывалось на результатах глубоких архивных изысканий, на новых интересных материалах. Широко использовался также такой источник, как

воспоминания, причем не только опубликованные и неопубликованные мемуары: для характеристики последнего хронологического периода материалом служили специально собранные свидетельства жертв репрессий, их письма и т.п.

Как российские, так и польские участники конференции выразили удовлетворение от встречи и обмена мнениями. Было единодушно отмечено, что успеху способствовала хорошая организация конференции; ректорат КГУ, деканат его истфака и прежде всего коллектив кафедры новой и новейшей истории под руководством профессора И.И. Шарифжанова приложили огромные усилия, чтобы обеспечить все условия для работы, бытового устройства приезжих ученых, ознакомления их с историей и культурой Татарстана. В организации конференции большую помощь оказали правительство Республики Татарстан и местные фонды. Конференция, таким образом, явила хороший пример поддержки науки государственной властью на местах.

© 1998 г. *Фалькович С.М.*

К 75-летию А.И. ПУШКАША

10 марта 1998 г. исполнилось 75 лет со дня рождения ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, профессора, доктора исторических наук Андрея Ивановича Пушкаша. Его научная деятельность началась в Институте истории АН СССР. С 1968 г. А.И. Пушкаш является сотрудником Института славяноведения. Научные интересы А.И. Пушкаша сосредоточены на исследовании внутренней и внешней политики Венгрии в XX в. Он автор 10 монографий и соавтор множества коллективных работ. Его исследовательский интерес охватывает широкий круг проблем: это история аграрных преобразований в Венгрии, борьба венгерских трудящихся против фашизма, история Венгрии в межвоенный период, во время и после второй мировой войны. Особенно большое значение для развития отечественной историографии имеет такой труд Андрея Ивановича, как "Венгрия в годы второй мировой войны" (высоко оцененный также в Венгрии и опубликованный на венгерском языке). Неоспорим его вклад в изучение революционных событий в Венгрии в 1917–1919 гг. Исследования А.И. Пушкаша отличает глубокое знание не только отдельно взятой темы, но всего исторического контекста, в результате, например, внешняя политика одной страны предстает органично вписанной в сложный комплекс проблем международных отношений в Европе.

Будучи специалистом широкого профиля, организационно А.И. Пушкаш большую часть своего пребывания в Институте славяноведения проработал в секторе, а потом отделе истории стран ЦЮВЕ межвоенного периода. Здесь он принимал активное участие в создании серии коллективных работ по социальной структуре и политическим системам стран ЦЮВЕ, во многих теоретических семинарах, внося свой вклад в поиск новой методологии и инструментария исследований. В настоящее время А.И. Пушкаш осуществляет крупный исследовательский проект "Внешняя политика Венгрии в межвоенный период" в четырех томах (уже изданы первые три тома).

Всего на счету Андрея Ивановича около 400 научных работ. По признанию коллег, они отмечены высоким профессионализмом и весьма критическим подходом к использованию источников.

Об источниках надо сказать отдельно: трудами А.И. Пушкаша в научный оборот введено поистине колоссальное количество документов из архивов Венгрии, которые иначе вряд ли могли бы стать известны отечественным историкам. Значение этого рода деятельности Пушкаша тем более важно, что венгерский народ на протяжении столетий находился в постоянном соприкосновении со славянскими народами.

Среди иных сторон деятельности Андрея Ивановича – участие в подготовке научных кадров через аспирантуру, достойное представление отечественной науки на зарубежных научных форумах, содействие развитию научных связей с учеными других стран.

Коллеги желают Андрею Ивановичу дальнейших творческих успехов на благо исторической науки, здоровья, удачи во всех начинаниях.

Новые издания Института славяноведения РАН

- В 1995–1998 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:
- Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.
- *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- *Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII–70-е годы XIX в.). М., 1995.
- *Исследования по славянской диалектологии 3. *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- *Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
- Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- *Национальный зрел в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- Никифоров Н.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- *Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.
- *Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- *Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- **Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- *Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.
- Савченко В.Н.* Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- *Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- *Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- **Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- **Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- **Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI–начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
- *Дьяконов Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
- *Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- **Николаев Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- *Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- *Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- *Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
- *"Путь романтический совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
- *Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- *Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
- *Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- **Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.

- *Улуян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
- *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- *Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- *Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- *История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- *Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- *Материалы "особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- *Натура и культура. М., 1997.
- Николаева Т.М. "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста "Слова о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- *Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- *Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- *Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- *Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- *Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- *Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Центральная Европа в новое и новейшее время (Сборник к 70-летию Т.М. Исламова). М., 1998. 232 С.

Вопрос о месте центральноевропейского региона, его границах и исторически обусловленных характерных чертах широко дискутируется в последние десятилетия как в научной литературе, так и в публицистике Венгрии, Чехии, Польши и других стран. С конца 1980-х годов эти дискуссии неотделимы от осмысления собственного исторического наследия и поисков новой идентичности в странах, по итогам второй мировой войны отнесенных к советской сфере влияния и прошедших через полосу социалистических экспериментов. Историки России, Австрии и Венгрии, предлагая вниманию читателя сборник статей, сконцентрированных на ключевых моментах центральноевропейской истории нового и новейшего времени, пытаются внести свой вклад в изучение специфики региона.

Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998. 336 С.

В монографии доцента Тбилисского Университета М.П. Мургулии и доктора исторических наук В.П. Шушарина исследован весь круг источников по истории взаимоотношений половцев-кипчаков, в особенности их объединения во главе с Отроком-Атараком, с восточными славянами, с Грузинским государством XII в. и с королевством Венгрией в XIII в. Учитывается контекст внутри- и внешнеполитической истории государств. Подробно выясняется история пребывания половцев в Грузии и процесс их оседания на территории королевства Венгрии. Исследование источников с учетом результатов их предшествующего изучения позволило определить типологические черты и специфические отличия пребывания кочевников в земледельческих феодальных государствах.

Монография содержит информативный обзор источников и литературы на русском, грузинском и венгерском языках.

В приложении приведен полный перевод со среднегрузинского языка основного источника по истории Грузии XII в. – жизнеописание царя Давида IV Строителя.

CONTENTS

TO THE XII INTERNATIONAL SLAVISTIC CONGRESS

<i>Moshcova L.V., Turilov A.A.</i> (Moscow). "Moravskye zemle velen grazhdanin" (the Unknown Old Service to Methody).....	3
<i>Tarasov O.Yu.</i> (Moscow). The Emblematic in the Barock Icons in XVII–XVIII cent.	24

ARTICLES

<i>Dostal' M.Yu.</i> (Moscow). P.G. Bogatyrev in the Czechoslovakia in 1920–1930ies.....	31
<i>Kishkin L.S.</i> (Moscow). The Russian Emigration in Prague: Poets, Authors, Nemoirists (1920–1930ies)	43
<i>Pospisil I.</i> (Brno), <i>Zelenka M.</i> (Prague). The Inspiring Literary Conception of Eugene Lyacky.....	52
<i>Novopashin Yu.S.</i> (Moscow). The Soviet Army's Stay in Eastern Europe as Precondition of the Revolutionary Events 1989–1990	60

COMMUNICATIONS

<i>Grishina R.P.</i> (Moscow). The Notes on E.Z. Volkov and His Book "Christo Botev. On the Dawn of Balkan Revolutionary Communism"	70
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). One Testimony of the Hungarian Revolution in 1956 (V.A. Kryuchkov and His Memoires).....	75
<i>Labyntsev Yu.A., Shchavinskaya L.L.</i> (Moscow). The 1996 Scholarky Expedition "The Book Culture of the Orthodox Poland" and Its Results.....	83

PUBLICATIONS

<i>Bubenikova M.</i> (Prague). The Letter of E.I. Nabokova to A.L. Bem.....	91
<i>Goryainov A.N., Robinson M.A.</i> (Moscow). Six Letters by A.L. Bem and about A.L. Bem.....	94

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Savicky I.P.</i> Práce ruské, ukraínské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie v biografické údaje autorech).....	105
<i>Kosik V.I.</i> V.D. Kozlitin. Russian and Ukrainian Emigration in Yugoslavia 1919–1945.....	112
<i>Kosik V.I.</i> M. Јовановић. Досељавање руских избеглица у Краљевичу СХС, 1919–1924..	115
<i>Goryainov A.N.</i> A.I. Doronchenkov. Russian "First Wave" Emigration about the National Problems of the Abandoned Fatherland: an Essay	118
<i>Ananieva N.E.</i> J. Siatkowski. Česko-polskie kontakty językowe.....	119

SCIENTIFIC LIFE

<i>Falkovich S.M.</i> Russian-Polish Conference "Polish Exile to Russia in XIX–XX centuries. The Regional Centers"	123
--	-----

PERSONALIA

For the 75th Anniversary of A.I. Pushkash.....	125
The new publications of the Institute for slavic studies of RAS.....	126

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.04.98	Подписано в печать 21.05.98	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Уч.изд.л. 12,1
	Усл.кр.-отт. 6,2 тыс.	Бум.л. 4,0
	Тираж 587 экз.	Зак. 3766

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Издательство "Наука" РАН
обращает ваше внимание на следующие книги:**

Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. – М.: Наука. 1997. – 26,5 л. 288 с. 1500 экз. (п)

Очередной том ежегодника посвящен источниковедческому изучению памятников древнерусской письменности и содержит новые ценные данные.

По всем вопросам приобретения книг просим обращаться в Торговую фирму "Академкнига" РАН по адресу:
103624, ГСП, Москва, Б. Черкасский пер., 4.
Тел. торгового отдела: 923-72-84.

Индекс 70891